

ВАЛЕРИЯ ВОРОНЦОВА

ПРАКТИКУЮЩИЙ.
КЛЯТВА ВОРОНА

Валерия Воронцова

Практикующий. Клятва ворона

«Автор»

2023

Воронцова В.

Практикующий. Клятва ворона / В. Воронцова — «Автор», 2023

У Агаты Вольской есть все причины подозревать, что ее лучшая подруга угодила в секту. После короткого расследования и знакомства с новой компанией Ирки Агата понимает, что все гораздо сложнее. Сложнее потому, что жизнь после встречи с потомственным темным ведьмаком не может быть простой. Особенно когда он заявляет, что ты – его фамилляр и вам необходимо «заключить связь». Связь, которая изменит все. Пути назад нет, ведь любовь его не предоставляет, и перед Агатой открывается мир Практикующих. Мир, где вопросов больше, чем ответов, клятвы сильнее чувств, а каждая тайна несет в себе угрозу.

© Воронцова В., 2023

© Автор, 2023

Валерия Воронцова

Практикующий. Клятва ворона

Глава 1

– Агат, ну прости, я уже пообещала Леше, что пойду в кино с ним. А завтра мы на шашлыках с его друзьями...

Я повела носом, реагируя на слово «шашлыки», представляя куски мяса в луке и маринаде. Сочные, с жирком, пахнувшие, как самая заветная мечта гурмана, и на вкус, наверняка, не хуже. Пока в моей голове формировался идеальный вид сырого мяса, а рот наполнялся слюной, Ирка еще говорила что-то. Судя по тону, скатывалась в извинения и оправдания. Тяжело вздохнув, я переложила телефон в другую руку и сунула освободившуюся в карман домашних брюк.

– Ир, все нормально. Я поняла. Погуляю одна. – Я сделала почетный круг по нашей с мамой однокомнатной квартире, обходя журнальный столик и угловой диван.

– Ну не обижайся, пожалуйста.

– Что ты, какие обиды. – Пройдясь по комнате, я пнула плюшевого бегемота, которого часто использовала в качестве подушки или подпорки для спины на диване. – За зимние каникулы, которые, кстати, подходят к концу, мы увиделись три раза, при том, что живешь ты в двадцати минутах ходьбы от меня. Я ничего не знаю про твоего Лешу, кроме того, что он программист и у него есть машина, а еще он голубоглазый блондин, что никогда не считалось твоим типажом. Вы встречаетесь больше месяца, а ты так и не познакомила его со мной, как бы, своей лучшей подругой. Какие уж тут обиды.

– Агаточка...

– Не. Называй. Меня. Агаточкой, – процедила я, хмуро разглядывая себя в зеркальную дверцу шкафа-купе в прихожей.

– Прости. Это сложно объяснить, мы... он...

– Перекраивает тебя под себя, – продолжила я, перебив. – Помнишь предыдущие сессии? Мы всегда готовились к экзаменам вместе. А в эту...

– Я сама знаю, что завалила ее, для нотаций у меня мама есть! – огрызнулась Ирка, почуяв, куда я клоню. Действительно, на этой сессии она завалила три экзамена из пяти, можно было помахать ручкой красному диплому. В отличие от меня, она к нему стремилась два предыдущих курса и первую половину третьего, пока в ноябре в ее жизни не появился этот индивид, чья личность под грифом «секретно».

– Видимо, она познакомилась с таинственным Лешей и настолько им очаровалась, что не обратила внимания на твою съехавшую учебу, систематические прогулы и мое рекордное за последние два года отсутствие у вас в гостях, – едко отметила я.

– Агат, прекрати меня отчитывать, я взрослый человек, и я не могу все время быть рядом с тобой! – вспыхнула на том конце Ругалова, яростно засопев.

– Ты кто? Взрослый человек? А кто звонил мне три дня назад, не зная, как сварить макароны: в холодную их воду бросать или в кипящую?

– Ну и что! Мое неумение готовить – не показатель!

– Верно. Показатель – нежелание подумать. Как можно сварить макароны, бросив в холодную воду?

– Вольская, отстань! Ты не понимаешь, а объяснить – сложно. Мне важно быть с ним, я ему нужна, ясно? Увидимся в универе, Агаточка! – мелочно припечатала Ругалова, тем самым подписав себя на поток моих язвительных замечаний при первой же встрече.

Разговор завершился прежде, чем я успела сказать кое-что о шаблонности ее заявлений, почерпнутых явно из бульварных романчиков. Буркнув нечто нецензурное телефону, я подкинула его и поймала на лету, тут же пряча в карман. Ирка позвонит вечером и извинится, всегда так. Бесится, потому что я права (а, как истинная зануда, я права почти всегда), вот и трубки бросает.

Итого еще три дня каникул в одиночестве. Не сказать, чтобы оно особо меня тяготило... Но гулять по городу я все же любила в компании: рассматривать рекламные афиши, обсуждать планирующиеся концерты или выход фильмов... Ладно, и одна пройдуся.

Тем более сейчас, когда из ремонта вернулся мой плеер, с легкой руки мамы испытавший на себе пытку водой, путем попадания в стиральную машину. Обнаружив свои теплые носки на батарее в ванной, я быстро натянула их поверх тонких, сменила домашнюю одежду на джинсы и водолазку, подкрасила ресницы и, нацарапав своим кривым почерком записку маме в духе: «Ушла гулять – вернусь нескоро, ужин на плите», остановилась в прихожей. Мелочь по карманам пуховика, телефон во внутренний, борьба со шнурками тяжелых зимних ботинок, шарф, шапка, ключи, наушники... Почему мелочей всегда так много и все, как назло, нужны?

Включив плеер, я вышла за дверь, повернула ключ в замке на три оборота и шагнула в темный зев лестничной площадки. Лампочка опять перегорела, хотя вроде бы старшая по подъезду, баба Валя с третьего этажа, только вчера ее меняла – я слышала ее возню в коридоре, пока мыла в прихожей полы.

Отсутствие освещения никогда не было для меня проблемой, я не боялась темноты и легко в ней ориентировалась, чего нельзя было сказать о моей маме, способной превратить обыкновенный ночной поход за стаканом воды в настоящую катастрофу. Тяжело вздохнув, я потопала на третий этаж, по дороге отмечая пару свежих надписей на стенах, адресованных Светке с четвертого. Не все из них были признаниями любви и, встретив несколько вполне себе конкретных пожеланий умереть в расцвете лет, я усмехнулась, качая головой.

Интересно, кто впускает этих доброжелателей в подъезд? И как Светка, двадцатитрехлетняя секретарша в какой-то турфирме, умудряется каждый год находить себе по поклоннику-вандалу? В смысле, это же старая школа – расписывать подъезды уже не модно. Куда круче создать мем и запостить по нескольким соцсетям сразу – и охват, и эффект...

Поймав себя на том, что рассуждаю в рамках своей специальности связей с общественностью и пиара, я хмыкнула, качая головой. Знания универа налипали сами собой, достаточно было просто посещать лекции. Регулярными визитами туда я не отличалась, но умудрялась прогуливать с какой-то особой удачей: то преподаватель сам заболел и не придет, то староста мое отсутствие не отметит, то переключку не проводят...

Правда, это везение всегда компенсировалось экзаменационной сессией. В билетах мне с завидным постоянством попадалось то, что я не успевала повторить, а в тестах я часто подставляла саму себя, сначала отмечая правильные ответы, а после зачеркивая их и меняя ответ на самый-самый неправильный. Выкручивалась исключительно благодаря памяти и харизме.

В группе про меня шутили, что я могу умастить кого угодно, попросту отпустив пару шуточек и посмотрев в глаза со «своим особым выражением». Понятия не имею, что это за выражение, как выглядит и в какой момент появляется, но пока получается и работает – это не так уж и важно.

Остановившись возле квартиры бабы Вали, я нажала на кнопку звонка посильнее, зная, что старушка туговата на ухо. Из приоткрывшейся двери на меня дохнуло вареной капустой и убежавшим молоком, слышалось рассерженное шипение сямки Багиры, путающейся в

ногах у хозяйки. Я была одним из тех редких людей, за кого определили, собачник он или кошатник, сами животные.

К кому бы в гости я ни пришла, в каком бы дворе ни остановилась, реакция всегда была одинаковой: кошки шипели, выгибали спины и предупреждали, что выпустят когти, попробуй я только подойти, а собаки ластились и считали меня своим лучшим другом. Как-то раз огромная косматая бродячая псина, появившаяся из ниоткуда, просидела со мной и Иркочкой три часа во дворе, просто прижимаясь к моей ноге. Мы, конечно, пошутили над этим, мол, животное плохую компанию не выберет, но припоминали эту странность еще недели две потом. В общем, в битве между злостным мяуканьем по ночам и слюнями на лице с утра, я выбирала слюни.

– Баб Валь, это Агата с первого, – громко сказала я.

– Ты с собакой, что ли? Багирушка волнуется!

– Да ну, откуда собака, нет у нас ее, – терпеливо ответила я, подозревая, что Багирушка не волнуется, а собирается коварно вцепиться мне в ногу, едва представится такая возможность.

– Чего случилось-то? – открыла старушка дверь пошире, давая увидеть зеленую вязаную кофту и пуховый платок, обвязанный вокруг поясицы. Похоже, спину прихватило, может, она вообще лежала, а я ее подняла...

– Да лампа на лестничной площадке на первом опять перегорела. Нет у вас еще одной, я тогда сама заменю? – смутилась я, как-то не подумав, что она могла отдыхать.

– Еще чего, самой тебе менять, что у нас, мужиков в подъезде, что ли нет? – праведно возмутилось баба Валя. – Иди, сейчас позвоню Степанне, пушай внука своего пришлет, он у нее сегодня выходной, вот и поменяет. И с мамкой поговори, уж пора бы ей у меня этот пост забрать, она у тебя женщина грамотная, серьезная...

Вот только этой радости ей не хватало ко всем прочим. Я начала качать головой, не дослушав поток комплиментов маме. Старожилы дома уже третий год пытаются всучить маме шефство над подъездом, что на деле означало один сплошной геморрой: сбор подписей по всем вопросам, денег по всем возможным нуждам, звонки во все организации, занимающиеся благоустройством домов, проведение собраний, обивание порога городской администрации... Нет уж, к черту эти неприятности.

– Баб Валь, ну когда ей? Работает она, устает сильно, времени на сон не всегда хватает, жизнь сейчас такая, – заученно ответила я, поскольку разговор заводился далеко не в первый раз, но может баба Валя, в силу возраста, этого не помнит.

– Да-да, жизнь тяжелая, получила пенсию недавно, сходила в магазин, и вроде не купила ничего такого, а... – ожидаемо переключилась бабуля на заданную тему, и развивать ее она могла еще долго, если бы не возмущения Багиры, издающей горловые звуки, напоминающие обещания жестокой расправы. – Ох, милочка, мерзнет, наверное. Все, Степанне позвоню, лампу заменим, не переживай, – сократилась баба Валя до прощаний, закрывая дверь.

Решив, что миссия выполнена и максимум заботы о соседях проявлен, я спустилась в темноту первого этажа, перепрыгивая ступеньки. Нажав кнопку домофона, толкнула тяжелую железную дверь и наконец-то оказалась на улице. Начинало темнеть, скоро народ потянется с работы, что на деле означало не только пробки, но и длиннющие очереди в магазинах.

Прикидывая, не нужно ли чего купить домой, я сняла музыку с паузы, натянула варежки и бодро зашагала через двор по снежному лабиринту сугробов по пояс высотой, созданному водителями, прочищающими путь от своих машин до дома еще вчера утром. Шедший всю ночь снегопад немного подпортил первоначальную картину, но проехать все еще было можно.

Покачивая головой в такт музыке, я сдержалась от бормотания текста песни под нос, опасаясь лишней раз открывать рот на таком морозе. Покинув двор-коробочку через арочный проход, я вышла на проспект Ленина, одну из главных улиц Тулы, моего родного города, о котором общеизвестны две вещи: здесь пекут лучшие пряники и делают оружие. Собственно говоря, этого было достаточно, чтобы понять, что народ туляки гостеприимный и серьезный,

но если требовалось дополнение, и речь заходила о культурном наследии, то все вспоминали о Ясной Поляне, расписных самоварах, Левше и гармонии. И это уже было больше пунктов, чем могла похвастать наша соседка-Калуга с ее Музеем космонавтики.

Кто-то подумал бы, что мне не нравится Калуга, но, на самом деле, я просто люблю свой город. И, по-моему, это нормально, любить свою малую родину больше других городов, какими бы прекрасными они ни были. Поэтому, когда пару лет назад речь зашла о возможном переезде в Москву в связи с маминым повышением на службе, я упиралась руками и ногами, в конце концов, одержав победу.

Одна из самых главных моих проблем – я очень сильно привязываюсь к людям, местам, и с трудом принимаю любые перемены в жизни. Трагедией считается даже завершение съемок любимого сериала, а уж такая глобальная вещь, как смена всей обстановки от и до – вообще катастрофа. Катастрофа, которую удалось избежать.

Что если сейчас, с Ругаловой, происходит то же самое? Я прикипела к ней, и теперь, когда в ее жизни произошли достаточно серьезные изменения, не могу подстроиться под эту перемену, сократившую ее время на меня, потому и злюсь?

Нет.

Ответ был как всегда четок и однозначен, загоревшись в голове огненными буквами. Мое «чутье» еще ни разу не подводило, чем я всегда очень гордилась. Достаточно было спросить что-то про себя, и внутренний голос уверенно и безапелляционно говорил «да» или «нет», без промежуточных «не знаю», «может быть», «наверное».

На самом деле, это лишь самая незначительная, никому не известная моя особенность. С детства от сверстников меня отличал целый ряд «ненормальностей», из-за которых я не могла как следует вписаться ни в одну компанию. Детский сад, школа, соседские ребяташки во дворе... Мне нигде не было места из-за моих странностей.

Например, моей обычной температурой считалось 37 и 2, и в школе я часто использовала это, легко отпрашиваясь домой с контрольных. Заболела, что поделаешь. ОРЗ – оно такое коварное: насморка и кашля еще нет, а температура, вот, уже есть. К слову, я вообще никогда не болела простудой, гриппом, ангиной и чем-либо, через что проходят все дети. Даже банального несварения желудка и того не случалось. Что, разумеется, ни капли меня не расстраивало.

И это подводило еще к одной моей странности. Я ела все и очень быстро. Настолько быстро, что мои немногочисленные родственники, смеясь, напоминали, что можно и помедленней, никто не отнимет. Упаковка сарделек улетала за пару минут, и это считалось лишь легким перекусом. Вообще, все, что могло назваться мясом, поглощалось почти мгновенно.

Подумав о шашлыках, на которые завтра отправится Ирка со своим Лешей, я завистливо вздохнула. Может, они окажутся невкусными, в соленом маринаде или жарить будет неумеха и спалит их до угольков. Я этого, в любом случае, не узнаю.

Да Ирка тоже не поймет, она вообще в еде неразборчива. Не различает, где слишком соленое, где острое, а где вообще пища испорчена и лучше ее даже не пробовать. В отличие от меня. В дополнение к зверскому аппетиту мне так же достались обостренный слух, обоняние и вкус. Видимо, чтобы этот самый аппетит не свел меня в могилу.

Но даже не это делало меня отщепенцем, хотя девочка, которая в любом окружении всегда слышит сплетни про себя и не мирится с этим, открыто вступая в конфликт, по определению не может быть душой компании. Скорее уж занозой в одном месте.

Один такой конфликт в далеком детстве показал самое главное мое отличие, заставившее меня саму сторониться чьего-либо общества долгое время. Я не хотела повторения того случая. Я не хотела даже чего-то минимально приближенного к нему.

Поморщившись, я стянула варежку с правой руки и сунула ее в карман, к плееру. Не доставая верного (пока разряженная батарея не разлучит нас) друга, я разблокировала его

и прибавила громкости. Это всегда помогало уйти от назойливых жалищих мыслей, а их в последнее время что-то поднакопилось.

Миновав аллею с десятком уютно расположенных прямо перед маленькими фонтанчиками скамеек, я свернула мимо городской детской библиотеки и прибавила хода, успешно разминувшись с двумя женщинами, волокущими пакеты с коробками из-под обуви. Это напомнило о моих любимых и окончательно загубленных осенью кедах, потерпевших поражение в схватке с бездорожьем.

Покосившись на кондитерскую через дорогу, я огромным усилием воли заставила себя идти дальше, хотя о божественности здешних бубликов знал весь город. Когда вдали показалась железная ограда парка, я едва не перешла на бег – настолько хотелось побыстрее оказаться внутри, подальше от машин, людей и бесконечного грохота, не перекрываемого даже музыкой.

В парке как будто начиналась другая страна. Все такое тихое, сказочное, бело-апельсиновое в свете фонарей и с черными крапинами-стволами деревьев. Мамочки уже закончили свой вечерний променад, никаких лыжников из-за погоды, да и всяким парочкам и компашкам тоже не сезон. Красота.

Конечно, гулять в огромном безлюдном парке после наступления темноты равно напрочь отбитый инстинкт самосохранения, но как раз с ним у меня все было отлично. А вот все ли в порядке с моей головой – это уже другой вопрос. Вопрос, поиском ответа на который я занимаюсь уже не первую пятилетку.

С быстрого шага я перешла на легкий бег трусцой, добежала до центрального фонтана, мимо деревянной сцены, и уже заворачивала к аллее, где в теплое время года работали аттракционы, когда внимание мое привлек крик. Резко притормозив, уже оборачиваясь, я увидела несущегося на меня лабрадора.

Весело гавкнув, он промчался мимо по прямой, хлопая ушами и оставляя за собой борозду от заледеневшего ленточного поводка, вившегося за ним. Секунды были потрачены на понимание происходящего, и к тому моменту, когда стало очевидно, что пес убежал от хозяев, он уже скрылся за поворотом на аллею, ведущую к детским площадкам. Черт!

В начале аллеи показалась задыхающаяся полноватая женщина в тяжелой шубе. Согнувшись, она оперлась ладонями о колени и, увидев меня, закричала:

– Здесь лабрадор не пробежал? С синим ошейником и поводком?

– Пробежал! – сдернула я наушники. – В сторону площадок побежал! Как его зовут?

– Джамбо! Стервец! За белкой погнался, дурья башка!

– Вы идите с той стороны, а я побегу за ним! – особо не раздумывая, что делать, крикнула я, указывая ей на параллельную аллею, так же ведущую в ту сторону, только более длинным путем. – Сейчас поймаем!

Я припустила следом за Джамбо, досадуя, что не сообразила наступить на поводок сразу, как увидела. Вот чего я, спрашивается, стояла и ждала? Погоды на море?

Проскочив велосипедную дорожку, я всмотрелась в лес, опасаясь, что беглецу хватит ума сойти с дорожек и ринуться напролом. Тогда мы рискуем его вообще не поймать или его прихватит кто-то другой и уведет домой. Даже если к ошейнику прикреплен телефон хозяйки, это могло ничего не значить. Добрых людей на свете много, и закон «что нашел – то мое» еще никто не отменял.

– Ну же, Джамбо, куда ты ускакал, – буркнула я себе под нос. – Джамбо! Джамбо! Джамбо!

Выкрикивая кличку собаки, я на бегу расстегнула пуховик, сковывающий движения, совершенно не чувствуя мороза. Отличная проверка иммунной системы. Если и после такого не заболею, можно будет окончательно утвердиться в этой аномалии моего организма.

Вдалеке мелькнул рыжий хвост, и я увеличила темп, надеясь, что, рано или поздно, пес заинтересуется каким-нибудь запахом, или у него в лапы набьется достаточно снега, чтобы

притормозить. Понятное дело, что пытаться догнать мчащуюся во весь опор собаку – дохлая затея. Это даже профессиональному бегуну не под силу, а я им точно не была, хотя и отличалась определенной выносливостью к физическим нагрузкам.

Похоже, Джамбо пошел на второй круг. Перейдя с бега на быстрый шаг, надеясь нормализовать сбившееся дыхание, я решила срезать и перехватить его в начале аллеи, где, обычно в теплое время года проходили занятия по физкультуре у спецгруппы. Как раз с противоположной стороны от фонтана и главного входа. Выбежав в ее начало, к ряду скамеек, я посмотрела на видневшийся неподалеку сквер у кинотеатра и зацепилась взглядом за единственную занятую скамью. Частично занятую, если быть точнее.

На спинке, словно петух на насесте, сидел парень в черных джинсах и кожанке, разглядывая свои ноги в тяжелых ботинках, опущенные прямо на сидение. Напротив него стояли две девушки, тоже во всем черном. Та, что была повыше, еще и курила.

Первой внимание на меня обратила ее спутница. Резко развернувшись, она почти полностью закрыла собой курящую и внимательно посмотрела на меня, будто оценивая угрозу. Настороженность в ее взгляде удивляла и даже несколько обижала. Понимаю, если так смотреть на наркомана, мало ли, что тому в голову взбредет, но я-то вряд ли хоть чем-нибудь походила на человека под дозой или ищущего ее.

– Простите, – все же обратилась я ко всей тройке, поскольку других вариантов не было. Если Джамбо здесь пробегал, они просто не могли не увидеть здоровую породистую явно домашнюю собаку, промчавшую мимо на световой скорости.

– За что? – выглянула из-за настороженной курящая, и я едва сдержалась оттого, чтобы не отступить на пару шагов, развернуться и побежать искать Джамбо в другом месте. Ее карие глаза усмехались, как будто она знала, что я хочу дать деру. Хотя, скорее всего, у нее таких ситуаций, когда чувствуется собственное внешнее превосходство, по десятку каждый день.

Девушка напоминала вампира, какими их представляют на разных готических фотосессиях: бледное лицо, черные стрелки и ресницы, алая помада, длинные черные волосы по пояс, как будто вытекающие из капюшона пуховика. Руки и те были не в варежках, а в перчатках. Словно этого было мало, образ довершали массивные перстни с громадными камнями, нанизанные на пальцы прямо поверх ткани. До того, как она опустила руку с тонкой скуренной наполовину сигаретой, я точно увидела зеленый и красный.

Вторая оказалась столь же готична, разве что более спортивна, чем элегантна. На ней были надеты зимние ботинки, чем-то похожие на мои, а не сапоги по колено, черные обтягивающие джинсы, кожаная куртка с меховым воротником и обычная черная шапка, из-под которой на лоб вылезали черные пряди. Наверное, короткая стрижка. Да и макияж ближе к моему: только губы и ресницы, ничего особенного и привлекающего внимания. Зато глаза ярко-зеленые, что, в общем-то, редкость, какой не требуется косметика, чтобы быть замеченной.

В любом случае, в сравнении с этой парочкой, я в своем обыкновенном пуховике нарапашку, вязанном шарфе, свисающем одним концом до колена, а вторым до пояса и состоянии сильной растрепанности не то что проигрывала, а даже не была допущена в их лигу.

– За беспокойство, – ответила я, пересилив себя и вместо шага назад сделав еще один вперед. Парень, так и не поднявший до сих пор головы, передернул плечами, похоже, усмехнувшись. – Вы не видели, здесь лабрадор с синим поводком не пробегал?

Девушки переглянулись, для чего настороженной потребовалось обернуться, и я увидела шикарный арт на спине ее куртки, представляющий собой пантеру, держащую в когтях луну. Нарисованная зараза смотрела на меня столь же высокомерно, как и все вполне реальные представительницы ее вида до этого.

– Псины – это твоя специализация, – обратилась вампирша к парню.

Вздыхнув так, словно подруга испытывала границы его терпения, парень выпрямился и поднял голову, наконец-то дав себя разглядеть. Моргнув, я едва не потеряла тот шаг, что

удалось отвоевать в борьбе с собственными комплексами. Он был... не менее эффектен, чем его приятельницы.

– Тебе не надоело? – устало поинтересовался он в ответ. Я мелочно порадовалась, что на парня поведение подружки и ее манера держаться не производили никакого впечатления. Или они уже давно в отношениях, и он привык.

Такой же бледный, как и курящая, но черты лица грубее: узкий подбородок, высокие скулы, длинный нос с небольшой горбинкой... Широкий лоб наполовину скрывали волосы, особо густо растущие на затылке и макушке и плавно переходившие в челку. Виски побриты по-модному и со вкусом. Наверняка профессиональная дорогая стрижка, которую приходится постоянно обновлять.

Однако все это терялось в сравнение с его глазами. Серый – бледный цвет, по идее, я даже не должна была сразу понять, что это он, но здесь на это невозможно было не обратить внимания. Абсолютно серые, практически свинцовые, как сгустившиеся снежные тучи, собирающиеся обрушить снегопад. И взгляд такой серьезный, не пугающий, не насмехающийся, а... изучающий.

– Вы разминулись на развилке, ты побежала не в ту сторону, – заявил он мне. – Возьми по прямой до загона с косулями, потом свернешь направо. Метров за семь до общего спуска к берегу пруда будет протоптанная узкая тропинка в лес. Он там, зацепился поводком за сук и наматывает круги. Побежишь быстро – успеешь до того, как ошейник лопнет.

– Что? Как ты...

– Считаешь, у тебя есть время на вопросы? – приподнял он бровь.

– Извиняем за беспокойство, – поддакнула вампирша, хихикнув себе под нос и отправляя окурок в урну.

Мне уже было некогда обращать на это внимание. Пробежав мимо колоритной троицы в заданном направлении, я набрала темп, правильно поставив руки и выталкивая себя на каждый шаг вперед. Загон, повернуть направо в сторону спуска к берегу... Подумать только, какого черта я следую этой инструкции? Откуда он может знать, где собака, если сам все это время сидел на лавочке? Сейчас спущусь, там не будет никакого Джамбо, а они, наверное, уже ухахатываются надо мной, отпуская комментарии один язвительней другого.

Тем не менее тропинка, о которой говорил странный сероглазый парень и, правда, обнаружилась быстро. И даже почти на том же расстоянии от общего спуска, что он указал. Спускаясь по ней, я схватилась за нависающую ветку, чтобы не поскользнуться на подмороженном снегу и не полететь кубарем вниз. Как раз до пруда по такой траектории докачусь, головой вперед. При условии, что на пути не вырастет дерево. Боюсь, от сотрясений и переломов мой организм не застрахован.

Еще на полпути стали слышны скулеж и возня. Неужели...? Буквально соскочив вниз, я обнаружила Джамбо, намотавшим свой поводок вокруг молодой березки, за которую зацепился петлей для руки, трижды.

– Вот же дурень! – в сердцах воскликнула я. – Так и удавиться недолго!

Мой голос остановил попытки вырваться из коварной ловушки, пес повел носом, а потом замахал хвостом, как пропеллером. Можно подумать, я его хозяйка.

– Что, уже не такой веселый? За белкой он погнался, видите ли, – подойдя вплотную, я протянула ему ладонь, давая обнюхать. В качестве бонуса он ее еще и облизал. – Ты тоже теперь в моей армии слюнвях поклонников или просто голодный? – ласково пробормотала я, зарываясь пальцами в светлую шерсть за ухом. – Отличное приключение. Сходила в парк побегать, Агата, молодец. В итоге в полной темноте в лесу распутываю поводок сумасшедшей, удравшей от хозяйки, собаки. Не забудем, что найдена вышеупомянутая по наводке странного парня, выглядевшего, как ненакрашенный принц готов. Откуда он вообще знал, что ты здесь? –

обратилась я к Джамбо, распутывая его поводок и обходя вокруг березы. – Сознавайся, он сам тебя сюда притащил и так привязал?

Джамбо, понятное дело, не ответил, только еще больше развеселился, когда мне все же удалось отвязать его и просунуть руку в петлю поводка.

– Ладно, пойдем искать твою хозяйку, горе-охотник, – пробормотала я после того, как застегнула пуховик и вернула на место наушники, все же не готовая пока включать музыку. Натянув пониже шапку, я направила пса по тропе наверх, чувствуя не меньшую усталость и голод, чем он.

Выбравшись на дорогу, я потянула Джамбо в сторону аллеи, надеясь, что его хозяйка хотя бы в этой стороне парка. Пес послушно зашагал впереди, не пытаясь принюхиваться к каждому кусту. Наверняка больше вымотался на попытках выбраться, чем на гонке-преследовании. Что там говорил этот парень? Ошейник должен был лопнуть?

Притормозив лабрадора под ближайшим фонарем, я осмотрела широкий ремень, медленно переворачивая его вокруг шеи Джамбо. Действительно, был небольшой участок, где кожа потрескалась и проглядывала белая ткань. Что за чертовщина?

Несчастную и уже успевшую расплакаться хозяйку мы нашли возле фонтана в компании мужа и двух мальчиков-подростков. Едва увидев своих, пес принялся рваться вперед, как сумасшедший, и, опасаясь за ошейник, я снова перешла на бег, чтобы побыстрее вернуть Джамбо в семью.

– Джамбо! – закричали дети, бросившись навстречу.

– Вы нашли его! – шмыгала носом хозяйка. – Ох, спасибо! Мы уж думали вызывать в парк всех друзей и знакомых и организовывать масштабные поиски! Что мы можем для вас сделать?

Отвязаться от радостного семейства мне удалось только минут через десять, за которые пришлось раз пятнадцать их заверить, что ни деньги, ни что-либо еще в качестве награды мне не нужно, и подвозить до дома тоже. Главное, чтобы больше не теряли своего любимца. Рассказав, где нашла его и предупредив об ошейнике, я на прощание потрепала его по ушам и направилась в противоположную сторону.

Мрачной троицы у скамьи не оказалось, что, в общем-то, было неудивительно, но я все равно немного расстроилась. Хотелось поблагодарить сероглазого парня за помощь. И еще больше хотелось узнать, как он так точно все рассказал, ни в чем не ошибившись.

В самом деле, ведь не сам же он привязал Джамбо к дереву? То, что это могли быть его приятельницы, даже не рассматривалось. И что за фраза такая: «Псины – это твоя специализация»? Он ветеринар, что ли?

Выйдя из парка со стороны кинотеатра, я спустилась вниз, перешла трамвайные пути и пошла дворами, спускаясь на свою улицу. Столько приключений, странностей, вопросов, а обсудить не с кем. Не Ирке же звонить, она со своим таинственным Лешей, да еще и в кино, и мы поссорились. Интересно, что бы она сказала на все это? Интуиция подсказывала, что ничего хорошего.

Глава 2

Выходные прошли весьма заурядно. Уборка, магазины, готовка, сериалы и нытье в общем со всеми сокурсниками чате по поводу нового расписания. Две физкультуры в неделю, и обе первыми парами, а это, между прочим, 7.45 утра. В понедельник пятой парой английский. Во вторник третьей философия на седьмом этаже девятого корпуса, а четвертой логика в третьем, что означало сокращение большой перемены наполовину из-за дороги с одного занятия на другое.

В этой бочке дегтя нашлась ложка меда в виде свободной пятницы на нечетной неделе, и начинали мы семестр как раз с нее, но... три дня подряд к первой паре перевешивали. Я

заранее предвидела у себя около десяти отработок по физре, поскольку, живя всего в пятнадцати минутах ходьбы от спортивного корпуса, не находила в себе силы вставать в семь утра так часто. Не представляю, как иногородние поднимаются в шесть, чтобы сначала добраться до Тулы, а потом до университета.

Предстоящая учеба была лишь малой частью того, о чем я думала. По какой-то причине мне не давала покоя готская троица из парка. Может быть, дело в банальном любопытстве, скуке и желании понять, как тот парень узнал, где искать собаку, или я старалась не думать о Ругаловой, так и не связавшейся со мной в пятницу, как ожидалось.

Телефон молчал все выходные, и с каждым часом во мне все больше росло это гадкое липкое чувство обиды. Похоже, у Ирки действительно больше не было времени на меня. В пятницу кино, вчера шашлыки с друзьями Леша, а сегодня еще что-нибудь. К черту Агату.

Из-за книжного шкафа, отсекающего половину моего угла в нашей однокомнатной, выглянула мама:

– А ты чего сегодня весь день дома? Вы с Иркой никуда не пойдете?

– Нет, – пробурчала я, разворачивая окно браузера на экране ноутбука и имитируя бурную деятельность, заключающуюся в перелистывании закладок.

– Разругались что ли?

– Нет. Ей просто некогда. Все свободное время она проводит с Лешей, – от язвительности на последних словах избавиться не удалось. Потому что я вообще не старалась ее скрыть, уж самой себе можно не врать.

– Мальчик из вашей группы? – заинтересовалась маман, и я почувствовала, куда сейчас может направиться этот и без того неприятный разговор.

– Нет.

– А кто?

– Не знаю. Программист какой-то.

– Сколько ему лет? Где они познакомились?

– Не знаю.

– Ну что-то ты должна знать? – удивленно спросила мама.

Значит, не я одна считаю, что подобная скрытность со стороны Ирки ненормальна. Успокаивает, однако.

– Да. Осло – столица Норвегии, в скелете человека 206 костей, хорьки спят около двадцати часов в сутки, а у осьминога прямоугольный зрачок. Видишь? – закатила я глаза. – Мои знания безграничны.

Мама понимающе посмотрела. Отвратительно понимающе. Настолько отвратительно и настолько понимающе, что захотелось спрятаться под одеяло, лишь бы этого не видеть. Я бы так и сделала, скажи она еще что-нибудь в дополнение к этому фирменному взгляду, но мама просто молча ушла на свой диван, не став развивать тему. За что ей от меня была объявлена благодарность в виде приготовленного чая.

В понедельник, собираясь ко второй паре, что, на самом деле, больше походило на бег с препятствиями по квартире под веселую музыку, я была прервана звонком мобильного. Предсказуемо объявилась Ругалова.

– Да? – подняла я трубку прежде, чем позволила себе передумать и сбросить. Это будет совсем по-детски и глупо.

– Привет! – радостно поздоровалась Ирка. – Идешь в универ?

Ух ты, какая веселая. Как-будто два дня назад не бросала трубку после того, как накричала на меня. Завидую я такой забывчивости.

– Да.

– Ты что, до сих пор на меня дуешься? – чуть помолчав, уже спокойнее спросила Ругалова. Надо же, как быстро сориентировалась.

– А есть за что? – поинтересовалась я, придерживая трубку плечом и возвращаясь к поискам коричневой помады в косметичке.

– Ага, ну не начинай, а?

– Куда уж начинать-то. Вроде как прошлое еще не закончили. Рада, что с тобой ничего не случилось, а то шашлыки с незнакомой компанией не всегда хорошо заканчиваются. Криминальную сводку почитай.

Отставив помаду на полке в прихожей, я подхватила с крючка сумку и направилась на кухню, к холодильнику. Нужно будет выжить со второй по пятую пару, что невозможно без еды. Творожный сырок, яблоко... Рука потянулась к сардельке в вакуумной упаковке, но остановилась и захлопнула дверцу, едва я представила, как это будет выглядеть и пахнуть в аудитории. Не всем нравится этот запах. Не вареные яйца, конечно, но все-таки... Одно дело, если так перекусит парень, а другое – девушка, лопающая сардельку на космической скорости. Чувствуется какое-то удручающее стереотипное мышление и дискриминация.

– Агата! Ты заснула там, что ли? – вырвала меня из размышлений о еде Ирка.

– Нет.

– Мы весь день так будем разговаривать? Я тебе тридцать слов, а ты только «да» или «нет»?

– Ир, что ты хочешь от меня? – вспыхнула я, смахнув со столешницы пачку печенья. – Все каникулы от тебя ни слуху, ни духу, но зато как идти на учебу, вот она ты! Прямо как будто ничего не случилось! Ловко придумано, но номер не пройдет. Или мы друзья, которые не скрывают ничего друг от друга, или просто одноклассники, которым, в общем-то, друг на друга параллельно.

– Все что-то скрывают, – неожиданно возразила Ругалова, что было совсем не в ее стиле. – Это нормально.

– Да, – оставив сумку в прихожей, я выключила свет в ванной, телевизор в комнате, поставила в спящий режим ноут и вернулась к шкафу-купе. – Нормально не говорить про болезни, фобии, или о том, чего стыдишься, но новый ах-какой-супер-парень вряд ли к этому относится.

– Ты опять об этом? – простонала Ирка.

– Конечно. Похоже, только я одна вижу, что ты изменилась. Вернее, чувствую. Я же полторы недели тебя не видела. Раньше я мечтала оглохнуть, лишь бы не слышать твои дифирамбы очередному бойфренду: что он и как делает, – переложив телефон на другую сторону, я занялась ботинками, – что говорит, куда пригласил, что написал, и как вы друг на друга смотрели. А в этот раз – ты не просто молчишь, но и избегаешь прямых вопросов, что совсем, подчеркиваю, совсем на тебя не похоже.

– Ты не понимаешь. Совсем не понимаешь.

– Так сделай так, чтобы я поняла! Что он, миллионер? Звезда, за которой гоняются папарацци?

– Нет. Давай встретимся у корпуса пораньше?

– А есть смысл?

Обращалась я больше к своему отражению, чем к Ругаловой. Оно покачало головой, и в желтом свете лампы показалось, что с цветом глаз что-то случилось. Приблизив лицо к зеркалу вплотную, я раскрыла глаза пошире, понимая, что ничего мне не привиделось. В карих глазах проступали желтые и зеленые крапины, как будто... стекаясь к зрачку. Отпрянув, я моргнула, и, при последующем рассмотрении, все снова было как обычно. Просто карие, без всяких примесей и не такие темные, как у той вампирши в парке, а ближе к ореховому.

– Ага, ну, пожалуйста... Я хочу, чтобы мы были подругами. Просто есть вещи, которыми я не могу поделиться, даже если очень хочу. Это не мой секрет.

– Значит, все-таки, это секрет. Его секрет, – поставила я ударение.

– Да.

– Вопрос жизни и смерти? – с сомнением спросила я, все еще подозрительно присматриваясь к себе в зеркале. – Если я увижу его – он окаменеет?

– Твоя настойчивость начинает меня напрягать, – протянула Ругалова.

– Я просто чувствую, что ты что-то недоговариваешь, сильно не договариваешь, но не могу представить, что именно, – честно призналась я. – А твой намек вообще оскорбителен.

– Да я... Господи, конечно же, я знаю, что ты не... В смысле ты не станешь... Ты меня поняла короче! – возмущенно зачастила Ирка, и я действительно поняла, что она не смогла сказать. Что я не пытаюсь увидеть ее парня, чтобы его отбить. Этот вид спорта был не по мне, и то, что ей это очевидно, радовало. – Так, все, отставить этот дурацкий разговор! Встретимся у корпуса, и купи мне по дороге кофе!

– Да, мой генерал-кофеман, – фыркнула я.

Из дома я вышла за сорок минут до начала второй пары, и, не пройдя и трех шагов, застыла. На всех деревьях во дворе, на каждой голой ветке, сидело по пять-шесть ворон. Как будто вместо листьев у дерева вдруг выросли черные птицы, и каждая, готова в этом поклясться, смотрела на меня. Обведя взглядом странно пустынный в это время двор, я увидела лишь мужчину из третьего подъезда, соскребающего с лобового стекла своей машины лед. Он никакой странности явно не замечал, да и вороны его тоже мало заботили. Похоже, опаздывал на работу.

Проверяя свою безумную догадку, я прошла вперед шагов десять, следя за реакцией вороньей стаи. Бусины-глаза наблюдали. По спине побежали мурашки, хотелось сорваться в бег, подальше от такого пристального и давящего внимания, но улепетывать из своего двора отчего-то претило.

Мне двадцать лет, не собираюсь я бегать от стаи ворон. Мой двор – мои правила. Пусть сами улетают. Нервно хихикнув, я прибавила громкости на плеере, как раз попадая на следующую песню. Как только зазвучали первые аккорды, утро окончательно получило звание мистического. «Черные птицы» «Наутилуса Помпилиуса».

Возьмите мое золото, чем черт не шутит. Достав из кармана несколько десятикопеечных монеток, я бросила их в снег, глядя на ворон. Ненормальность ситуации набирала обороты: они посмотрели на место, куда упали монетки, и снова на меня. Одна взлетела, хрипло каркнув, и вся ее пернатая братия, как по команде (возможно, это она и была), поднялась следом, захлопав крыльями и подхватив ее клич. Огромная стая сделала почетный круг над двором, не умолкая ни на секунду, после чего поднялась в небо и улетела прочь.

– Доброе утро, сумасшедший мир, – пробормотала я, качая головой и стараясь найти очередное рациональное объяснение.

Ну, в самом деле, не моего же выхода они ждали, чинно рассевшись по веткам? Может, я просто ни разу не замечала их, занятая собственными мыслями. Еще раз осмотрев деревья, я ни на одном не увидела гнезд. Нет, воронья стая здесь не проживала. Дворовые коты об этом позаботились бы. Прилетели-посидели-улетели. А смотрели, потому что я была ближе и представляла собой опасность. Наверное, мой бросок монеток их и спугнул. Так точно попавшая под момент песня все равно бы заиграла, неважно, увидела бы я ворон, или нет. Просто ряд случайностей.

Может и тот сероглазый парень так же случайно угадал, где Джамбо. Ага, случайно. Вплоть до лопнувшего ошейника. Бред, Агата, бред.

Обдумывая обе эти странности с парнем и воронами, я сама не заметила, как прошла памятник Толстому и сквер, магазины свадебных платьев, остановку и уже обходила огромную наледь на участке дороги напротив ненавистно-родного спортивного корпуса с бассейном, когда мне в спину что-то ударило. С такой силой, что я чудом не отправилась головой в сугроб, в последний момент сумев удержать равновесие.

Обернувшись с огромным желанием высказать все, что думаю по этому поводу нетерпеливому прохожему, я с удивлением уставилась на пустое пространство позади себя. Никого не было. У железной ограды стояли курили двое студентов, увлеченных беседой и не обращавших на меня никакого внимания. А если я перепутала снежок с тычком руки, и кто-то из них все же запустил его «по приколу», а теперь оба притворялись, что ни при чем, нарочно меня игнорируя? Привет, паранойя.

Следующая моя мысль была о мертвой птице, рухнувшей мне на спину с дерева, но и эта догадка, к счастью, также не нашла подтверждения. Зато, топчась на месте, я увидела свою одноклассницу Ярославу Самойлову, спешащую ко мне от остановки. Интересно, зачем она вышла из автобуса так рано, вроде бы ей логичнее выйти через одну, у автовокзала, откуда до нашего одиннадцатого корпуса идти намного ближе, чем делать такой крюк. Я сама пошла бы дворами и по улице Смидович, если бы не Иркин кофе.

– Привет, – кивнула она, хмуро покосившись на наледь, у которой я и застряла со всей этой непонятной чепухой. Отлично. Меня толкнул невидимка. Армия невидимок ходит по городу и обеспечивает травмпункты Тулы постоянной работой. Количество жертв растет с каждым днем.

– Привет, – улыбнулась я, надеясь выиграть трехлетнее соревнование всей нашей группы под названием «рассмеши Самойлову». Чуда не произошло, Ярослава осталась такой же серьезной, и не подумав улыбнуться в ответ.

Мы прозвали ее «Несмеяной», и это прозвище настолько прижилось, что было в ходу даже у преподавателей нашей кафедры. Она никогда не смеялась. И, говоря «никогда», я именно это имею в виду.

От одного парня-политолога с нашего потока, учившегося с ней в одном классе в школе, мы знали, что мрачная и серьезная она с первого класса, а может быть и раньше. Он же рассказал, что живет Ярослава с бабушкой – ее родители погибли в аварии, когда ей не исполнилось и шести. В принципе, после этой информации, облетевшей группу тихим перешептыванием меньше, чем за один день, дурацких комментариев вроде: «Слава, Слава, где твоя улыбка» больше не возникало. Даже у пятерки КуКурятника, главных сплетниц нашей группы, хватало мозгов и такта держаться в стороне от этой темы.

– Ты что-то потеряла? – спросила Ярослава и, увидев мой непонимающий взгляд, тут же пояснила: – Со стороны казалось, что ты что-то ищешь.

Да. Логическое объяснение происходящего.

– Нет, поскользнулась просто, – покачала я головой, все же обходя злополучный участок дороги. – А ты чего здесь-то идешь? Вроде бы тебе на автобусе удобнее у автовокзала выходить, нет?

– Я когда стадион проезжала, увидела, ты идешь. Решила составить компанию, – пожала плечами Самойлова. – Ты против?

– Нет, что ты! – искренне возмутилась я, потому что Ярослава мне нравилась.

Первый претендент на красный диплом, она ничуть не задавалась и нос выше потолка не задирала, в отличие от некоторых наших сокурсниц. Напротив, всегда была готова помочь по учебе, спокойно давала списывать и могла поддержать любую тему разговора, вот только редко начинала его первой. В целом мне нравилось ее сочетание спокойствия и серьезности, без налета важности.

– Как прошли каникулы?

– Хорошо. Пару раз сходила на лыжах, а так, в основном, смотрела сериалы и читала. А у тебя как?

– Примерно так же. Ходила в кино, гуляла в парке, искала смысл жизни, он никак не находился, так что в итоге я засела пересматривать любимый сериал... Десять сезонов, знаешь ли, не шутка.

Мы прошли пешеходный переход, и я остановилась у низенькой железной оградки, сворачивая к кофейне.

– Пойду, куплю кофе Ругаловой, подождешь?

– Вы разве не поссорились? – неожиданно спросила она.

– С чего ты решила?

– Со вчерашнего чата. Обычно, стоит тебе высказаться, она тут же поддерживает твою точку зрения, а вчера ее даже не было в сети, – пожала плечами очень наблюдательная Ярослава. Это, видимо, встроенная функция всех тихонь. – Ну и потом, пару дней назад, я видела, как она шла в компании каких-то ребят без тебя. Наверное, я неправильно сложила один плюс один.

– Где шла? – нахмурилась я.

– По Первомайской, в сторону парка.

– Понятно, – протянула я, задумавшись, стоит ли задавать следующий вопрос, но любопытство и желание иметь дополнительные козыри в последующем разговоре с Ирккой пересилили. – А что за ребята? Ладно, подожди, кофе куплю и пойдем.

Отвернувшись от Самойловой, чувствуя, как внутри поднимает голову и скалится что-то мерзкое и с гнилым душком, я быстро зашла в кофейню и заняла очередь за каким-то долговязым парнем, уткнувшимся в свой планшет. Значит, Ирка гуляла не только со своим Лешей, что я еще могла понять, но и с его друзьями. Как-то очень обидно осознавать, что на его друзей у нее время есть, а на своих собственных – нет. Вру. Не обидно. Злит.

Щеки загорелись, и запахов стало слишком много. В терпком аромате кофе я чувствовала нотки корицы, шоколада, миндаля, выпечку, помесь одеколона и дезодоранта стоявшего передо мной парня, а еще запах бытовой химии, наверняка перед открытием здесь прошла уборка. От таких сочетаний накатила тошнота, и, сглотнув слюну, я задышала ртом. Вообще, не заслуживает Ругалова свое латте. Пусть ей Леша кофе покупает или кто-то из его компании.

Разумеется, едва я решила развернуться и уйти, как подошла моя очередь. То есть, получается, зря тогда стояла. Скрипнув зубами, я процедила свой заказ, чем, по-моему, напугала продавца.

Во всяком случае, была у этого и положительная сторона: скидка от заведения и дополнительный сахар. Стараясь как-то сгладить свое недружелюбие, я улыбнулась, забирая пластиковый стаканчик с кофе и сдачу, и продавец тут же сверкнул в ответ своей, отработанной улыбкой, словно лампочку включил. Вот бы мне так научиться.

К тому моменту, как я вернулась к Самойловой, она как раз выбрасывала окурок сигареты в стоявшую рядом урну.

– Что, и ты тоже куришь?

– Недавно снова начала, – ни капли не смутилась Ярослава.

– Мир обречен. Отличницы переходят на сторону зла, – хмыкнула я, чуть успокоившись, чему поспособствовал морозный воздух вдали от духоты кофейни и ее ароматов.

– Если тебя это утешит, я уже обдумываю тему для дипломной работы.

– Что-что ты обдумываешь? Я все еще верю, что ее не существует, и это студенческая страшилка, – замотала я головой, краем глаза следя за Ярославой. Никакой реакции, даже уголок рта не дернулся, а я все равно отчего-то не хотела бросать своих стараний. То ли чувство жалости, то ли вызов самой себе, или, все гораздо проще, и во мне умер арлекин.

– А, тешь себя надеждами, – кивнула Самойлова. – Ты спрашивала про компанию, с которой я видела Ругалову. Мне они показались какой-то помесью субкультурщиков. Немного рокеры, немного готы, а одна девушка была похожа на представителя стимпанка в черной шляпе-котелке, длинном пальто и с тростью. Я сначала решила, что это косплейщики какого-то неизвестного сериала, но, когда увидела Иру, передумала.

– Она тоже была одета как они? Во все черное? – с сомнением спросила я, потому что Ругалова – это ходячая радуга, предпочитающая яркие шарфы, колготки, шапки, перчатки и обувь. Как-то раз, еще на первом курсе, у меня даже в глазах зарябило от ее оранжевых колготок и перчаток в сочетании с желтой курткой. И не у меня одной.

– Нет, – успокоила меня Ярослава. – Не во все. Ее синие шарф и сапоги поначалу и привлекли мое внимание, все-таки я была по другую сторону дороги. А так да, в основном все темное... По-моему, коричневая кожаная куртка и черные джинсы.

– Нет у нее кожаной куртки, тем более зимней, – нахмурилась я. – Она носит бирюзовый пуховик с белой шапкой и варежками.

– Точно была в куртке. У меня фотографическая память, – уверенно возразила Самойлова. – Впрочем, без разницы, во что они все были одеты и как выглядели. Этим никого не удивишь.

– А тебя что-то удивило? В смысле, что-то кроме того, что Ирка с какой-то компанией без меня?

– Да. Наверное, я поэтому и решила пройтись с тобой. Вы вроде как по-настоящему дружите, и мне хотелось убедиться, что ты знаешь, что с ней происходит.

Вот теперь меня окончательно напрягла вся эта ситуация с недомолвками и таинственным бойфрендом Ругаловой. Ладно, я, человек, который уже третий год тесно общается с Иркочкой и знает все ее планы, мечты, желания и вообще все, вплоть до ее персонального списка качеств идеального парня, каким она себе его представляет. Конечно, я сразу замечу, будь что-то не так. Скорее всего, я почувствую это самое «не так» еще до того, как оно случится. Но Ярослава... Она не знала Ирочку и на три процента, и вдруг за одну встречу, которую и встречей-то толком назвать нельзя, делает вывод, что с Ругаловой что-то не так.

– И что с ней, по-твоему? – я постаралась задать вопрос как можно спокойнее и не заинтересовано, но иронично приподнятая бровь Самойловой, почти встретившаяся с краем ее серой шапки, показывала тщетность моих стараний.

– Она вела себя странно. По крайней мере, для меня, – пожала плечами Несмеяна.

– Как именно?

– Два парня, тот, который шел рядом с ней и тот, что был впереди, ссорились. Когда первый взмахнул рукой в жесте «пошел вон», второй резко обернулся и что-то сказал. Не знаю, что это было, но напряжение ощущалось даже на моей стороне улицы. Я думала, первый что-то ответит или стукнет, а вместо этого перед ним встала Ира, заслонив собой. Как будто защищая. – Ярослава пожала плечами, а я вовремя напомнила себе, что тепло, согревающее мою руку через варежку – это пластиковый бок стаканчика с латте, и не нужно его так крепко сжимать. Вряд ли умываться горячим кофе полезно для лица или пуховика. Мне только трат на химчистку еще не хватало.

– И он не попытался отодвинуть ее в сторону, подальше от конфликта?

– Скорее наоборот. Похоже, его все очень даже устраивало. Какому парню будет нравиться, что его защищает девушка? – мимо нас прошли два индивида в узких разноцветных штанах, кедах, открывающих голые щиколотки, и с челочками на глазах из-под вязаных шапок. – Вопрос снимается, – констатировала Самойлова, проводив «челочки» взглядом. – Но ее друг вообще не из этой категории.

Мне оставалось только поверить ей на слово, поскольку я понятия не имела, как выглядит парень Ругаловой, и к какой категории его можно было бы отнести. Услышав, что Леша программист, я дала волю воображению и представила его этаким ботаником в круглых очках и клетчатой рубашке, но, видимо, ошиблась. Как правило, ужаленная обидой фантазия не бывает доброй или миролюбивой, а пропитана издевкой.

– А дальше что было? – спросила я, когда, пригнувшись, мы прошли под пушистой лапой величественной ели, росшей возле восьмого корпуса.

– Ругалова начала драку, – сообщила Самойлова, и я едва не уронила латте на зазеленевшую тротуарную плитку.

– Чего? – моргнула я, пытаясь сопоставить Ирку и драку в одном предложении.

Из нас двоих к физической расправе более предрасположена я. Конечно, я верю тем, кто говорит, что словом бить больнее, и даже сама стараюсь так поступать, но кирпич как-то надежнее. Человек скорее оставит тебя в покое, увидев камень в кулаке, чем прослушав тонну угроз. Слово должно быть подкреплено действием, и это всегда было моей позицией. Моей, а не Ругаловой.

Какая драка, если для Ирки ноготь сломать – проблема вселенского масштаба? Как-то раз мы вместе готовили ужин, и ей на руку попали брызги масла со сковороды. Воплей было, как будто с нее кожу сдирали, так она еще в течение часа потом трясла пострадавшей конечностью и периодически на нее дула. А после попросила крем для рук и столько его выдавила, что у меня от запаха глаза заслезились. Или от смеха. Не помню точно, но подкалывала я эту неженку недели две потом.

Да Ира даже ужастики и боевики не смотрит из-за того, что там кто-нибудь кому-нибудь обязательно причиняет боль. Вечер фильмов с ней – это сплошные мелодрамы и комедии, от которых меня выворачивает наизнанку розовыми соплями. Простого просмотра мало и приходится выслушивать не менее приторные комментарии, где иногда, непонятным мне маневром, Ругалову заносит в далекое будущее и планирование собственной свадьбы. Вот на этом моменте, обычно, хочется застрелиться, и в ход идет обещание включить сериал про зомби, что, конечно же, срabатывает.

– Ира сильно толкнула того парня в грудь обеими руками, и он упал в сугроб, едва не зацепив головой фонарный столб. Вся их компания прошла мимо него, как будто ничего не случилось. А две девушки, шедшие последними, вроде как посмеялись над ним. Не знаю, догнал ли он их или нет, я спешила заплатить за квартиру.

Мы прошли мимо студенческой кафешки, где было не протолкнуться во время большой перемены и третьей пары, которую, почему-то, все прогуливали чаще, чем любую другую. Разумеется, если вообще приходили на учебу.

– Может, они просто дурачились? Ну, знаешь, как это, обычно, бывает в компаниях?

– Не знаю, у меня никогда не было компании, – сухо отметила Самойлова, но, прежде чем мне стало стыдно, а неловкость достигла своей критической массы, она добавила: – Я поняла, о чем ты. Нет, на дурачество или шутку это не походило. Мне вообще показалось, что она не прочь наподдать ему еще и ногой.

Вот уж дудки. Это точно не в Иркином характере. Вспылить, демонстративно хлопнуть дверью и прокричать из-за нее объявление бойкота, а уже через полчаса забрасывать эсэсмэсками с извинениями и кучей смайлов – вот что в ее духе. Вспомнить хотя бы сегодняшнее утро и нежелание признать факт предыдущей ссоры. Ирка была слишком... легкой, для такого серьезного проступка, как умышленное причинение вреда. Тем более лежачему, которого, по определению, не бьют, а если и бьют, то только отморозки.

– Кстати, похоже, у тебя появилась возможность увидеть тех девушек, – сказала Самойлова, кивнув вперед.

Проследив за ее взглядом, я едва не выронила стаканчик с кофе, тут же слишком крепко его сжав. Немного коричнево-молочной жижи выплеснулось на крышку, медленно обтекая ее по кругу. Примерно так же недовольство, непонимание и раздражение сейчас затапливали мое настроение. Только крышку можно было протереть салфеткой, или вовсе выбросить за ненадобностью, а от себя так просто не отделаешься.

На углу одиннадцатого корпуса, приюта всех разгильдяев, ораторов и творческих душ, то есть, гуманитариев, стояла Ругалова. Ее бирюзовый пуховик выделялся на фоне февральской серости, как белоснежная сова среди черного воронья. Поморщившись на сравнение, скорее

всего, вызванное утренней странностью во дворе, я наткнулась на уже знакомое презрение нарисованной пантеры, сжимающей в когтях луну. Напротив Ирки, спиной ко мне, курили та самая вампирша из парка и ее молчаливая подружка.

Я абсолютный ноль насчет всего, что касается различного рода подсчета, но даже мне очевидно, что вероятность встретить эту парочку снова была ничтожно мала. Тула, конечно, не огромный мегаполис, но достаточно большой город, чтобы незнакомые люди, раз увидевшись, больше никогда не пересеклись. А теперь вдруг оказывается, что они из компании Леши, куда теперь входит и Ирка, судя по рассказу Ярославы. Можно ли считать это простой случайностью и совпадением? Интуиция сказала свое четкое «нет», прозвучавшее в голове громовым раскатом.

Со своего места я отлично видела, что Ирке разговор с ними, о чем бы он ни был, не нравится. Подруга перетаптывалась с ноги на ногу, дергала шнурок капюшона и соблюдала дистанцию, которой у нас с ней никогда не было. Глупо делиться секретами, стоя в метре друг от друга. Ее собеседницы, напротив, воплощали собой уверенность, ведя себя расслабленно и будто бы делая ей огромное одолжение своим присутствием. И все это я поняла только по их спинам. Если уж они настолько показательны, то на лица даже смотреть не хочется. Не хочется, но придется.

– Пойду-ка, отдам Ирке ее кофе, – сказала я Ярославе, все это время не мешавшей мне наблюдать. Кто другой на ее месте уже опустил бы пару-тройку комментариев, но, должно быть, внутренние механизмы, отвечающие за мрачность, ей это запрещали.

Кивнув, одноклассница свернула к лестнице в корпус, выглядевшей так, словно недавно подверглась бомбежке. Не одна пара обуви нашла свой конец на этих трещинах в бетоне. Только в прошлом году Янка Хмелова, еще одна девчонка из нашей группы, умудрилась сначала попасть шпилькой босоножек в небольшую выбоину, а потом в больницу с переломом руки, на которую и приземлилась через две ступеньки полета.

Первой, как и в прошлый раз, мое приближение заметила молчунья в дизайнерской куртке. Ее поведение вызвало легкое дежавю, поскольку ничем не отличалось от предыдущей нашей встречи. Поворот в пол-оборота, едва заметный шаг влево, и снова вампирша почти полностью скрыта за ней. Глаза девушки лениво прошлись по мне, и лишь приподнявшаяся бровь подсказала, что она... заинтересована.

– ...какие-то проблемы, то я с удовольствием сообщу Лёше. Уверена, он придет в восторг, – услышала я окончание фразы вампирши, при свете дня соблюдающей ту же черно-красную гамму и макияж, что и при наступлении темноты. Разве что сегодня еще большего лоска ее виду придавала черная норковая шуба до середины бедра вместо пуховика. Как будто нужно было забить последний гвоздь в гроб самооценки окружающих. Уверена, дорожка из разбитых сердец тянется за ней с детского сада.

– Нет у меня никаких проблем, – не слишком-то дружелюбно ответила Ирка.

– Привет, Ир, – нейтрально поздоровалась я, подходя ближе. – Твой кофе. Правда, он уже скорее теплый, чем горячий.

Сюрприз-сюрприз. Подруга моргнула, стрельнула глазами в сторону незнакомок, снова на меня... Я буквально видела, как вертятся в ее голове шестеренки, стараясь найти выход из сложившейся ситуации. Если я правильно понимаю, то эти девушки – часть компании Леши, а все, что касается его, держится в секрете. Вряд ли я должна была застать ее за разговором с ними. Интуиция уверяла, что так и есть.

– Привет, спасибо, – в конце концов, ответила Ругалова, забирая стаканчик. – Я...

– Как собака? Нашлась? – не дала Ирке скатиться в неловкую паузу вампирша, первой заговорив со мной.

Искренности в вопросах не было ни на грамм. Она знала, что собака была там, где сказал ее друг, и наша неожиданная встреча ее нисколько не удивила. Я поняла, что забавляет ее как

раз мое непонимание этих вещей. Еще один плюс в копилку антипатии, забренчавшей в моей голове разными нехорошими словами.

– Вы знакомы? – удивилась Ругалова, перестав переминаться с ноги на ногу от такого открытия, и, видимо, забыв отговорку, которую только что придумала.

– Как-то пересеклись, – ответила вампирша, и ее подружка-истукан кивнула в подтверждение. Может быть, она немая?

– Где?

– В парке. Их друг помог мне найти убежавшего от хозяйки лабрадора, – пояснила я, в отличие от некоторых, не уклоняясь от вопросов и не пытаясь, чуть что, сменить тему. – Может, ты нас представишь?

Серьезно, хотелось уже узнать их имена. Конечно, я могу и дальше продолжать называть их про себя вампиршей и молчуньей, но это как-то... по-детски.

– Меня зовут Варвара, – опередила окончательно растерявшуюся Ругалову... вампирша. – А это Александра.

Длинные, тяжелые имена. Это одно из обязательных требований для попадания в их лигу высокомерия и самоуверенности? Да у нас с Ирккой на двоих букв в именах меньше, чем у одной Александры. Логика – не моя сильная сторона. Сужу о людях по количеству букв в их именах, или какой еще странностью добьет меня этот понедельник.

– А я – Агата.

– Три «а» в имени, как у нас, надо же, – снова приподняла бровь Варвара. – Интересно, он сразу это понял?

– Не как у вас, – резко возразила Ирка.

– Мне виднее, – снисходительно посмотрела на нее Варвара.

Ругалова шагнула вперед, и на ее пути тут же оказалась Александра. Похоже, Самойлова не преувеличивала, говоря, что Ирка первой толкнула того неизвестного парня. Уж не сероглазый ли оказался в сугробе, сказав ей, или ее Леше что-нибудь в том же тоне?

Я не узнавала свою подругу. Тот же бирюзовый пуховик, только человек в нем другой. Похожие привычки, жесты, но взгляд... Как она так быстро прошла от нервоза до агрессии?

– Тпру, лошадка, тпру, – с некоторой ленцой в голосе обратилась к Ирке молчавшая до сих пор Александра, тем самым уверяя меня в своей способности разговаривать, а заодно хамить. Из-за последнего захотелось встать на одну линию с Ругаловой и посмотреть, как она попытается сказать «тпру» нам обеим. Плевать, что у нас с Ирккой происходит между собой, я не буду стоять в стороне, когда какая-то нахалка называет ее кобылой.

– Нам пора, – вмешалась Варвара, едва я собралась сократить расстояние до ее подруги. – Завтра вечером все собираются у Кати. Ты тоже приглашена, – внезапно посмотрела она на меня из-под ресниц, подтягивая свою красную перчатку.

– Она не может быть приглашена, – процедила Ирка, а мое так до конца и не оформившееся удивление переросло в еще одну обиду. Или, вернее, добавилась к предыдущей. Что значит: я не могу быть приглашена и зачем Ира плодит эти тайны на пустом месте? Неужели не ясно, что своими попытками скрыть, она лишь распаляет мое желание разобраться?

– Я могу записать тебе одну и ту же фразу, служащую ответом на все твои вопросы и утверждения, на диктофон, – насмешливо посмотрела на нее Варвара. – *Мне виднее. Нам всегда виднее.*

– Вы тоже ошибаетесь, – выпрямилась Ирка, и мне показалось, что несчастный кофе, с таким трудом донесенный до своего заказчика, вот-вот будет использован в качестве проверки водостойкости чьего-то готического макияжа.

– Не путай *ваших* с *нашими*, – вступила Александра.

– Агату пригласил Князь, – тем временем продолжила Варвара, и я как-то сразу поняла, что она говорит о сероглазом парне.

– С какой стати?

– Хочешь потребовать у него отчета? – хихикнула вампирша. – Я не отказалась бы на это посмотреть. Со всеми вытекающими, естественно.

– Нет, – недовольно буркнула Ирка, капитулируя.

Я не поняла, на что намекает Варвара, и почему Ругалова так быстро сдалась. Невооруженным глазом было видно, что подруга против моего присутствия на завтрашней сходке их компании всеми руками и ногами.

– Вот и и-го-го, – подвела черту Варвара, беря под руку свою прыснувшую подружку. Похоже, «лошадиная» тема – шутка в их кругу, посвященная Ирке. Интересно, почему. – Саша позвонит тебе вечером.

Развернувшись, не размениваясь на прощания, парочка направилась вниз, по Смидович, оставляя нас с Иркой в зыбучих песках предстоящего разговора. Не встречаясь со мной взглядом, Ругалова отхлебнула кофе. Я скрестила руки на груди, ожидая, когда она прекратит это издевательство надо мной.

– Что? – в конце концов, не выдержала Ирка моего пристального взгляда. – Я не знаю, как тебе это объяснить. Я не хочу тебе это объяснять. Я вообще не хочу, чтобы ты в это лезла, но ты умудрилась вляпаться без моей помощи!

– Нечего повышать на меня голос, – огрызнулась я. – Из нас двоих вляпалась во что-то ты, а я просто пытаюсь понять во что! Странная компания, непонятные девушки, твой таинственный парень, Самойлова видела, как на Первомайской ты едва не затеяла драку, отправив кого-то в сугроб... Что с тобой? Неужели это так сложно: просто взять и сказать мне, что, черт возьми, происходит!?

– Да не могу я взять и рассказать! Нельзя мне, понимаешь? Сказала же: это секрет! Ты не представляешь, что это такое, и даже если расскажу – не поверишь!

– С чего ты это взяла?

– Потому что я сама бы покрутила пальцем у виска, расскажи мне кто такую правду!

– Какую?

Ирка глубоко вздохнула, выбросив пустой стаканчик и поправив сумку на плече. Еще до того, как она открыла рот, я знала, что ответа не будет. В чем бы ни было дело, Ругалова действительно верит, что рассказывать ей нельзя и, похоже, боится, что ей что-то за это будет.

– Нам пора на пару.

Отлично поговорили. Развернувшись на каблуках, Ирка первой направилась к лестнице в корпус, а мне захотелось сбежать. Я не представляла, как мы просидим за одной партой четыре пары подряд, когда все, чего хочется: взять ее за шкуру и хорошенько встряхнуть.

Итак, что мы имеем. Странную компанию, изменившееся поведение, отказ отвечать на вопросы и явный страх, что это коснулось меня. Сомнений оставалось все меньше. Ирка попала в секту.

Глава 3

Утро вторника началось с назойливой противной мелодии будильника на телефоне. Зная себя и свою способность уснуть сразу же после его отключения, я заранее оставила мобильный на полке возле телевизора. Так не было ни шанса дотянуться до него, оставаясь на кровати под одеялом.

Холодный пол приветственно поцеловал босые ступни, стряхивая с меня сон, и я быстро пересекла комнату, одним нажатием кнопки затыкая этот музыкальный ад. Похоже, физкультуре сегодня все же быть. А что будет завтра...

Завтра я уже буду знать в лицо всю новую компанию Ирки и, надеюсь, понимать, что происходит. Встреча с Варварой и Александрой задала темп всему нашему совместному учеб-

ному дню. Очень короткому дню, потому что, просидев две пары, уткнувшись в телефон, после третьей Ругалова ушла.

Она не отвечала на мои вопросы, пыталась перевести разговор на что-нибудь, никак не относящиеся к интересующей меня теме, а когда поняла, что я не собираюсь идти навстречу, обозвала вцепившимся в ногу бульдогом, помешавшимся на ее личной жизни. Очень лестная оценка беспокойству. Допускаю, что в своем желании докопаться до правды, я была маниакально несдержанной, но подозрение и раздражительность буквально сверлили мне мозги. А Ирка оказалась крепким орешком. Раньше я никогда не замечала, насколько она может быть упрямой.

– О, боже, неужели кто-то собрался на первую пару, – встретила меня на кухне мама, когда я налила себе стакан воды.

– Первая физкультура семестра, – хмуро сообщила я. – Как такое пропустить.

– Да правда что, – поддакнула Ма, укладывая в пластиковый контейнер свиную отбивную и картофель.

Потрясающий аромат мяса разбудил меня похлеще будильника и холодного пола. Отхлебнув воды, чтобы сглотнуть ее вместе с голодной слюной, я ретировалась в ванную. Миг промедления мог стоять маме обеда, а мне путевки до сумасшедшего дома, потому что все, чего мне сейчас хотелось – выхватить этот соблазнительный кусок мяса и вгрызться в него без всяких там соусов, вилки и ножа.

У шкафа с одеждой я уже собиралась вытащить привычные джинсы и водолазку, но притормозила, вспомнив Варвару. Она-то наверняка собиралась не как бы быстрее что схватить и надеть, а тщательно выбирая и сочетая цвета. Рука дернулась в сторону дверцы, за которой были вешалки с туниками, но издевательский голосок в голове напомнил, что первой парой физкультура, и это не самый лучший день для крутого прикида. Гадство.

В очередной раз убедившись, что первая мысль всегда самая верная, я с тяжелым вздохом вернулась к джинсам и водолазке. Запихнув в пакет кеды, штаны и белую футболку (причуда, на которой настаивал университет), я умудрилась втиснуть его в сумку, отчего она стала похожа на черный дирижабль на ремешке. Впрочем, полпачки печенья, тетрадь на кольцах, кошелек и старей, еще со школьных времен, пенал-карандаш способствовали этому не меньше.

Попрощавшись с мамой до вечера, я скривилась в ответ на ее пожелание хорошего учебного дня. По моему, местами скромному, мнению, учебный день не мог быть таким по определению. Приходишь, сидишь в клетке из четырех стен (повезет, если еще у окна), слушаешь то, что через год и не вспомнишь, смотришь на то, что видеть не хочешь, и все ради галочки посещения.

Галочки, которая присоединится к армии предыдущих и станет не последним аргументом в пользу зачета или лучшей оценки на экзамене. Можно быть семи пядей во лбу, посещать лекции через раз, а то и два, ответить все верно на устном или письменном тесте, но... Когда преподаватель сверится с графой твоих посещений и увидит пропуски, он принципиально снизит оценку. За неуважение к его труду. Мало того, что оплачиваешь свою учебу, ты еще и трястись за каждый прогул должен. Какая-то однобокая логика, подкосившая у меня два экзамена в прошлом году.

Распаляя саму себя, я притопала в спортивный корпус за пятнадцать минут до начала пары. Сверкнув студенческим перед лицом никогда не улыбающейся охранницы, я направилась напрямиком в раздевалку. Вонь в ней, как всегда, стояла несусветная. Особенно для моего чувствительного обоняния. Пот, дезодоранты, духи, какая-то кислятина, мокрые половые тряпки и все в спертом воздухе. Терпеть не могу эту протухшую еще лет десять назад комнату.

– Привет, – кивнула мне Ярослава, сидевшая на деревянной скамейке, уткнувшись в свой телефон.

Как и я, она ходила на волейбол, и это было куда лучше, чем гимнастика в старом спортивном корпусе, которую не от великого ума выбрала Ругалова. По мне, так легче большую часть пары играть в мяч, чем разучивать дикие танцы со снарядами. Еще фартовее было бы оказаться в спецгруппе, которую вообще почти ничем не грузят. Правда, чтобы попасть туда, нужно иметь какую-нибудь хроническую болячку, вроде сколиоза или гастрита.

Угукнув в ответ, я покосилась на двух девчонок с политологии, крайне увлеченных фотографированием собственных ног в кроссовках. Интересно, существует ли пропорция между количеством запощенных фотографий и мозгов? Когда одна из них поставила на пол пластиковый стаканчик с кофе и опустила по бокам от него ноги, чтобы зафоткать, я поняла, что да.

– Во сколько ты встаешь, чтобы быть тут раньше меня? – поинтересовалась я у Ярославы, быстро выпутываясь из свитера.

– В шесть. Я всегда встаю в шесть.

– Даже когда ко второй паре?

– Да. И в выходные. Иногда позволяю себе поваляться до семи.

– Заслуживаешь памятника при жизни, – проворчала я, не представляя, каково это.

Люблю поспать – это слишком мало для того, чтобы объяснить, насколько я одержима обществом одеяла и подушки. В дождливую погоду я вообще не чувствовала себя способной слезть с кровати, могла валяться и попеременно читать и спать сутками с короткими перебежками до холодильника и обратно. Если мы учились до четвертой пары, то я всегда спала час-полтора по возвращению домой.

Переодевшись в спортивную форму, чувствуя, что всему накопленному негативу и раздражительности наконец-то есть куда вылиться без травм для окружающих, я затащила хвост потуже, прежде чем вместе с Ярославой и Мариной Богатыревой, еще одной нашей одногруппницей, выйти в коридор.

– А Алферова сегодня решила прогулять? – спросила я у Марины, потому что Нинка Алферова была ее подружкой.

Эта парочка могла уболтать самого черта, и, наверное, заставить его икать от смеха, вздумай он им встретиться на пути. Они всегда занимали заднюю парту в любой аудитории и, почему-то, чаще всего оказывались за нами с Ирккой. Невольно слыша некоторые их разговоры между собой и комментарии происходящего, нередко мы сами не могли удержаться от хохота.

– Не. Солдат дезертировал еще до начала боя, – хмыкнула Марина. – У нее сегодня у папы юбилей, ресторан заказан, все дела... Какая тут учеба, когда жизненно-важно выспаться и подготовиться к вечернему нокаутированию всей дальней родни своим видом. Зная, как наш Саньч делает переключку, теоретически Нинка присутствовать будет. А ты чего такая хмурая? Выясняла всю ночь отношения с Ирккой?

Это что, так заметно, что у нас с Ругаловой временные проблемы в общении?

– Скорее с сериалом. Он утверждал, что я не смогу посмотреть еще одну серию, а я назло посмотрела целых три, – перевела я тему.

– Зачет, – фыркнула Богатырева. – Смотрите, сколько на Запатовой тональника. Интересно, глаза выплывут, или нет?

Посмотрев в указанном направлении, я увидела Наталью Запатову, одну из КуКурятника сплетниц нашей группы. Тонального крема на ее лице в это раннее февральское утро было такое количество, что издали Наташа напоминала морковку с тугим пучком осветленных до невыносимо блондинистого оттенка волос. К слову, блондинистым у Наташи было все, не только волосы, но и стиль одежды, привычки, позы, манера речи... Просто ходячее сборище штампов из анекдотов про блондинок.

– Приветтики, девочки, – поздоровалась она, проведя наманикюрным ноготком по вытатуированной ниточке брови.

Удивительно. Вроде бы Запатова за собой ухаживает от и до: косметика, дорогая одежда, модные журнальчики, последние гаджеты... Наверняка встает раньше меня, чтобы навести весь этот марафет, старается, а вид все равно кукольный и искусственный. Ее с Варварой и сравнить-то не получается... Как будто пластиковая елка с серебряными ветками на одной витрине с настоящей зеленой, пушистой и пахнущей хвоей.

Мы вразнобой поздоровались с Наташей, и я принялась увлеченно разглядывать информационный стенд, поскольку не являлась поклонницей Запатовой и на один процент, включающий в себя приятельскую улыбку. На самом деле, в прошлом, у нас было несколько конфронтаций из-за Ругаловой, когда весь КуКурятник, вдохновленный примером своего предводителя Инги Марьяновой, принимался на всю аудиторию обсуждать Иркин внешний вид. Я, со своим нелепым желанием вступаться за каждого, кто не мог ответить обидчикам, тем более за друга, естественно, не оставалась в стороне.

Две недели на первом курсе шла непрерывная война, пока, однажды, находясь в осободурном настроении из-за недосыпа и диеты, которой зачем-то решила себя истязать, я в пятиминутном монологе не раздала каждой участнице этой шакальской стаи так, что все наелись сразу и сполна. Не хотелось соглашаться с мамой, но... иногда у меня случаются приступы агрессии, выжигающей все окружающее: и правых, и виноватых.

За несколько минут до звонка появился Сан Саныч, с виду напоминающий добродушного дедулю, напялившего спортивный костюм и навесивший на шею свисток. Милым старичком он казался ровно до того момента, пока не заходил в спортзал и не открывал рот. Думаю, силе его голоса, мог позавидовать любой генерал.

– Десять кругов по залу!

То есть, двадцать, потому что два круга Саныч принимал за один, что было усвоено нами еще на первых занятиях. Я считала бег самой лучшей разминкой, хотя иногда на первых двадцати минутах пары нашего боевого старичка подменяла молодая преподавательница, предпочитавшая классическую разминку со всякими поворотами, вращениями и наклонами. Скука.

На пятом круге, окончательно разогревшись и войдя в темп, я жалела только об отсутствии наушников и о чувствительности своего носа. Занимались одни девочки гуманитарного факультета, поэтому потом особо не пахло (проходя мимо раздевалки парней, я всегда дышала через рот или задерживала дыхание), зато духами, дезодорантами и лаком для волос – сколько угодно.

Это было легко и даже отчасти весело: пружинить ногами и выталкивать себя руками, постепенно ускоряясь и забывая обо всем вокруг. Никаких ссор, непонимания, Ирки, предстоящей встречи с сектантами (или кто они там), а только скорость, стук в ушах и что-то похожее на азарт. Хотя бы на эти двадцать кругов, пусть и в замкнутом пространстве.

Миновал последний круг и, раскрасневшиеся и задыхающиеся, мы снова построились в шеренгу по росту, где сегодня я оказалась пятой от начала.

– На первый-второй рассчитайся! – рявкнул Сан Саныч.

Мне достался «первый», так что я отправилась в левую часть спортзала вместе с Ярославой и еще пятком сумевших проснуться и прийти на эту пару девчонок, пока самые высокие крепили сетку. Время волейбола.

Игра протекала ожидаемо. Каждый раз отбивая мяч на сторону противниц, я искренне наслаждалась этим процессом, принося очки удачным глушением. Было даже удивительным, что мне так не хотелось сюда приходить, потому что я любила активные занятия, особенно, игры с мячом и бег. Я знала, что это удивление продлится недолго. Ровно до того момента, как я покину спорткорпус и отправлюсь на следующую пару.

Закон подлости, заставляющий заниматься всем чем угодно, кроме написания курсовой, домашки и прочими учебными штуками работал в этом случае так же хорошо. Все что угодно, кроме физры. Тем более сон, раз уж кто-то умный додумался поставить ее первой

парой. Сегодня победила воля, но послезавтра я вполне могу поддаться лени, убеждая себя, что на предыдущее занятие сходила, а кто-то прогуляет уже второе.

Под конец, когда, не отрываясь от списка, Сан Саныч принялся перечислять наши фамилии, помечая присутствующих, Богатыревой удалось выгородить Алферову, крикнув «я!» грубоватым голосом. Самодовольно усмехнувшись себе под нос, она первой выскользнула из зала, едва нас отпустили. Еще один положительный момент очень короткого списка достоинств пары физкультуры в том, что заканчивали ее на пятнадцать минут раньше.

– На вторую идешь? – спросила Ярослава, когда я, уже вернувшись в свои джинсы и свитер, запихивала пакет с формой обратно в сумку.

– Да.

– Хочешь, садись со мной, если Ирки не будет.

– Обязательно, – согласилась я, поскольку соседство Самойловой было приятным и ни к чему не обязывающим.

Так и получилось. Ругалова на второй паре отсутствовала, думаю, первая прошла тоже без ее участия. Машинально записывая лекцию, мыслями я уже была в конце сегодняшнего дня. Сложно представить, как все будет, но я не собиралась оставаться без ответов. Что бы там ни думала Ирка и какой секрет бы ни хранила, ничто не мешает мне попытаться узнать правду у кого-то другого.

Например, у сероглазого парня, о котором я ничего, кроме его прозвища «Князь» и умения находить потерявшихся собак, не вставая с места, не знала. Интересно, как его зовут. Может быть, тоже какое-то имя с тремя «а»? У их компании, похоже, пунктик на этом. По крайней мере, у тех, с кем мне довелось познакомиться.

После второй Ирка так и не появилась, и я, не в состоянии больше терпеть духоту аудитории, заинтересованные взгляды, бросаемые на нас с Ярославой, и перешептывания КуКу-рятника о нашем с ней неожиданным союзе, свалила на пятиминутном перерыве, не досидев третью пару. Раздражение, удачно выплеснутое в физические нагрузки с утра, снова начало накапливаться, подстегнутое голодом, недосыпом и мыслями о начавшейся с каникул чертовщине.

Добравшись до дома, я, разувшись и помыв руки, метнулась на кухню, в два счета приканчивая отбивную. Холодную. Стоя у окна. Обсасывая косточку, я прислонилась бедром к батарее, чувствуя, как внутри становится тепло, и представляя, что это желудок посылает миллион благодарностей. Не оставив на косточке ни единого кусочка мяса, выбросила в мусорное ведро, мельком отмечая в нем несколько вакуумных упаковок из-под сарделек. Разве я вчера вечером съела три?

Поднатужившись, вспомнила, что одну съела до ужина, пока мерила шагами комнату, нервно обдумывая, в чем пойти на сегодняшнюю встречу. Ответ на этот вопрос так и не был найден. Главным образом потому, что требовалось посоветоваться с Ругаловой, а разговаривать с ней после очередных уверток, побега и сегодняшней неявки без предупреждения совершенно не хотелось. Возвращаясь к сарделькам.... Еще одна после ужина и третья во время ночного просмотра сериала. Точно.

Довольная этим явным доказательством собственного здравомыслия (естественно, речь о хорошей памяти, а не о несколько ненормальном аппетите), я с телефоном в руке вернулась в комнату и достала из шкафа теплый пушистый плед кофейного цвета. Время тихого часа. Забираясь на диван, уже чувствуя, как слипаются глаза, я спрятала мобильный под плюшевый живот своей подушки-бегемота.

Два переверота справа налево и обратно, возня с тем, как получше устроить ноги и руки, немного покопошиться с пледом и нахождением наиболее удобной позы – то, без чего не обходится ни одно мое путешествие в сон. Всегда раздражает эта бурная деятельность, но ничего

не могу с ней поделаться. У мамы целая коллекция шуточек по этому поводу. Плоских и раздражающих.

Разбудила меня драйвовая мелодия, поставленная на Ирку. Медленно выплывая в реальность из сладкого тумана без снов, я вслепую нашарила телефон и положила возле уха, нажав зеленую трубку.

- Слушаю.
- Привет, ты спишь, что ли?
- Уже нет.
- Впустишь? Я у тебя во дворе.
- Набирай номер квартиры.

Сонное состояние исчезло, как дешевый растворимый кофе в кипятке. На поверхность поднялась пенка из удивления и недовольства. Пока я поднималась с дивана и подходила к запищавшей в прихожей трубке домофона, ее пузырьки готовились лопнуть парой десятков слов, прибереженных для Ругаловой.

Нажав кнопку, я открыла железную дверь, тут же увидя перед собой Ирку. В коричневой кожаной куртке, черных джинсах и черных замшевых ботильонах с меховыми «воротничками». Ничего из этого ансамбля ранее мной замечено не было.

– Привет, – робко поздоровалась Ирка.

– Привет. Заходи. – Я шагнула в сторону, снова проходясь по ней взглядом снизу вверх. – Смена стиля?

– Нет, просто уже собралась и пришла помочь тебе. – Ирка уверенно закрыла дверь, разулась, достала тапки, повесила куртку на вешалку, демонстрируя горчичного цвета водолазку, и это был единственный знакомый мне предмет одежды. Когда она задвигала дверцу шкафа-купе, в глаза бросилось кольцо с каким-то потрясающе красивым овальным синим камнем в серебряной оправе.

– Что это за камень? – не удержалась я.

– Лазурит. Красивый, да?

– Очень. Леша подарил?

– Ага. Когда узнал, что я козерог по гороскопу. Говорит, это один из камней моего знака, – улыбнулась Ирка, но, наткнувшись на мой скепсис, помрачнела. – Агат, нам нужно поговорить...

– Я это вторую неделю уже жду.

– ... и еще я хотела бы помочь собраться тебе. Быть там нужно в шесть, Леша подъедет сюда и заберет нас, если ты не возражаешь.

– Не возражаю, – приподняла я бровь, пропуская подругу в зал и указывая на диван.

– О, у вас новая орхидея? – указала Ирка на подоконник, где, стараниями мамы, вот уже который год, правили цветы.

– Ага. – Я села по-турецки на диван, выжидающе глядя на нее. – Итак. Я слушаю.

– Я не очень представляю с чего начать, – пожевала губу Ирка. – И мне не все можно говорить. Кое-что ты должна узнать только сама. Может, ты сначала расскажешь, как встретила их в парке и что там точно случилось?

Тяжело вздохнув, я коротко изложила ей все поиски Джамбо, немногочисленные реплики ее новых приятелей и как нашла лабрадора точно там, где сказал сероглазый.

– Никто из них не... касался тебя? – прищурилась Ругалова. – Не пожимал руку, например?

– Нет.

– Это хорошо, – облегченно выдохнула она, сразу же сталкиваясь с моей молчаливой готовностью звонить в психушку за консультацией.

– Потом поймешь, – отмахнулась она. – Агат, эта компания... Все, кого ты сегодня увидишь, они... другие. Совсем другие. Я понятия не имею, почему Князь хочет тебя увидеть, и я очень надеюсь, что наша с Лешей догадка неверна... По правде говоря, кто угодно, только не он, – пробормотала она себе под нос.

– А имя у него есть? – мрачно поинтересовалась я, чувствуя, что Ирка собралась ходить вокруг да около, без всякой конкретики. Послушать только. Их с Лешей догадка. А меня в нее никто посвятить не хочет?

– Да, и он сам тебе его скажет, – серьезно кивнула Ругалова. – Не злись, пожалуйста. Это все очень сложно, обещаю, после твоего разговора с ним, после сегодняшнего вечера, если у тебя останутся еще какие-то вопросы, я отвечу на все.

– Так уж и на все? – недоверчиво посмотрела я в ее большие светло-карие глаза на поллица.

– Абсолютно. Мамой клянусь, – торжественно подняла она ладонь.

– Ты правда едва не устроила драку на Первомайской?

– Да.

– И ты... не считаешь это странным?

– Я... – Ирка сцепила руки замком, уставившись на них. – Я понимаю, чему ты удивляешься. Если к завтрашнему утру ты не поймешь, я объясню.

– Сколько там будет человек?

– Вместе с нами девять, – чуть задумавшись, ответила Ирка. – И, пожалуйста, я тебя очень прошу, держи себя в руках, что бы кто из них тебе не сказал. Постарайся не реагировать, это может быть опасно.

– Чем?

– Любой из них умеет постоять за себя и постоять серьезно. Гораздо серьезнее, чем ты можешь себе представить.

– Ты специально отвечаешь так, чтобы мне становилось еще непонятнее?

– Прости, – уныло отозвалась Ругалова. – Мне жаль, что все так получается.

– А если я не пойду? Что тогда? Ты расскажешь мне все прямо здесь и сейчас?

– Нет. И ты пойдешь. Мы же обе знали это еще вчера, сразу после слов Варвары.

– Почему тебя не было сегодня?

– Я помогала Леше с одним делом. Ладно, время уже половина пятого, пора тебя собирать, – мигом переключилась Ирка, покосившись на шкаф с моей одеждой. – Давай, показывай, в чем собираешься пойти.

Естественно, выбранные мной джинсы и водолазка без рукавов подверглись критике и отправились обратно на полку. К пяти часам Ирка откопала где-то в недрах моего гардероба черные теплые леггинсы и синюю тунику чуть выше колена с широким горлом. Вешалку с ней она и продемонстрировала, когда я вернулась из ванной с полотенцем на голове.

– Почему у меня такое ощущение, что ты собираешь меня на свидание?

– Потому что это оно и есть, пусть и не совсем в этом смысле. Ты правда хочешь находиться в одной комнате с Варварой в обычных джинсах и той вязаной фигне, от которой по какой-то космической причине фанатеешь? – не отрываясь от раскопок в моей косметичке, спросила Ругалова.

– Это болеро, – буркнула я. – И ты в джинсах.

– Да. В черных и идеально на мне сидящих. – Она наклонилась за упавшей на ковер помадой, демонстрируя эту самую идеальную посадку.

– Может, хоть немного подготовишь меня к встрече?

– А я что сейчас делаю? – Ирка уже достала фен и две расчески, указывая мне на табуретку в коридоре.

– Ты меня поняла.

– Я уже сказала все, что можно. Не груби. Будь спокойна. И старайся даже не фантазировать на тему, кому и где ты хочешь обеспечить перелом.

– Почему ты так уверена, что я захочу причинить кому-то вред? Я что, настолько неадекватная? – возмутилась я.

– Я захотела убить Варвару и Сашу спустя пять минут после знакомства, – поделилась Ирка. – Я. Абсолютно не вспыльчивое и миролюбивое существо. А если подумать, как легко спровоцировать тебя... ты соберешься укокошить ПрахМир еще до первого тоста.

– ПрахМир? – не поняла я.

– Это сокращения от их фамилий. Варвара Прахова и Александра Миркова.

Чудненько.

– Значит, их фамилии ты мне сказать можешь, а этого Князя нет?

– Они уже сами представились тебе вчера, а он нет, – спокойно ответила Ругалова, глядя в глаза моему отражению. Не дав мне задать следующий вопрос, Ирка включила фен и принялась за создание чего-то приемлемого из того непролазного кустарника, который я звала своими волосами.

– Что сказала маме? – спросила Ирка.

– Что иду к тебе в гости, – нехотя ответила я, на секунду представив, что могла бы провести этот вечер куда приятнее: на родном диване, в компании пакета воздушных зефирок, чая и за совместным с мамой просмотром ситкома.

Чем ближе подступало время встречи, тем туже завязывался узел в моем животе. Холодный, липкий и трясущийся, как застывший холодец. Мысли о еде совсем не помогали, только приманивали тошноту. И почему я так волнуюсь? Хуже, чем в ночь перед экзаменом. Почти как в коридоре у кабинета стоматолога. Вот же мерзкие ощущения!

– Ты в порядке?

Вопрос стал крохотной каплей масла, упавшей на раскаленную сковородку. Так что совсем неудивительно, что я тут же зашипела:

– Похоже? Ты хоть представляешь, каким идиотским, непонятным и раздражающим все это кажется со стороны?

– Представляю, – тихо ответила Ирка. – Видишь, о чем я говорила? Будь спокойнее и терпеливее. Если он пригласил тебя для того, что я думаю, он все тебе объяснит.

– Бесишь, – буркнула я.

Взглянув друг на друга, мы продержались совсем недолго, прежде чем прыснуть. Ирка расхохоталась, и моя злость свернула свое наступление до более удачного момента. Я просто не могла сердиться, когда она так весело смеялась, издавая все эти странные звуки, как будто одновременно давилась и икала.

– Прости, Агат, я знаю, каково это, и мне, правда, жаль, что все так получается, – осмевшись, признала Ругалова. – Ты готова, кстати говоря. Пойду позвоню Леше.

Прихватив табуретку, на которой я сидела, Ирка ушла на кухню, а я вернулась в зал, проверить, вся ли техника выключена. Не хватало еще пожар или замыкание устроить. У мамы был небольшой пунктик касательно розеток, так что я на всякий случай выключила все «пилоты» и вынула шнур зарядки. Слушать лекцию о беспечности и моей неготовности ко взрослой жизни совершенно не хотелось.

Не прислушиваясь к щебету Ругаловой, явно увлекшейся разговором со своим бойфрендом и то и дело посмеивающейся, я быстро проверила содержимое своей сумки, вынув из нее пенал и тетрадку. Когда мы снова столкнулись в прихожей, от недавней веселости не осталось и следа.

Неловкость и странное тревожное напряжение, засквозившее между нами сразу же после ее «Леша будет через пять минут, пора выходить» были близки к тотальным. Что-то внутри, интуиция, шестое чувство, мой внутренний ответчик, как это ни назови, подсказывало, что как

раньше уже не будет. Сегодняшний вечер перевернет страницу, и мы либо окажемся в новой главе вместе, либо кто-то из нас останется сноской или примечанием для другой.

Мне не нравились эти мысли так, как только может не нравиться правда. Они горчили и покалывали где-то на кончике языка, прокатывались по горлу, а потом съезжали лыдинками в живот, множа тревогу.

Оказавшись в темноте подъезда, Ирка чертыхнулась, пока я по привычке закрывала дверь на три поворота ключа.

– У вас опять лампа перегорела, – выдала она очевидное, чтобы как-то всколыхнуть эту загустевшую между нами тишину.

– Скорее всего, снова, – пробормотала я. – Только в выходной меняли. Наверное, пора вызывать электрика.

– Да уж, пора.

Мы перебрасывались ничего не значащими словами, как мячиком, и мне внезапно захотелось остаться на лестничной клетке и не выходить из подъезда. Просто стоять в темноте и вот так отбивать каждую ответную реплику собственной через сетку непонимания.

Резко остановившись, Ругалова повернулась ко мне и глубоко вздохнула, как будто готовилась к прыжку в воду с большой высоты.

– Хочешь сказать, что если я сейчас повернусь и зайду обратно в квартиру, то не вляпаюсь? – опередила я, на самом деле, все это время, ожидая ее попыток отговорить меня от встречи с ее новыми знакомыми.

– Нет, но только потому, что ты уже вляпалась, – покачала головой подруга.

– Из-за того, что меня пригласил этот ваш Князь?

– Достаточно того, что он тебя заметил. И он не наш. – Ирка снова вздохнула, нервно тряся головой и поправляя шапку. – Можешь сделать мне одно одолжение? Если он тебе что-то скажет, предложит, сделает, возьми паузу и обдумай, как следует. Мне повезло, но я сильно сомневаюсь, что у тебя все пройдет так же.

– Звучит так, словно ты настраиваешь меня на деловые переговоры.

Невесело усмехнувшись, Ирка первой вышла из подъезда. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней в компании своего любопытства, волнения и готовности вляпаться еще сильнее.

Глава 4

Когда Ира говорила, что ее Леша программист и у него есть своя машина, я представляла себе ботаника, опирающегося на «жигули». Поэтому, у остановки, глядя, как Ругалова уверенно направляется к синей иномарке, немного растерялась. Когда же открылась дверца со стороны водителя и из нее вышел высокий привлекательный парень, на ходу убирая со лба светлые пряди волос, для меня все окончательно запуталось. Впрочем, отчего Ирка потеряла голову, совершенно ясно, но... Вид Лешки никак не вязался со словом «сектант», а ведь это моя ведущая версия!

– Добрый вечер, ты Агата, верно? – тепло улыбнулся мне парень, приобнимая Ругалову и успевая чмокнуть ее в макушку. Даже не видя лица подруги, спрятавшегося на его груди, я заподозрила, что она вот-вот лопнет от радости, вызванной его присутствием. – Я – Алексей Берёзин.

– Добрый вечер, – скомкано поздоровалась я, снимая перчатку, чтобы пожать протянутую руку. – Да, я Агата. Агата Вольская.

– Приятно наконец-то с тобой познакомиться. – Леша посмотрел мне в глаза, и я повторно поняла, с какой скоростью и в каком направлении утекли Иркины мозги. Кроме неплохого телосложения, густой шапки русских волос и обворожительной, располагающей к себе

улыбки, Берёзину неизвестно за какие заслуги достались голубые глаза, напоминающие одновременно летнее безоблачное небо и лазурь.

– Наконец-то? – удивленно переспросила я, покосившись на Ирку.

– Ира много рассказывала о своей лучшей подруге, – пожал плечами Алексей. – Ладно, девчонки, занимайте места согласно купленным билетам и погнали.

В детстве я очень сильно хотела себе попугая, как у капитана пиратов. Красноголового ару с голубыми крыльями, похожего на Яго из «Алладина», и, само собой, говорящего так же бегло, как мультяшка-приспешник Джафара. Детство прошло, а мечта осталась. Только теперь попугай нужен был не для хвастовства и притворства первой женщиной-корсаром, а чтобы, в соответствующий момент, посмотрев на плечо, было кому сказать: «Нет, ты это слышал?».

Залезая на заднее сидение машины, я мысленно разговаривала с пернатым плодом воображения. Значит, своему парню Ругалова про меня много рассказывала. Встречи он с нетерпением ждал. Что ж, мы явно были не на равных, потому как мне приходилось добывать каждую крупницу информации чуть ли не с боем и угрозами пыток.

Хлопнув дверцей с непривычки, я тут же услышала их едва ли не супружеское:

– Нежнее!

– Извините, – пробормотала я, чувствуя какую-то мелкую досаду от этого маленького казуса. Скорее всего, дело в неудобном положении третьей лишней. Оказавшись в этой машине наедине с Ирккой и ее парнем, я как будто вошла в их личную жизнь без приглашения, не вытерев ноги о коврик на пороге как следует.

– Нечасто катаешься? – поинтересовался Леша, встраиваясь в цепочку машин, тянущуюся к светофору.

– Реже, чем раз в год, – честно ответила я. – Да и в принципе не особо часто пользуюсь любым транспортом.

– Агата предпочитает пешие прогулки, – добавила Ругалова, хозяйничая с кнопками радио.

– Полезно для здоровья, – кивнул парень.

– И для семейного бюджета, – хмыкнула я, смутно припомнив разговор одноклассников об очередном подорожании городского проезда.

– Да не переживай ты так, – обернулся на меня Леша, когда мы встали на светофоре. – Все будет хорошо.

– Все было бы хорошо, если бы с Агатой хотели встретиться только ты и Катя, – пробурчала Ирка, и я наострила уши. – А ей не повезло напороться на Варвару и Сашу в парке.

– Не только на них, – уточнила я, не упустив из виду, как старательно Ругалова ушла от упоминаний о сероглазом парне.

– Вот именно, – поддакнула Ирка.

– А почему не повезло? – И это была моя десятая, юбилейная попытка, понять, что, черт возьми, все это значит.

– Не обращай внимания, – подмигнул Берёзин в зеркало заднего вида. – Ира, как ты знаешь, склонна преувеличивать.

Это точно. Один раз она переела апельсинов, на лице выступило раздражение, но Ругалова решила, что это смертельная болезнь. К тому моменту, как я прибежала к ней, Ирка уже читала про рак кожи и причитала, что жить ей осталось недолго.

– Ну конечно. Преувеличивать, – фыркнула подруга. – Как будто ты сам не напрягся, когда узнал об этом.

– Ты прекрасно знаешь, что причины нашего с тобой напряжения в этой ситуации абсолютно разные.

– Я, конечно, извиняюсь, но, может быть, вы прекратите разговаривать так, как будто меня здесь нет?

– Прости, – снова мельком оглянулся на меня Леша, улыбнувшись.

Он был абсолютно спокоен. Настолько спокоен, что становилось завидно. Хотя, чего ему-то беспокоиться? Это же не его везут непонятно куда, непонятно к кому и непонятно зачем.

– Кстати, а куда мы едем?

Пока что мы выезжали на Советскую, и, судя по повороту налево, нам нужно было или на Красноармейский проспект, или вообще в район Заречья, который я совсем не знала.

– На Луначарского.

Похоже, Леша был единственным, кто конкретно отвечал на мои вопросы. В свете этого обстоятельства, Берёзин нравился мне все больше и больше. И он действительно не походил на кого-то, кто мог тусоваться с троицей из парка. Ни мрачных усмешек, ни готических веяний. С виду обычный привлекательный парень. Интересно, как он попал в эту компанию и зачем притащил в нее Ирку.

– Это... в Заречье, да?

– Ага.

Я попыталась представить, что это за улица, но получалось что-то смутное и серое. Что поделать, мы с Ругаловой – девочки из центра. Хотя, благодаря месторасположению своей школы и бывшей маминой работы, я также неплохо знала Красноармейский проспект и все улицы, связывающие его с проспектом Ленина. У меня было множество маршрутов для пеших прогулок, когда надоедало нарезать круги по вдоль и поперек изученному парку.

Мы проехали большой универмаг, пересечение трамвайных путей и застряли в пробке.

– Ехать пятнадцать минут, как же, – хмыкнула Ирка, когда мы простояли минуты три, продвинувшись, самое большое, на метр. – В час пик, на зареченском мосту.

– Ты сегодня раздражена, осторожно, – отметил Леша, спустив с языка еще одну тайну для меня. Почему он ее предупреждает? И на что намекает?

Пока я приплюсовывала еще пару-тройку вопросов к своему и без того солидному списку, Берёзин достал из бардачка сочное зеленое яблоко и протянул его Ругаловой.

– Подкуп? – поинтересовалась подруга, накрывая рукой яблоко в его ладони.

– Я бы сказал, что это выкуп твоего хорошего настроения, – улыбнулся он.

Нужно было спросить адрес и идти самой. Всяко лучше, чем находиться в замкнутом пространстве с двумя влюбленными. Отвернувшись к окну, я услышала хруст, с каким Ирка откусила яблоко, и в животе все перевернулось.

Волнение и напряжение, которые я так старательно игнорировала с момента начала сборов, вернулись с удвоенной силой. Состояние походило на утреннее перед важным экзаменом. Информации в голове много, но вся перепуталась, живот подводит, и руки холодеют и покрываются липким потом. Кажется, я сама довела себя до этого каким-то особенным ожиданием.

Любая нормальная девушка восприняла бы эту поездку, как случай познакомиться с новыми людьми, увидеть компанию своей подруги, возможно даже завязать дружеские отношения. Если брать в расчет, что еду я по приглашению симпатичного парня, который почему-то заинтересовался мной, то можно докрутить это до планки «свидание».

Ну да, любая нормальная. Я не считала себя такой. И компания, в которой я вот-вот окажусь, вряд ли характеризовала себя этим словом. Того, что я уже увидела и услышала, было достаточно, чтобы считать ее специфической. Может, с сектантами я и загнула, но впереди ждет точно не обычная вечеринка студентов.

Потихоньку, как синяя железная черепаха, мы вползли на мост. Повернув голову налево, я увидела музей оружия. Куполообразное здание со шпилем напоминало шлем богатыря. Впрочем, так, наверное, и было задумано. Огни города превращали его во что-то мистически-прекрасное. По мне, ночью, в свете фонарей и неоновых вывесок, любой город – это что-то таинственное, пустынное и завораживающее.

Мы проехали мост и развилку, ведущую, как я знала, в Пролетарский район, к еще одному мосту, параллельному зареченскому, и на этом мои географические познания иссякли.

– Ира сказала, ты – программист. Работаешь на себя или в какой-то компании? – спросила я, просто чтобы отвлечься от напряжения, обосновавшегося в моем животе, как медведь в берлоге на зиму. «Опиум для никого» «Агаты Кристи» фоном по радио никак этому не способствовал, пусть я и поймала себя на мысленном подпевании хиту 90-х.

Секунда, и спереди послышался смешок, переросший в полноценный смех. Смеялся Берёзин так же приятно, как и улыбался. Я почти улыбнулась в ответ, но сдержало непонимание причины веселья.

– Ты сказала Агате, что я программист? Серьезно? Я? – все еще посмеиваясь, обратился Леша к Ругаловой. – Что случилось с твоей фантазией?

– Она застала меня врасплох! – отпрыгнулась Ирка, и мои руки зачесались от желания придушить ее прямо на этом месте.

– Агат, я никоим образом не отношусь к программированию, – пояснил мне Берёзин. – У меня совершенно другая работа, какая, думаю, поймешь позже.

Минус балл ему за скрытность в моем рейтинге. Очередной вопрос: в чем еще мне наврала Ругалова? Ей-богу, говорящая фамилия у человека, а? Так и напрашивается на ругательства!

– Агат... – вот точно почувяла недоброе, судя по жалостливому голосу.

– Кушай яблоко, Ир, не подавись, – буркнула я. – Мы с тобой позже поговорим.

Берёзин фыркнул от смеха, поворачивая руль, и я внезапно поняла, что мы уже пробираемся по дворам среди пятиэтажек. Леша аккуратно припарковался между белым мерседесом и коричневой маздой, напротив самой дальней от въезда пятиэтажки.

– Прибыли, – хмыкнул парень, вынимая ключ из зажигания.

Вот черт. Мой «медведь» в животе заворочался, побуждая пуститься наутек. Я дернула за ручку, плавно становясь на покрытый льдом асфальт. «Нежнее» хлопнув дверцей, не собираясь снова попадать под осуждение хозяина машины, отошла на пару шагов, дожидаясь, пока из нее выберутся мои компаньоны.

– Какой подъезд?

– Третий.

Леша поставил свою иномарку на сигнализацию, перехватил в руке с виду тяжелую спортивную сумку и быстро оказался возле нас.

– Ребята просили подвезти кое-что из еды, – пояснил он, снова дернув сумкой, и я отчетливо услышала звон бутылок. – И не только из еды, – хмыкнул Берёзин, правильно расшифровав мой взгляд.

Черная железная дверь с домофоном выглядела как сотни других, да и внутри подъезд отличался от моего родного разве что горячей лампочкой и желтыми почтовыми ящиками. Даже гадкого о нем нечего было сказать: ни запаха кошачьего туалета, ни бутылок на подоконниках, ни расписанных стен. Что примечательно, внутрь нас пустили, не спросив «кто там?».

Конечно, друзья Иры и Леша нас ждали и вряд ли не догадывались, что мы на подходе, но все же... Моя паранойя, например, всегда заставляет интересоваться, кто ломится в подъезд. Практика показывала, что это может быть кто угодно: от почтальонов и разносчиков листовок до свидетелей Иеговы.

– Нам на пятый, – пояснила Ирка.

– Супер, – оценила я, на ходу расстегивая пуховик.

– А то, – пропыхтел Леша, и я снова услышала звяканье бутылок в сумке.

Мы были на четвертом, когда сверху раздалось угрожающее шипение. Подняв голову, я конечно же наткнулась на рыжую кошачью морду, просунувшуюся между перил на пятом.

Отлично. Как раз одного из представителей ненавидящей меня армии кошачьих сейчас и не хватало.

– Как всегда, – покачала головой Ирка. – Значит ПрахМир уже прибыл.

– С чего ты взяла?

– Это Тимка, – кивнула Ругалова на котяру, вздыбившего на меня шерсть. – И он фанат Саши.

– Я бы сказал: глава ее фан-клуба, – добавил Алексей. – Сколько мы здесь не собираемся, он всегда чувствует, когда Сашка приходит, просится у хозяев со второго на волю и караулит тут, пока она не выйдет и не почешет ему брюхо.

– Очаровательно, – оценила я, припоминая пантеру на куртке девушке. Кошатница с собачницей в одной комнате. Делайте ваши ставки, господа.

– На тебя все кошки шипят? – спросил Берёзин.

– Угу. Всю жизнь, – пробормотала я, глядя, как Ирка поднимает кота на руки и отходит дальше на лестничную площадку.

– Понятно, стучи. – Он кивнул мне на первую серую железную дверь.

– Звонок не работает?

– Свои стучат, – хмыкнул Леша, и я пару раз стукнула кулаком в перчатке по двери, слыша за спиной, как Ругалова отпускает кота и шикает на него.

Два щелчка поворота замка, и передо мной предстал... двухметровый крепыш. Seriously, он занимал собой все пространство, мне даже захотелось отступить и по-детски спрятаться за Лешу от такой мощи. Широкоплечий, мускулистый, с коротким то ли рыжим, то ли каштановым ежиком волос и крупными чертами лица. Осмотрев меня с ног до головы, гигант улыбнулся, и сразу стало легче дышать. Как будто несущееся на берег цунами внезапно, в паре метров от него, распалось на безобидные волны.

– Привет, – сочным басом поздоровался парень, кивнув нашей троице. – Что, Лёх, с ног валишься от такой тяжести?

– Очень смешно, – проворчал Берёзин. – Твои аппетиты когда-нибудь аукнутся мне грыжей. Либо кончай столько есть, либо переезжай на первый этаж, здоровяк.

– Не, ну тут же не все на меня! – возмутился качок. – И я ем нормально для своего веса и строения! Давайте, заходите!

Строение у него и правда было что надо. Белая майка (явно парадная) обтягивала мускулистый торс, а шорты цвета хаки открывали накаченные икры. Парень точно не вылезал из тренажерного зала и напоминал скорее богатыря, чем члена компании неформалов, которых мне описывала Самойлова. Более того, оказавшись в небольшой прихожей, я разглядела, во что он обут, и едва не поперхнулась от смеха. Плюшевые коричневые тапки с медвежьими мордами, ну надо же!

– Нравятся? – усмехнувшись, он покрутил стопой, с легкостью удерживая в руке сумку, переданную ему Берёзиным.

– Безумно, – хихикнула я, стягивая пуховик и укладывая его поверх Иркиной куртки на софу вместе со своей сумкой.

– Я, кстати, Миша, – он протянул мне руку.

– Агата, – пожалала я его широкую теплую ладонь.

– А фамилию мою угадаешь?

– Наверное, даже пытаться не буду, – пожалала я плечами.

– Правильно, – фыркнул Леша, разуваясь. – Она настолько очевидна, что это и в голову не придет.

– Потапов я, – еще шире улыбнулся он, и я увидела острые резцы его верхних зубов.

– Родители с чувством юмора?

– Не без этого.

– Сочувствую. В детстве, наверное, дразнили?

– Почему это, только в детстве? – вклинился Леша. – Ир, давай!

– Мишка косолапый, по лесу идет... – весело начала Ругалова.

– Шишки собирает, песенки поет... – подхватил Берёзин.

– Да-да, смейтесь, обладатели хрупких косточек, – пробурчал Миша, и мне тут же захотелось погладить его по голове и вручить конфету, чтобы не расстраивался.

– Кто там моего Мишу обижает? – в коридор, видимо из кухни, вышла миниатюрная стройная девушка с толстенной русой косой, переброшенной через плечо.

За такие волосы можно продать душу, без шуток. Цвет спелой пшеницы, никакой краски, я была в этом уверена. И глаза, конечно же, синие, как озера, а губы пухлые и розовые. Такую красоту не портил даже узкий, чуть заостренный к низу нос.

Когда она остановилась рядом с Мишей, у меня в голове словно открылась книга русских сказок, настолько они походили на богатыря и красно-девицу, провожающую суженого-ряженого. Образ не разрушали даже тапки Потапова и синий фартук в розовый цветочек на девушке, поверх домашних тренировочных брюк и футболки.

– Твоего Мишу только пустой холодильник обидит, – хохотнул Леша. – Всем остальным он даст сдачи с процентами.

– Рассказывайте мне тут, – скептически приподняла бровь хозяйка квартиры, как я теперь поняла. Значит, зовут ее... – Привет, добро пожаловать, – улыбнулась мне девушка. – Я – Катя.

– Очень приятно, Агата, – не смогла не улыбнуться я в ответ, пожимая и ее ладошку тоже.

Она посмотрела на меня так же внимательно, как и ее парень до этого, но, вместо того, чтобы почувствовать себя неуютно от такого явного изучения, я ощутила спокойствие. Катя виделась мне не менее позитивной, чем Леша. Не знаю, как объяснить, но они были чем-то похожи, не только внешне, но и... взглядами?

– Вы брат и сестра?

– Нет, но то, что ты почувствовала нашу схожесть, очень хорошо, – отметила Катя.

– Смотря для кого, – едко вмешалась Ира.

– Ир, – предостерегающе прервал ее Берёзин, впервые отступая от своего улыбочивого амплуа. – Мы уже говорили на эту тему.

– Проходите в зал, остальные уже здесь, ужин минут через двадцать, – разрядила обстановку Катя, прежде чем я обернулась посмотреть на парочку и оценить происходящее. – Миш, тащи сумку на кухню.

Катя и Миша ушли на кухню, Берёзин уверенно открыл двустворчатые двери перед нами и первым шагнул в зал, сразу же ступая на узорчатый шерстяной ковер. Я оглянулась на Ирку. Подруга закатила глаза и недовольно трясла головой, точно несогласная с Лешей, что бы он там не имел в виду. Поймав мой взгляд, она указала вперед, и, проследив, куда Ругалова советовала мне посмотреть, я увидела еще одну незнакомку.

В центре комнаты, на одном из кресел, сидела самая необычная девушка из всех, кого я когда-либо встречала. Для начала она была одета в черные леггинсы, белую рубашку, сиреневую жилетку и самый настоящий сюртук чернильного цвета. Довершали этот ансамбль розовый шелковый шарф, повязанный на манер галстука и заколотый булавкой с розовым камнем, черная шляпа-котелок, висевшая на уголке кресла над ее плечом и... трость с круглым набалдашником, на котором и лежала ее рука. Однако выделяло ее даже не это, одежду, в конце концов, легко сменить при случае.

У нее были глаза разного цвета. Один голубой, а второй желто-карий, ближе к золотому. Кажется, мы когда-то проходили это на биологии в школе... Гетерохромия, точно! В сочетании с абсолютно белыми волосами эта особенность выглядела донельзя экзотичной, но и это было не все.

Аккуратный носик, чуть вздернутый кверху, сверкал сережкой пирсинга с правой стороны, а губы, покрашенные помадой какого-то темно-фиолетового оттенка, вроде баклажана или сливы, выделялись на лице особенно ярко. Как будто она намеренно подчеркнула каждую черту лица, чтобы нельзя было собрать эту яркую мозаику воедино, то и дело переключаясь с одной ее части на другую.

Сопоставив все это, я поняла, что девушка напоминает мне одновременно кота Базилио и дочь Безумного Шляпника, если бы она когда-нибудь у него была. Вот уж непонятно кому в этой квартире удивляться больше: Кате, выглядевшей абсолютно нормально, или этой особе, одним своим видом выходявшей за границы обыденности.

– Привет, – кивнула она мне, склонив голову на бок. – Заходи, не бойся. Тут не все кусаются.

Пока голубой глаз смотрел на меня, каре-желтый скосил на другую сторону комнаты, не просматривающуюся с моего места. По приветствиям Леша стало ясно, что именно там сидят Варвара и Александра.

– Привет. Я и не боюсь, – расправив плечи, я наконец-то зашла в зал, мельком оценивая обстановку.

Комната была поделена на две зоны. Два угловых дивана впритык, накрытый стол между ними, кресло, занимаемое незнакомкой, торшер и настенные светильники создавали одну, где проходили трапезы и какие-нибудь официальные встречи, как мне казалось. Вторая виделась более уютной: разбросанные на полу подушки, три кресла-мешка, книжный шкаф, многосекционная стенка с матовыми дверцами, в центре нее плоский телевизор на стене, куча различных безделушек, ноутбук на тумбочке, и чертова уйма растений, названий которых я не знала. Светло, уютно, классное сочетание цветов, все вокруг говорило о профессиональной работе дизайнера. И, конечно же, ни одного намека на сатанизм, как еще одно доказательство моей глупости.

За моей спиной Ирка прошла к Леше, уже устроившемуся на диване напротив Варвары и Саши. Обе выглядели с иголки, холено и чувствовали себя не просто в своей тарелке, а в самом ее центре, не иначе. Я же, продолжая аналогию, смотрела на эту самую тарелку с края треснутого стакана.

– По-моему, ты ожидала увидеть что-то другое, – снова заговорила незнакомка. – Красно-черный – это стиль Праховой.

– А бело-фиолетовый – твой, – среагировала Варвара, прежде чем отпить красного вина из фужера. Ее пальцы были едва ли не тоньше изящной ножки бокала. Каждое наблюдение за вампиршей наносило непоправимый вред моей самооценке. Пора к психологу.

– Меня зовут Анастасия Захарова, – не обратила никакого внимания на Варвару девушка, тем самым вызвав у меня симпатию. Странно, но первое, что мне пришло в голову, так это вывод о трех «а» в ее имени. Не только в имени. Фамилия тоже попадала под трехкратное «а». Итого шесть одинаковых гласных, а, может быть, и больше, если подумать об отчестве. Это действительно что-то значит? Голос интуиции твердо высказал свое «да».

– Агата Вольская, – представилась я в очередной раз за этот вечер.

– Тебе подходит, – чуть улыбнулась Захарова. – Однако мы тебя задерживаем, ты уже должна быть в другом месте, – перехватив свою трость, она легко подцепила со спинки дивана вязаную шаль и протянула мне. – Лоджия.

Потрясающе. Дальше мне предложат выбрать красную или синюю таблетку, и я узнаю, что всю свою жизнь спала?

Стянув с трости Насти коричневую шаль, я, под взглядами присутствующих, направилась к двери на лоджию, отгороженную от меня темно-зеленой узорчатой шторой и белоснежным тюлем. Отодвинув ткань, потянула пластиковую ручку двери и, наконец-то, оказалась на финишной прямой своего недолгого путешествия.

Думаю, в теплое время года, я вообще бы не покидала это место. Никаких санок, лыж, мешков, ящиков с банками, старых шин и еще какого-либо хлама, обычно убирающегося с глаз долой, чтобы не мешался. Скорее напоминало комнату отдыха. Маленький диванчик со сложенным клетчатым пледом, столик-поднос, скамеечка для ног, циновка... Из-за поднятых рулонных штор и света уличных фонарей, дотягивающегося до пятого этажа, не требовалось включать светильник, хотя он тут имелся.

Комфортная обстановка и спокойствие полумрака отступили на второй план, едва ко мне от приоткрытого окна обернулся сероглазый парень. Поправляя рукав своего толстого свитера и засучивая его до локтя, он отступил на шаг:

– Салют.

Серьезно? Так еще кто-то здоровается? Не успела я высказать это вслух, как далеко в небе, со стороны моста, который мы недавно проезжали, засверкали разноцветные огни фейерверка. Красный, золотой, фиолетовый....

– Свадьба? – недоверчиво спросила я, подходя ближе в ответ на приглашающий жест парня.

Мы стояли почти бок о бок, наблюдая за фейерверком, и мой поиск ответов остановился на паузе. Волнение и напряжение, скрутившие живот в зале, под взглядами девушек с тремя «а», присмирело и отступило, позволив насладиться зрелищем.

– День рождения, – поправил парень.

Повернув голову, я наткнулась на спокойствие и безмятежность его взгляда. В серых глазах отражались фиолетовые и зеленые вспышки, но они не смогли спрятать его заинтересованности. Не похоже на беспардонное любопытство, или изучение, как под микроскопом. Больше напоминает тот особый интерес, возникающий при просмотре фильма, или чтении книги, когда герои уже известны, а догадок о финале ни одной.

– Кто-то из твоих знакомых празднует? – нахмурилась я, стараясь понять, откуда растут ноги у его уверенности.

– Нет. Просто знаю.

Простотой здесь и не пахло.

Еще одна россыпь золотых звезд украсила небо, и когда они загасли, стало ясно, что это был последний залп. Может, в небе представление и закончилось, но взгляд сероглазого «Князя» подсказывал, что на этой лоджии оно только начинается. И, похоже, у меня одна из главных ролей.

Глава 5

Если бы неделю назад кто-нибудь сказал мне, что я буду находиться в узком замкнутом пространстве с самым привлекательным и одновременно опасным на вид парнем из всех, кого я когда-либо встречала, я посоветовала бы фантазеру больше спать и меньше смотреть сериалов. Однако, вот она я, в тесноте уютной лоджии, наедине с тем, кого все величают Князем, и в полной готовности начать свой допрос.

Ладно, с полной готовностью я загнула. Пристальный взгляд незнакомца рассеивал мое желание перейти в наступление, парализуя. Парень вроде бы не старался взять инициативу в свои руки, ничего не говорил и не делал, вот только пространство вокруг нас буквально гудело осознанием, что я нахожусь здесь и сейчас только потому, что он так захотел. Мощное давление при абсолютном спокойствии с его стороны. Как ни подступайся, все равно чувствую себя в невыгодном положении. Раздражает.

– Почему ты хотел меня увидеть?

– Потому что ты хотела увидеть меня, – улыбнулся он краешком рта. – Но сейчас не об этом. Начнем с самого начала.

Не старается взять инициативу в свои руки, да? Когда-нибудь мне придется научиться не торопиться с выводами.

– С начала? – непонимающе переспросила я, чувствуя себя глупым зверьком, пригревшимся на солнышке и не заметившим, когда к нему подкрался хищник.

– С твоих вопросов, – парень указал мне на диванчик, сам опускаясь на его левую сторону. – У тебя их много.

– Только что еще парочка прибавилась, – пробурчала я, сев с другого края и нервно потянув шаль за концы.

– Любишь поворчать?

В яблочко.

– Ты вроде бы сказал, что время моих вопросов. Как тебя зовут?

– Влад.

– Цепеш? – не сдержалась я. Окажись это правдой, я бы даже не удивилась. Засмеялась бы, конечно, но уже по другой причине. Истерической.

– Если бы ты знала, сколько раз я слышал эту шутку, – покачал головой Влад. – Фамилия у меня вполне обычная. Яблонев.

Очень даже... мило. Недостаточно, чтобы разрушить витающую здесь атмосферу мрачной сказки, опутанной тайной, но какой-то проблеск нормальности на горизонте обозначился.

– А я...

– Агата, – избавил он меня от участи в пятый раз представляться. – У тебя очень красивое и редкое имя.

В его произношении оно и впрямь прозвучало красиво. То ли дело в самом низком голосе парня, то ли в ударениях, то ли в дикции, но едва ли не впервые за всю жизнь мне понравилось, как кто-то меня назвал. Тревожный звонок.

– Спасибо, – смутилась я, не зная, как реагировать на этот комплимент, да и на комплименты в принципе. Мне всегда казалось, что люди говорят хорошее, только когда им что-то нужно получить взамен, и единственное исключение из этого правила – мама. – Только фамилия у меня не такая простая и фруктовая. Вольская.

– Действительно непростая, – согласился Влад. – Вполне сочетается с тем, что я вижу.

– В парке... Как ты понял, где Джамбо? – ринулась я напролом, устав от этого кружения по границам этикета, очерченным никому не интересными условностями и ненужными комплиментами. Мне требовались ответы.

– Увидел.

– То есть, ты увидел, что собака зацепилась поводком за дерево, могла удушиться, и просто прошел мимо, спеша на встречу с подружками?

Если сейчас прозвучит «да», я просто встану, выйду, покину эту теплую квартиру с ее странными обитателями, смахивающими на сказочных персонажей, и пусть Ругалова завтра сама объясняет, как ее затащило во все «это», и что конкретно оно означает.

– Пока ты не спросила, я даже не знал о существовании этой собаки и что с ней происходит в данную минуту. Хорошо, – видя непонимание в моих глазах, Влад поставил локти на колени и сплел пальцы в замок. – Представь, что пространство вокруг нас – это спокойное озеро. Если бросить в озеро камень, то кроме всплеска о его присутствии так же сообщат пошедшие по воде круги. Каждый живой объект, неважно, человек, птица или животное, – это плоский камень, прыгающий по поверхности. Перемещаясь в пространстве, он оставляет за собой колебания, круги, которые чувствуют или видят такие, как я. Эти колебания сообщают нам очень многое: от настроения их владельца до чего-то более сокровенного. Чем ближе объект, тем больше информации.

– Такие, как ты? – только и спросила я, стараясь переварить, что он только что мне наплел.

– В обобщенном смысле мы предпочитаем термин: практикующие. В более узком, у каждого своя специализация.

– Стоп, – встряхнула я головой, еще больше закутываясь в шаль. – Ты так и не ответил, как нашел собаку. Что значит «увидел», когда я подбежала?

– Скептицизм тебе не поможет, только время потратим. Лучше сразу от него отказаться, – посоветовал Влад, усмехнувшись. – Когда ты подошла к нам, я знал, что ты ищешь чью-то собаку еще до того, как ты о ней заговорила. Очевидно, она пробежала мимо тебя, достаточно близко, чтобы оставить свой след по верх твоего. Как чирканье ботинка по паркету. Мне оставалось только считать его, уловить, где находится источник, сосредоточиться на более четкой картинке и передать тебе результат поиска.

Я моргнула несколько раз, прежде чем поняла, что это не шутка, а вполне серьезный ответ на вопрос. Влад считал информацию, получил картинку и передал это мне. А взял он все это из пространства, заполненного моими колебаниями со следами колебаний Джамбо. Ну да, конечно.

– Это же... бред.

– Разве ты не нашла пса там, где я сказал?

– Нашла.

Его красноречивый взгляд был более чем выразительным, однако он решил подкрепить его насмешкой:

– Есть более... нормальное объяснение?

Я почувствовала себя совсем как в восемь лет, когда мама не верила, что дворняга во дворе бабушкиного дома сама заступилась за меня перед местными мальчишками. Они загнали меня к забору, между самодельными футбольными воротами и липой, крича разные обидные слова, и, прежде чем я кинулась на них с кулаками, вмешался Сухарик. Без каких-либо просьб с моей стороны, он втиснулся между нами и оскалился на забияк, вздыбив шерсть, после чего проводил до самого подъезда. Мама посчитала это выдумкой.

Сейчас по ощущениям та же ситуация, только участвует в ней реальный фантазер. Или псих. Почему в школе нам не объясняют, как правильно строить беседу с такими людьми, если уж не повезло в ней увязнуть? Вот как не заблудиться в лесу или вести себя, оказавшись в заложниках у террориста – пожалуйста, а как пообщаться с ненормальным и остаться в здравом уме и трезвой памяти – нет. Между прочим, вторые встречаются гораздо чаще, чем первые.

– Ты мог поймать собаку, привязать ее, а потом прийти к скамейке, где тебя ждали твои подруги.

– И это твоя правдоподобная версия? – хмыкнул Яблонев. – Конечно. Я, незнакомец с садистскими наклонностями, умудрился поймать собаку за поводок, да еще и так, чтобы она меня не укусила, сволок ее с аллеи, обмотал привязь вокруг ветки, а потом, вспомнив о более важных делах, отправился на встречу с Варей и Сашей. И все это за сколько? Пять минут? Десять? Черт с ней с логикой и побудительной причиной, ты меня мало знаешь, чтобы понять, что я такого никогда бы не сделал, но как насчет времени?

Саркастическая подача только усиливала идиотизм прозвучавшего варианта развития событий. Если Влад и правда поймал Джамбо, то я бы увидела его на одной из аллей или заметили хозяева, также искавшие своего питомца. Не успел бы он за то короткое время, что мы искали пса, пройти полпарка и выглядеть таким спокойным и ничуть не запыхавшимся. Яблонев разнес меня в пух и прах.

– Согласна, звучит не очень, – кисло признала я. – Но твоя версия...

– Странно, что ты в нее не веришь, – перебил Влад. – Думаю, к этому моменту, с нашей первой встречи, с тобой уже должно было случиться что-то из ряда вон, что-то, чему нет объяснения.

– При чем здесь наша первая... Так, – я замотала головой. – Что-то из ряда вон происходит со мной прямо сейчас. Я в незнакомой квартире, среди людей, большинство из которых вижу впервые в жизни и в чьей нормальности, мягко говоря, сомневаюсь. Оказалась я здесь не по приглашению своей лучшей подруги, к слову, изменившейся за последний месяц настолько, что временами я не узнаю в ней близкого мне человека, а благодаря парню, вот уже которую минуту на полном серьезе втирающего мне что-то о пространстве и колебаниях...!

Я заткнулась, прервав свой монолог, выбросивший флаг истерики, потому что каким-то неуловимым движением рука Влада оказалась перед моим лицом, и он... щелкнул пальцами. Сухой и звонкий щелчок как будто пробрался в самую голову, заставив всех тараканов, царивших в ней, встать по стойке смирно и ожидать дальнейших приказаний.

– Выдохни, – посоветовал Яблонев. – Я не думал, что ты настолько боишься. Возможно, следовало сразу перейти к практической части, а потом уже рассказывать теорию.

– По-твоему, я тебя боюсь?

– Пока нет. Сейчас ты больше занята самообманом. – Влад поднял палец, властным жестом велел мне помолчать. Судя по тому, как легко и плавно это у него вышло, такой способ затыкать собеседника у сероглазого в ходу. – Видишь ли, сейчас, в этой квартире, в принципе нет нормальных людей в общем понимании этого слова, хотя я бы с этим поспорил, учитывая явную относительность данного понятия.

– Хочешь сказать, я тоже ненормальная? – напряглась я.

– Давай включим логику. Если ты считаешь, что ненормальны мы все, – он качнул головой в сторону двери, – то для нас ненормальная ты. На самом деле, ты такая же, как мы, только отрицаешь это, подсознательно боясь перемен в жизни. Твоя подруга чуть-чуть изменила свое поведение, став тебе непривычной, а ты уже забила тревогу и даже пришла сюда, чтобы убедиться, что она не попала в секту. Я прав?

Откуда он узнал об этом?

– Конечно же, я прав, – подтвердил сам себе Влад.

– Говоря, что я такая же, как вы... ты имеешь в виду, что... я... тоже могу видеть эти колебания? Что я экстрасенс?

– Выкинь это слово из своего лексикона, оно слишком плоское и скорее сбивает с толку, чем действительно характеризует практикующих, – велел Яблонев, поднимаясь и доставая из кармана джинсов пачку сигарет и зажигалку. Открыв окно, он поставил ранее не замеченную мной жестяную банку в качестве распорки и прикурил. – Я бы посоветовал тебе включить обогреватель, стоящий вон там, – он указал на длинный допотопный железный обогреватель, притаившийся за циновкой, – и поставить себе под ноги, но тебе это не требуется, потому что моменты, когда тебе было реально холодно, можно пересчитать по пальцам. У тебя повышенная температура тела, сильно сомневаюсь, что ты когда-нибудь болела, – он затянулся и обернулся на меня. – Обостренные чувства восприятия, особенно обоняние, а быстрота реакции выходит за рамки обычного. Предполагаю, ты большой любитель мяса, активного отдыха на природе и занятий спортом, будь то бег или игры с мячом. Однако когда этого не требуется, всему предпочитаешь сон. Определенно, ты агрессивна и не чураешься методов физической расправы, что лично я считаю плюсом к твоему инстинкту самосохранения. Разумеется, интуиция так же должна иметь место быть и достаточно сильная, раз ты пришла сегодня сюда, передавив все опасения и сомнения.

Наверное, у меня немного приоткрылся рот за то время, что я слушала его непонятно на чем основанные выводы о себе. И все верные. Ни одного промаха. Влад словно знал меня всю жизнь, и это раздражало. Откуда он узнал про мясо, про отсутствие болезней, про обоняние, и как я предпочитаю проводить свободное время, если даже Ирка не знала всего из этого списка моих особенностей?

– Смотри-ка, ты пока пятишься назад, но готовность вцепиться мне в глотку уже появилась, – отметил Яблонев, глядя куда-то в район моего туловища и закрывая окно.

– Я от тебя не пячусь, – пробормотала я, слишком растерянная происходящим, чтобы мой голос прозвучал как-то увереннее и громче.

– Физически нет, но ментально... – бросил парень очередную загадку. – Ты... боишься разозлиться.

Это он как понял?

– Происходят странные вещи, когда ты злишься, не так ли?

– Я причиняю людям боль, – шепотом признала я, внезапно поняв, что Яблонев уже сидит на корточках передо мной и смотрит прямо в глаза, а свет фонарей серебрит его волосы и бледную кожу, делая похожим на темного эльфа.

– Я могу помочь тебе взять эту способность под контроль, Агата. – Влад протянул мне правую руку раскрытой ладонью вверх. – И не только ее. Я научу тебя, как использовать все твои отличия себе во благо. Все, что тебя пугает, станет твоей силой. Все твои вопросы найдут свои ответы, потому что они у меня есть.

– Я не понимаю. Как ты это сделаешь?

– Ты веришь, что я узнал, где та собака, никогда не видел ее прежде?

Несмотря на то, что мне хотелось ему верить, особенно после того, как Яблонев снова назвал меня по имени, и в его устах оно прозвучало поистине волшебным, я все еще не могла принять факта под названием «практикующие». То, что он сказал про меня, было верным до последнего слова, но парень мог оказаться отличным психологом, или слышать что-то от Ирки, а потом просто проанализировать и прийти к верным выводам.

– Расскажи еще что-нибудь. Что-то, что могу знать только я. Если ты считаешь эти колебания в пространстве, и чем ближе объект, тем больше информации, это не должно быть чем-то трудным, верно?

– Мне нравится твой подход, – по-настоящему, без насмешки, улыбнулся Влад. – Что ж, давай посмотрим.

Яблонев склонил голову на бок, разорвав зрительный контакт, и уставился куда-то... в меня. Выражение его лица, сам взгляд неуловимо переменялись, я не могла определить, в чем именно это выражалось, только чувствовала, что сейчас передо мной кто-то другой. Неулыбчивый, мрачный, опасный.

– Стрелец по гороскопу. Первая декада, ты родилась во время сильнейшего ливня. Двадцать девятое ноября или первое декабря, число нечетное, что-то промежуточное, время, когда один месяц перетекает в другой, не только месяцы, но и времена года. С детства терпеть не можешь дождь, а вот огню благоволить. У тебя есть такая свечка... красная с золотыми узорами, тебе подарила ее бабушка. Иногда ты достаешь ее из... – Влад нахмурился, а мое сердце, кажется, перестало биться. – Похоже на детский сундучок, но не картонный, как из-под новогодних сладких подарков, а из пластика...

– Бывшая копилка, подарок на мое семилетие. На крышке прорезь для монеток, – сглотнула я, в шоке от всего, что он говорил.

– Я не вижу в ней монеток. Много вещей. Какая-то разноцветная лента, похожая на браслет без застежки, красный рулон ткани размером с катушку ниток, думаю, это свернутая ленточка выпускника, мелькнула четкая картинка ленты поверх белой блузки и что-то вроде прохода по школе, у тебя две косички. Рядом маленький ключик, привязанный за синюю нитку к небольшому блокноту в жестком переплете с замком. На обложке два далматинца. Личный дневник, который ты вела лет в... четырнадцать, или чуть помладше. Ты заполняла его черной чернильной ручкой, пальцы часто были перемазаны, и она тоже есть в этом сундучке. Кстати, он розовый с желтыми наклейками. Не твои цвета.

– Я была маленькой девочкой, когда мне его подарили, каких цветов ты ожидал? – смущенно спросила я. – А что насчет моей семьи? Ты видишь моих родителей?

Последний вопрос. Контрольный. И задается он не ради проверки Яблонева, а чтобы услышать ответ. И так уже ясно, что все, казавшееся мне бредом двадцать минут назад, на самом деле, правда. О шкатулке воспоминаний знала только я, тем более о том, что в ней хранится. И дневник с ручкой, и свечка, и лента выпускника, и браслет, а на последнем проходе по школе у меня действительно были заплетены две косички. Даже что изображено на обложке дневника сказал! Невероятно.

– Не родителей, – уверенно качнул головой Влад. – Я вообще не ощущаю на тебе мужского влияния. Ты никогда не знала и не видела своего отца, он ушел еще до твоего рождения. Тебя вырастила мама и родственники по ее линии.

– Он жив?

– Определенно да.

Вот как. Жив. Детские мечты окончательно рухнули в пропасть реальности, разбившись где-то там внизу о скалы надежды. Я никогда не спрашивала маму о своем отце, чувствовала, что эта тема под запретом, а она вот уже двадцать лет не спешила начинать разговор первой. Может, это было неправильно, но зато у меня в голове всегда жила фантазия, что отец – герой, погибший, защищая страну, или человек, проигравший сражение со смертельной болезнью. Не было ни одного варианта, что он оставил нас, меня, добровольно и просто продолжает где-то жить.

– Я не вижу среди мертвых никого из твоих близких родственников. Под близкими подразумеваю родителей и их братьев или сестер, – добавил Влад, когда молчание затянулось.

– Ты что еще и мертвых видишь? – поперхнулась я.

– Когда сосредотачиваюсь. Это одна из моих способностей, но по миру мертвых большой специалист Настя.

– Ты сказал, что практикующие – это общий термин, и у каждого свое направление. В чем тогда твое?

– Я – потомственный ведьмак.

– И что это значит?

– То, что я могу как помогать людям, так и причинять им вред, напрямую вмешиваясь в их энергетические поля, как раз и распространяющие колебания, о которых мы говорили ранее. Я так понимаю, теперь ты мне веришь?

– Ты ни разу не ошибся и сказал о том, что известно только мне. Как тут не поверить? – уныло спросила я.

– Почему ты расстроилась? Мне казалось, важно было показать, что я тебя не обманываю.

– Да, важно, но я... – Я сжала и разжала руки, стараясь не потерять мысль. Слишком много правды, к которой я не была готова. – Сложно все это переварить.

– Понимаю, – кивнул Влад. – Но у тебя был еще один вопрос, и, как ни странно, именно он самый главный.

Я догадывалась, который из них он имел в виду. Рука Яблонева все еще была передо мной, раскрытой ладонью вверх. Заметив мой взгляд, парень приглашающе дернул пальцами, и я несмело прислонила свою ладонь к его, так, что наши пальцы оказались на запястьях друг друга.

Вспышка. Колючая волна пронеслась по коже, а следом за ней ко мне пришло ощущение нереального уюта. Словно я оказалась перед разожженным камином с чашкой горячего шоколада и укутанная в самый мягкий плед на свете. Это длилось всего пару мгновений, но послевкусие оказалось не менее потрясающим, чем первое впечатление.

– Агата? – осторожно позвал Влад, в очередной раз выбивая меня из колеи этим, казалось бы, привычным-обычным обращением.

– Я в порядке, только не...

– Ты тоже почувствовала это, верно? – шепотом спросил он, и в свете фонарей я видела, как расширились его глаза.

– Да. Не знаю, что это значит, но да, – сглотнула я, пойманная в ловушку серебра его глаз.

– Это значит, что я не ошибся, – с облегчением отметил Влад.

– Не ошибся в чем?

– Мы остановились на самом главном вопросе, – напомнил парень.

– Я такая же, как ты? Практикующая?

– Нет. – Влад сжал губы, сдерживая смех. О чем бы он ни думал, это ужасно его развеселило.

– Как здорово, что я пришла сюда повеселить тебя, – язвительно отметила я, собираясь убрать руку, но Яблонев не позволил, заставив передумать одним касанием подушечек пальцев к запястью.

– Ты не представляешь, насколько права, – кивнул он. – Разумеется, я не про ту часть, где ты веселишь меня. Это приятный бонус.

– Бонус, – повторила я. – Приятный. Цирк ждал своего последнего клоуна?

– Требуется восемь секунд, чтобы переключить тебя из состояния покоя или шока в режим агрессии, – усмехнулся он. – Я впечатлен.

– Ты плохо считаешь. На самом деле, я разгоняюсь за две.

– А потом разворачиваешься и бежишь в другую сторону, чтобы не успеть причинить кому-нибудь вред. К слову, я был впечатлен выдержкой, а не скоростью твоих эмоциональных реакций. Восемь лучше двух, если мы говорим о времени, за которое принимается серьезное решение.

Черт. Я-то думала, ему понравилась именно быстрота, с какой я выхожу из стресса. Как бы, вот он вываливает на меня всю эту штуку с колебаниями, предчувствиями, видением мертвых и вещей, которых ни разу в жизни не встречал, а вот я уже пришла в себя и в состоянии дать отпор.

– Ты, наверное, заметила, что все в зале делятся на два типа, – снова заговорил Яблонев, поглаживая мое запястье. Совершенно бездумное действие с его стороны, но очень приятное для меня. До мурашек.

– Да. Есть Варвара, Саша, Анастасия, – не поворачивался у меня язык назвать дочь Безумного Шляпника простым «Настя», – и ты, а есть Леша, Катя, Миша и Ира.

– Очень хорошо, – кивнул Влад, – только ты сейчас назвала мне классификации. Я же говорю про типы. Подумай еще, с кем из тех, кого ты здесь увидела, ты похожа? Или тебе кажется, что похожа. Я не пытаю тебя загадками, всего лишь хочу, чтобы ты сама поняла это. Тогда будет легче принять.

Ну да, конечно, совсем не пытается меня загадками. Все так просто и легко, и мои извилины совсем-совсем не завязываются в узел. Фыркнув себе под нос, я чуть вздрогнула, когда его пальцы задели какое-то особенное местечко на запястье, и на голове зашевелились волосы.

– Я немного похожа с Сашей, – нехотя признала я. – У нас схожий стиль одежды, и, конечно же, я похожа с Ирккой чем-то, иначе мы бы не дружили.

– Отлично, – снова кивнул Яблонев. – Как ты уже поняла, есть практикующие, например, я. Варя, Настя, Катя и Леша тоже практикующие.

Постепенно я начинала понимать, или мне казалось, что я начинала понимать, к чему он ведет. Самойлова говорила, что Ирка закрыла собой своего парня на улице, толкнув второго. Саша при каждой нашей встрече держится рядом с Варварой, и то, как она ведет себя, больше похоже на поведение телохранителя, чем подруги.

– А есть Саша, Ира, Миша и... я? И кто мы?

– Фамильяры, – обозначил Влад термин, суть которого я совершенно не понимала. Что там суть, даже слова-то такого раньше не слышала. – Это помощники практикующих, отличающиеся...

– Умом и сообразительностью? – фыркнула я. – Прости, ты не мог бы перестать это делать? – Я указала на свою руку, все еще находящуюся в плену его прикосновений.

– Разве это тебя не успокаивает? – приподнял бровь Влад, давая понять, что вопросительная интонация прозвучала из вежливости. Конечно, он знал, что успокаивает.

– По большей части отвлекает и не дает сосредоточиться, – отрезала я.

– Как лестно, – оценил Яблонев, снова склонив голову на бок и убирая руку.

Уверена, я покраснела. Совершенно по-дурачки, пятнами. Сам факт этого странного влияния на меня раздражал. Я не привыкла тушеваться в присутствии... кого угодно. С малых лет охочая до одиночества, я давно научилась ставить стены между собой и окружающим миром, потому что слишком рано он пытался меня раздавить. Не в прямом смысле, конечно.

В детском садике на меня повально жаловались все нянечки и воспитатели из-за «излишней активности и импульсивности». Школа оказалась все равно что джунгли, где выживает сильнейший. Есть личное мнение и не боишься его высказывать? Проявляешь неуважение к старшим и задираешь одноклассников. Умеешь что-то делать лучше других? Выскочка. Сплошные ярлыки, которые так мастерски умеет навешивать любое общество.

– Так ты думаешь, что я фамильяр. И что это значит?

Влад поднялся с корточек и пересел на диван. Не в другой его угол, как прежде, а почти вплотную ко мне. От него приятно пахло. Ненавязчивый аромат без какой-либо приторности или, напротив, резких запахов цитруса, океана, или чем там обычно брызгают на себя парни. Что-то похожее на древесину, но я не была уверена.

– Поправка: я знаю, что ты фамильяр. Все в тебе говорит об этом, не говоря уже о том, как полыхает твоя аура. Аура – это как раз те самые колебания в пространстве, энергия, окружающая человека, – мимоходом пояснил Яблонев. – Как я уже говорил, фамильяр – помощник практикующего. Например, твоя подруга Ира – фамильяр Леша, а Саша – фамильяр Варвары. Для практикующего найти своего фамильяра все равно что выиграть джек-пот. Не многим это удается.

– Фамильяр защищает практикующего?

– Не физически. Ментально. У всех фамильяров ярко выражены животные инстинкты. Какие именно, зависит от сущности фамильяра. Судя по твоей, твое обоняние и скорость должны просто зашкаливать. С самого начала, да? – притормозил Влад, заметив выражение моего лица.

– Я пытаюсь понять, правда, но... что такое сущность?

– Душа каждого человека проявляется в трех ипостасях. Сущность животного, место, где это животное обитает и, конечно же, аура, выдающая всю духовную информацию тому, кто умеет ее видеть.

Потрясающе. Еще больше непонятного сумасшествия на мою голову.

– И какая сущность у меня?

– Черный немецкий дог, – улыбнулся Влад, снова смотря куда-то в меня, ниже подбородка. – И живет он в бескрайнем поле. Сущность человека характеризует его лучше всего бы то ни было. У тебя очень благородная сущность, если можно так сказать. Думаю, ты отличный друг, не способный на предательство, как и всякая собака.

Слышать такое было более чем приятно. Да и сущность моя меня радовала. Подумать только, красавчик немецкий дог! Приду домой, обязательно почитаю про эту породу.

– Ты любишь собак, да? – поняла я, внезапно понимая, к чему относилась фраза Варвары в парке.

– Да. У меня у самого есть собака. Немецкая овчарка по кличке Кельт. – Улыбка все еще не сходила с лица Яблонева, и в какой-то момент я осознала, что улыбаюсь ему в ответ.

У него есть собака. Овчарка. Предел моих детских мечтаний до того, как я окончательно смирилась с маминной аллергией на шерсть. После печального опыта с морской свинкой, прожившей у нас год и едва не отправившей маму на тот свет, мы больше не рисковали заводить кого-то пушистого, хотя мне всегда хотелось иметь четвероногого друга.

– Здорово. Меня собаки тоже любят. Ни одна ни разу не укусила, напротив, подходят знакомиться, иногда провожают до дома, а пару раз, в детстве, даже защищали, – разоткровенничалась я.

– Чуют в тебе своего, – согласился Влад. – Стоит тебе остановиться где-нибудь на улице, тут же в поле зрения появляется одна или две?

– А то и целая стая. Зато кошки меня на дух не переносят. Сразу же шипят и готовятся напасть, – сморщилась я. – Хотя я против них ничего не имею. Дай-ка я угадаю... Сущность Саши – кошка?

– Черная кошка – это сущность Варвары, – поправил меня Влад. – Саша – пантера. У них кошачий тандем, очень сильная связь практикующего и фамилльяра.

Кошка и пантера. Отлично. Я начинаю понимать суть шуточек, касающихся животного мира...

– Миша – медведь? А Ирка лошадь?

– Ты что, можешь их видеть?

– Нет, просто... Я слышала несколько шуток...

– Понятно. Кто-нибудь выдал тебе, кто я? – поинтересовался Влад.

– Сказали, что ты «Князь», но я сомневаюсь, что это поможет мне понять, какая у тебя сущность, – чуть помявшись, выдала я.

Подумать только, я реально во все это верю. С другой стороны, уже поздно разыгрывать неверие, после стольких-то совпадений и того, что продемонстрировал Влад. Вот как он понял, чем я обычно занимаюсь, что люблю, а что нет! Просто посмотрел на мою сущность! Да, совсем просто. Каждый второй так умеет, не иначе.

Яблонев застонал, вытягивая свои длинные ноги и почти упираясь ими в стену напротив.

– Князь, значит.

– Почему они так тебя называют?

– Очень долгое время у меня на звонке стоял «Князь тишины» «Наутилуса Помпилиуса».

Вот они и привязались.

– Мой князь, князь тишины, – напела я, не удержавшись от смешка в конце. Как все просто, оказывается. А я-то уже надумала себе, что у него мания величия, или еще что в таком роде.

– Нравится рок? – удивился Влад.

– Если ты истинный любитель русского рока, мой плейлист подарил бы тебе непередаваемое наслаждение, – не поскромничала я.

– «Ария», «Агата Кристи», «Кино», «Алиса»...

– Есть, есть, есть и есть, – важно покивала я.

– Я точно не ошибся, – покачал головой Влад.

– В чем?

– Ты – мой фамилльяр, – припечатал Яблонев. – После стольких попыток я наконец-то нашел тебя. Удивительно.

Что?

– Тебя еще что-то может удивлять? – вместо всего возможного выдала я. – В смысле... Ты видишь ауры, считываешь энергетику каждого и наверняка умеешь еще массу чего... Объясни.

Что такое связь практикующего и фамильяра? Как я могу быть именно твоим фамильяром? Откуда у тебя такая уверенность? О, и да, какая у тебя сущность?

– Боги, сколько у тебя еще вопросов? – хмыкнул Яблонев. – Думаю, на сегодня с тебя хватит. Катя не простит мне, если я сейчас же не приведу тебя к столу, и ты не сможешь оценить ее кулинарный талант.

– Ужин же только через...

– Мы сидим тут уже час, – перебил Влад. – Давай дадим всем исстрадавшимся возможность выйти и покурить, а заодно покажем, что с тобой все в порядке.

– Влад, я выслушала тебя и вместо того, чтобы, забившись в угол, набирать номер психиатрической больницы, поверила. Со мной точно не все в порядке.

– Как самокритично. – Он поднялся с дивана. – С тобой настолько же все в порядке, насколько и со мной.

– Как самонадеянно, – передразнила я. – Так кто ты по... – Я очертила рукой круг, уверенная, что Яблонев и без слов поймет.

– Кто я по сущности? Скажу, и больше никаких вопросов сегодня?

– Возможно.

– А ты цепкая, мне это нравится. Но, видишь ли... со мной это не работает. Так что?

Почему он так тянет с этим? Устал разговаривать, или придумал еще что-то? Любопытство вроде бы кошку сгубило, и я туда же!

– Хорошо. Никаких вопросов. Сегодня, – поспешно добавила я.

– Уточнение подразумевает, что ты согласна встретиться со мной еще раз.

– Может быть.

– Да, конечно, – хмыкнул он, берясь за ручку двери. – Может быть. Моя сущность – черный ворон, летающий в темном непролазном лесу, Агата.

Ворон? Он всего лишь... птичка?

Я припомнила, как вышла из дома и оказалась парализована присутствием стаи ворон на деревьях во дворе. Забираем обратно «птичку». Вороны могли быть чертовски пугающими.

– Знаешь, буквально на следующий день после встречи в парке я видела так много...

– увидев выражение его лица, я вскочила с дивана. Если собаки тянутся ко мне из-за моей сущности, а у Саши то же взаимопонимание с кошками, то... – Это был ты! Ты послал стаю ворон! Не знаю, как ты это сделал, но это был ты!

– Должен же я был узнать, как далеко ты от меня живешь, – пожал плечами нахал и поманил меня пальцем, открывая дверь. – Идем. Время есть. Пока ты не съела нас всех.

Разумеется, именно в этот момент, по закону подлости, мой живот издал боевой клич, едва ноздрей коснулся аромат запеченного мяса.

– Видишь? – только и сказал Яблонев, умудрившись не рассмеяться. – Я был прав.

Думаю, для Влада день прожит зря, если хотя бы раз за него он не произнесет эту фразу. И я вряд ли ошибаюсь. Довольство на его лице только подтверждало это.

Глава 6

Утро следующего дня после вечера знакомства с миром практикующих и фамильяров началось для меня в полдень. Проснувшись по будильнику к первой паре, я, абсолютно игнорируя совесть и иные аргументы в пользу посещения универа, выключила звук, заявила маме о поглотившей меня лени и, перевернувшись на другой бок, возобновила сон. Моя маман много чем отличалась от других родителей моих сверстников, но особо я ценила то, что она признавала и помнила себя саму в моем возрасте, о каком бы годе взросления не шла речь.

Мне никогда не доставалось за плохие оценки, выброшенные из-за неудавшегося «кулинарного шедевра» продукты, порчу вещей... ну... кроме одного случая, когда лет в одина-

дцать я прожгла утюгом ее летнее шифоновое платье. Хотела помочь с глажкой, а получилось как всегда.

«Я бы тоже не пошла, съешь на обед солянку, хлеб я вчера купила», – вот и вся мамина реакция на мой открытый, ничем не обоснованный прогул. Люблю ее.

По пути на кухню я обнаружила три пропущенных от Ирки и эсэмэску от Ярославы Самойловой, спрашивающей, буду ли я сегодня на парах. Быстро ответив ей о небольшом кризисе в своих отношениях с универом и поставив в конце смайл в виде разбитого сердца, я открыла окно сообщения для Ругаловой.

«Только проснулась. Сможешь заскочить ко мне после пар?»

Ответ пришел незамедлительно: «Свалю на 5 минутке. Есть что-нибудь к чаю?».

Хороший вопрос. Открыв шкафчик, где, обычно, мы хранили вкусняшки, я обнаружила пачку печенья, коробку пастилы и маленькие зефирки, которые для меня были все равно что семечки или чипсы.

«К чаю есть. Шоколада нет».

«Значит будет».

Я хмыкнула на армию смайлов-шоколадок, заполонившую остальное место эсэмэски. Ругалова была зависима от молочного шоколада так же, как я от мяса. Поставив солянку в микроволновку, я собрала диван, переделалась в домашние брюки и майку и, подхватив ноутбук, вернулась на кухню.

Быстрый обед прошел за просмотром новостей в социальных сетях. Остановливаясь на веселых шутках и забавных картинках, я понимала, что это подсознательный побег от обдумывания всей мистики, свалившейся мне вчера на голову. Понимала и все равно продолжала бежать, потому что в одиночку такую штуку не осилить. Ирка должна была прояснить мне то, что не удалось вытянуть из Влада. Я верила во все сказанное им, даже почувствовала на себе его правоту, но все же... смириться было трудно.

Двадцать лет я жила, обвиняя во всех своих промахах вспыльчивый характер, а оказалось, что все дело в моей ярко выраженной сущности, делающей меня фамилльяром. Сказав, кто это такие и чем занимаются, Влад только копнул на поверхности. А моя интуиция твердила, что, углубляясь в эту тему, можно три лопаты сломать.

После беседы на балконе нам больше не удалось поговорить тет-а-тет. Сев за стол и оказавшись в этой компании, я прочно увязла в разговоре со всеми одновременно и с каждым по отдельности. Удивительно, но, начав понимать, кто они такие и чем занимаются, я смогла найти общий язык даже с Сашей и Варварой. По какой-то причине они все старались, чтобы я чувствовала себя комфортно, и, думаю, у этой причины были серые глаза и сущность ворона.

Самой странной и чуждой мне осталась Анастасия. Девушка была еще молчаливей «кошачьего тандема», но, как я чувствовала, гораздо, гораздо опаснее. Впрочем, от Влада я ощущала практически то же самое, только он, каким-то непостижимым образом, уже считался роднее и ближе. Может, все дело в часе разговора, или в том поражающем своим уютом и правильностью касании, но его я просто *отказывалась* бояться.

К концу вечера, когда Леша довез меня прямо до подъезда моего дома, я чувствовала себя сытой, перегруженной информацией, усталой и выжатой, но в то же время весьма довольной. Меня радовало, что между нами с Иркой больше не было секретов, и за пару часов все вернулось на круги своя.

Всю дорогу обратно они с Лешей шутили, гадая, какая у меня была бы кличка, будь я настоящим догом. Быстро сориентировавшись в их потоке шуточек для своих, я ответила, что думать над этим не дельфиновых плавников и лошадиных копыт дело. Эта парочка тут же сымитировала смех дельфина и ржание лошади, и минуты три машину Берёзина сотрясал наш хохот.

Влад мимоходом назвал мне сущности всех присутствующих. Так я узнала, что Катя – сова, Леша – дельфин, а девушка-эпатаж Анастасия – полярная лиса. Это облегчило мне понимание многого из того, что говорилось за ужином и после за просмотром фильма, который в этот раз выбирали девочки. От Ирки я узнала, что такие встречи у них проходили часто, только вот принимающая сторона менялась по очереди. Прошлые шашлыки, оказывается, были на территории Влада. Кроме овчарки Кельта у него еще и дом собственный имелся! Паршивец.

Протяжное завывание домофона выдернуло меня из тупиковых размышлений, закольцованных вокруг одной и той же темы. Не прошло и минуты, как на пороге квартиры появилась бодрая и покрасневшая с мороза Ругалова, с ходу протягивающая мне две плитки шоколада. Похоже, она так и не смогла выбрать какую-то одну, так что решила купить обе.

– Привет, соня! Ставь чайник!

– Есть, командир, – хмыкнула я, оставляя Ирку разбираться с вешалкой и поиском тапок самостоятельно. Все-таки не первый раз в гостях, сама все найдет.

Не успела я рассыпать чай по кружкам, как подруга уже заняла мое царское место, с любопытством заглядывая в ноутбук.

– Ого, уже изучила свою породу? – ухмыльнулась она, явно заметив вкладку под названием «Немецкий дог: особенности породы, характер, болезни». – Тут и про линьку есть!

– Отстань. – Я отняла ноутбук, захлопнула крышку и убрала любимую технику на подоконник.

– Теперь ты меня понимаешь? – выпрямилась Ругалова на стуле, взявшись за края обертки шоколадки. – Как бы я сама рассказала тебе такое? Ты подумала бы, что я спятила.

– Я и про Влада так сначала подумала, – честно ответила я, и свист чайника подарил мне неплохую причину посуетиться, а не сидеть на одном месте.

– Да? Это у вас еще все хорошо прошло, – фыркнула Ирка. – Видела бы ты, как Леша отнимал у меня телефон, чтобы я не позвонила в полицию или скорую с сообщением о тяжелом случае белой горячки. То, что от него вообще не пахло алкоголем, меня не останавливало. Впрочем, он достучался достаточно быстро, так что я просто передумала.

– Фишка с рассказом какого-то личного секрета? – понимающе спросила я, снова прокручивая в голове монолог Яблонева о моей тайной шкапулке воспоминаний.

– Можно и так сказать, – пожалала она плечами. – Лешка назвал мне все, чем я болела за последние два года, и еще кое-что по мелочи, вроде моего знака зодиака, любимого цвета и имен парней, с которыми я до этого встречалась. И причины расставания с ними тоже, – кисло посмотрела на меня Ирка.

– Да уж, кое-что по мелочи, – поежилась я, радуясь, что Владу не пришло в голову смотреть мои потери на личном фронте. Их было не так уж много, но все же ворошить прошлое совсем не хотелось.

– А тебя чем огорошили? – поинтересовалась Ирка, остужая чай ложкой.

– Он сказал то, что могла знать только я. Не упустил ни одной детали.

– Что Яблонев успел тебе рассказать, и что ты хочешь узнать? – решила взять быка за рога Ругалова. – Я не смогу ответить за него, или от его лица, но что знаю – расскажу. Леша разрешил.

Меня покорила последняя фраза. «Леша разрешил». А что, нам теперь требуется разрешение ее парня на разговор между собой? У меня не было претензий к Берёзину до этой минуты, но...

– Ты чего закипела-то? – не поняла Ирка. – Возьми, закуси шоколадкой.

– Что значит: «Леша разрешил»? – процедила я, прежде чем отломить шоколадный квадратик от плитки.

– То и значит. Понимаешь, это как два режима в одном человеке. – Ругалова сцепила руки на столе, хмурясь. – Первый – это привычный, родной, тот, в котором ты с рождения, а

второй – это режим фамильяра. Соприкасаясь с их... миром, законами и правилами, находясь рядом, рефлекторно включается второй.

– Что еще за правила? – насторожилась я.

– Я к ним и веду, – покивала Ирка, подтверждая, что из сказанного я услышала самое главное. – Конкретно у фамильяра по отношению к практикующему действует три правила: доверять, защищать и помогать.

– Звучит не так сложно, – пожалала я плечами, не понимая, из-за чего подруга нагнала столько жути в голос. – Мы с тобой действуем так же, доверяем друг другу, защищаем и помогаем. По-моему, это типичная дружба.

Ругалова фыркнула, качая головой. Очевидно, я чего-то не догоняла. Скорее всего, поезд, где все о мире практикующих разложено по полкам. Прямо чувствую, как он удаляется от моей станции обыденности на всех парах, насмешливо гудя.

– Угу. А теперь возведи все эти три пункта в миллионную степень. Доверять – это не просто и с обычными людьми, а тут... Если Леша звонит мне и говорит: «Не ходи завтра через такой-то переулочек», я обязана обойти его, даже если он входит в мой обычный маршрут до дома и через него короче. Тотальное доверие, понимаешь? Однажды он позвонил мне и велел не надевать белую водолазку. Я решила, что знаю лучше, и надела. Помнишь, что с ней случилось?

Я смутно припомнила, как перед экзаменом к нашей парте подошла Запатова, интересуясь, за сколько Ирка купила «такую снежную кофточку». В руке блондинки был пластиковый стаканчик с горячим кофе, и когда позади нее пронесся Вовка Смирнов, она то ли нечаянно, то ли случайно выронила его аккурат на Ругалову. На водолазке был поставлен кофейный крест.

– Повезло, что тебя тогда не ошпарило, – медленно проговорила я, припоминая, как быстро догадалась пихнуть ей влажные салфетки, чтобы ткань не прикасалась к коже.

– Не совсем повезло, я все же немного обожглась, хотя ты среагировала почти мгновенно. Теперь понятно почему, – подруга чуть улыбнулась. – Зато уж точно повезло, что Леша целеитель. Он, конечно, поворчал немного на тему «я же говорил», но залечил все в рекордные сроки.

– Получается, если Влад позвонит мне среди ночи и скажет... не знаю... срочно одеваться и выходить из дома, я обязана буду собраться, пока горит спичка, и выйти на мороз?

– А ты что, разве уже согласилась быть его фамильяром? – Ругалова забила себе рот шоколадом, точно сдерживая на языке еще что-то.

– Нет. Просто... гипотетически, – неоднозначно махнула я рукой, делая вид, что очень интересуюсь всплывшими на поверхность чайниками.

– Ну если просто гипотетически, то после такого предупреждения следует немедленно эвакуироваться из квартиры. Кто знает, что могло побудить на такое предупреждение. Может, потолок рухнет на твой диван через десять минут, а может еще какая гадость. Тут все на максимум. А пункт с «защищать» вообще жуть, – продолжила Ирка, пока мое воображение рисовало мне меня саму в ночнушке, пуховике и шапке, с сапогами на голую ногу, поспешно собирающую все самое ценное, где первое место принадлежит, конечно же, ноутбуку.

– А что с ним? – проморгалась я, отгоняя слишком реалистичное наваждение.

– Фамильяр защищает практикующего на всех уровнях, и это включается автоматически...

– Я слышала, ты кого-то толкнула на Первомайской...

– Он этого заслуживал, – отрезала Ругалова, сузив глаза. – Я бы его и пнула, но Леша меня одернул, пока Варвара не успела спустить с цепи Сашу. Вот тогда бы это точно было уголовное дело. Миркова чокнутая, когда дело доходит до Варвары.

Емко. А так сразу и не скажешь по Саше. Хотя... Разве я не чувствовала от нее этой странной готовности броситься и вцепиться? Как кошка. Неподвижна до самого прыжка на добычу, даже хвост не всегда выдает.

– Кто был этот заслуживший?

– Практикующий, когда-то принадлежавший их кругу общения, но... В общем, они его изгнали, – помялась Ирка. – Это... не мое дело, и не Лешкино, но касается Яблонева, так что пусть он тебе рассказывает, если захочет. Ну или Захарова, – чуть подумав, прикинула она.

– Это и ее касается? – живо заинтересовалась я.

– Ну... нет, но ей пофиг, если кто-то из темных будет не доволен. Она вроде как из другой лиги.

– Я заметила. Так что там с «защищать»?

– Ментально, эмоционально, информативно... Мы как барьеры между ними и всем остальным. Помогаем справиться с эмоциями, делимся своей энергией, храним их секреты. Поэтому я и сказала «Леша разрешил». Чтобы ответить на твои вопросы, мне сначала нужно было спросить разрешение у него. Это их всех касается, а секрет, выданный пока что постороннему, может неизвестно как аукнуться.

Все равно звучало гадко. «Спросить разрешение»! Да я даже не помню, когда у мамы спрашивала на что-нибудь разрешение, а она для меня самая главная инстанция в жизни.

– А физически?

– От девушек этого вроде как не требуется, выносим Сашу за скобочки, она много лет тренируется в каком-то единоборстве, да и сам вид ее... – Ругалова передернулась. Похоже, Миркова была ей чем-то особо неприятна. Странно, у меня, при более тесном знакомстве, фамилляр Варвары даже отчасти вызвала симпатию, пусть наши с ней сущности и были чем-то вроде вечно противоборствующих сторон. – А вот Мишка да, он прямо богатырь, рядом с Катькой на улице все равно что телохранитель.

– Я тоже подумала, что он смахивает на богатыря, – хмыкнула я.

– Иногда мы дразним его, называя Миша Попович, вместо Потапов, – захихикала Ирка, догоняясь еще парой квадратиков шоколада. – А Катька потом всегда говорит нам все, что об этом думает, жалея своего «медвежонка».

Я заметила, что о паре Катя-Миша Ирка разговаривает куда охотнее, да и вообще уже расслабилась, хотя поначалу часто барабанила пальцами по столешнице, выдавая свое волнение.

– Катя такая же, как Леша, да?

– Да, мы с ними – квартет светлых, – довольно покивала Ирка. – А Влад и Варвара – темные.

– Значит и Саша?

– Да, – уверенно кивнула подруга, посерьезнев.

– Значит и я? – прямо спросила я.

– Ты еще не согласилась быть его фамиллярком, – скривилась Ирка как человек, перед которым замаячила ложка с горьким лекарством.

– И ты не хочешь, чтобы я соглашалась.

Это не было вопросом. Я знала, что Ругалова против. По какой-то причине ей не нравился Влад. Не просто не нравился, она его побаивалась. Я заметила это по взглядам, которые она украдкой бросала на него за столом. Подозрительным и настороженным, как будто ждала, что он вот-вот достанет из-под стула автомат и перестреляет нас всех.

– Не хочу, – не стала отрицать Ирка. – Он опасный, занимается плохими вещами, вредит людям, да и вообще...

– Что, просто так вредит? Без причины? – вскинулась я.

– К нему приходят люди, просят сделать какую-то гадость, и он ее делает. – Ирка так сильно сжала челюсти, что я не сомневалась: окажись сейчас между ее зубами металлическая ложка – она бы ее раскусила.

– А люди тоже просто так приходят? – отчего-то разозлилась я на Ругалову за такое осуждение. – Наверное, идут мимо его дома и думают: «Хм, вот дом ведьмака, пойду, попрошу его гадость сделать!».

Ирка посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, внезапно действительно чем-то напомнив испуганную лошадь.

– Ты уже согласилась, – прошептала она, побелев.

– Ничего подобного.

– Ты могла не сказать ему «да», но ты уже все для себя решила. Увидев и поговорив с ним всего один долбаный раз, – качая головой, продолжила Ирка. – «Защищать», помнишь? Ты только что это сделала. Встала на его сторону.

– Глупость какая, я просто не понимаю, почему ты его осуждаешь?

– Ты что, плохо меня слушала? Он вредит людям. Не подножки ставит и не ладонь с мелом к спине прикладывает, а по-настоящему наносит урон. Он их *проклинает и заставляет страдать*.

– Это тебе Леша сказал? – насупилась я, скрестив руки на груди. Мне не верилось, что Влад, вчера так очаровательно улыбавшийся и нежно прикасавшийся к моей руке, выходил на улицу и косил народ... порчами.

– Нет, я сама это узнала. Этим он зарабатывает деньги. Если Леша и Катя каждый день лечат пришедших к ним с бедой, снимая всякие гадости и сглазы, то к Яблоневу с Праховой и им подобным люди идут, чтобы сделать плохо кому-то неуголному для них.

Я прищурилась, разглядывая Ругалову. Вспомнила взгляд Влада и его вежливое и в чем-то даже трогательное отношение ко мне. Вот же кривая логика у Ирки!

Не говоря ни слова, я выдернула из кружки с почти остывшим чаем ложечку и вдарила ей по костяшке указательного пальца, потянувшегоса за очередным кусочком шоколада. Подруга взвизгнула скорее от неожиданности, чем от боли и ошарашенно уставилась на меня, отдернув руки и отъехав на стуле. С реакцией у нее тоже был полный порядок, хотя мне казалось, что я проворнее.

– Ты рехнулась? – провопила Ирка, все еще бегая взглядом с ложки, так и оставшейся в моей руке, к моему лицу и обратно.

– Я? Я-то причем?

– Ты меня ложкой ударила!

– Нет, – продолжала я строить из себя дурочку. – Это ложка сама тебя ударила. Удивительно, что ты ее не осуждаешь!

– Отлично, я поняла, – кисло оценила Ругалова мой импровизированный пример. – Ты считаешь, что раз люди к нему ходят сами, то он всего лишь «ложка», которой они ударяют по руке.

– Абсолютно верно, – как болванчик закивала я, сама себе удивляясь. Почему-то никак не могу покончить с этим дурачеством. С другой стороны, это лучше, чем кричать и топтать ногами, пытаясь что-то доказать. Не хотелось ссориться с Ругаловой, когда мы только вчера фактически помирились.

– Только ты кое-что упустила. Маленькую такую деталь. У ложки нет мозгов. В отличие от Влада.

Я тяжело вздохнула. Ирка была настроена решительно, а мне все еще нужны были ответы, и дальнейший спор вряд ли поможет их получить.

– Ир. Я не хочу с тобой ругаться. Давай не будем говорить о Яблоневе и о моей согласии, или отказе. Просто расскажи мне, что это такое, в чем сложности, в чем радости и... каково это вообще, – сделала я над собой усилие, удерживаясь от спора, закончившегоса бы скандалом и хлопаньем двери со стороны Ругаловой. По мне, так очень взрослый поступок. Жаль, у меня их скромная коллекция.

Ирка тяжело вздохнула, завозившись на стуле. Чувствуя, что ей нужно собраться с мыслями, я снова набрала воды в чайник и поставила его на плиту.

– По большей части, это здорово, – начала она. – Никто так не понимает, как они. Наверное, из-за того, что они реально чувствуют, что с тобой происходит, знают, что говорить, как успокоить и чем порадовать. И эта штука с «защищать» работает и с их стороны. Связь фамилльяра и практикующего – это очень серьезная вещь, основанная на полном и безграничном доверии. У меня с этим до сих пор проблемы, но Леша говорит, что это из-за отсутствия опыта. А вот у Варвары и Саша действительно так. Я видела, как Варвара даже не шевельнулась, когда один раз кружка с кипятком покатила по столу прямо в ее сторону. Миркова перехватила ее намного раньше, чем кипяток успел бы пролиться Варваре на ноги. Любой бы вскочил, кинулся за кружкой сам, а эта и глазом не моргнула. Ну, вообще Миркова что-то вроде идеального фамилльяра, – скривилась подруга. – Они так все о ней думают. Даже Яблонева, которому в принципе угодить нереально.

Нереально угодить? Неужели? Подождите-подождите, что-то в этом есть...

– Он тебя отшил? – высказала я.

– Я... С чего ты взяла?

– С того, что знаю тебя, как облупленную, – захихикала я. – Ты сначала не встречалась с Лешей, верно?

– Сначала мы просто дружили, но... Не смешно, Агат!

– Так Влад дал тебе от ворот поворот, – не могла я остановиться, начиная понимать, чем еще вызвано отношение Ирки к моему предполагаемому практикующему.

– Он его всем дает. Это что-то вроде обязательного косяка, который совершают все новенькие, попав в их компанию. Говорят, он даже Прахову культурно осадил.

– Почему?

Не то что бы меня не порадовал этот факт, но я все же трезво смотрела на вещи. Варвара была такой же, как и он, наверняка хорошо понимала его, а уж ее внешность могла стать пропуском на обложку глянцевого журнала. Так что вопрос «Что с Яблоневым не так?» загорелся неоновой вывеской у меня в голове.

– Не знаю. Леша знает точно, но не говорит. Сказал, что это его дело, а потом мы с ним стали еще ближе, я многое узнала и... Ну, сейчас мне стыдно, что я вообще могла думать о Яблоневе, – слегка покраснела Ирка.

– А... фамилляр и практикующий всегда пара во всех смыслах? – чуть посомневавшись, задала я один из наиболее интересующих меня вопросов, раз уж мы коснулись такой темы.

– Втрескалась в него, да?

– Нет, – закатила я глаза. – Просто нужно быть совсем слепым и тупым, чтобы не провести параллель. Ты и Леша, Катя и Миша... – Сообразив, что следующим идет кошачий тандем, я примолкла.

– Вот правильно замолчала. ПрахМир не парочка, – хихикнула Ирка. – И их жутко бесит, когда так думают.

– А если их что-то жутко бесит...

– То долго оно перед глазами не маячит, – подтвердила Ругалова. – Seriously, осторожней с ними. У них раз на раз не приходится. Хотя, если ты окажешься с Яблоневым, они примут тебя в свою темную семейку, как и его. Это что-то вроде негласного закона.

– Что насчет светленькой семейки?

– Ну, светленькая семейка хорошо относится ко всем, – улыбнулась Ирка. – А я так вообще тебя люблю.

Я показала ей язык, и она кинула в меня скомканной фольгой из-под шоколадки. Вот и вся любовь.

– Захарова в светленькой, или в темненькой?

– Она сама по себе. Другая лига, говорю же.

Это, конечно, все объясняет.

– Расскажи еще про эту связь. Кроме проблем с доверием, какие еще сложности?

– Ну, как ты могла заметить – время. Мы почти все время вместе. Прогулки, сеансы, обучение... Времени на кого-то постороннего не остается. Мама и близкий круг, конечно, не в счет, но... Меня вообще занесло, я даже с тобой не общалась, – повесила Ирка голову.

– Я уже не обижаюсь, – поспешно сказала я. – Доверие, время, что еще...

– Спорить. Очень хочется спорить, потому что смириться с тем, что в девяносто процентов они правы – вообще нереально. Представляю, что ты устроишь Яблоневу, – приснула Ругалова, и я заулыбалась в ответ, зная свою способность к... «агрессивной дискуссии».

– Так все-таки есть эти волшебные десять процентов, когда они ошибаются?

– Ну...

– Ты когда-нибудь перестанешь «нукать»? – не выдержала я.

– Ну... – Переглянувшись, мы расхохотались. Очевидно, это было выше Иркиных сил.

– Да, иногда они ошибаются, но от этого вряд ли кому-то становится лучше, – пожалала плечами Ругалова, когда мы отсмеялись.

– Леша дружит с Владом, да? – уточнила я, заметив, как вчера общались парни.

– Да, они в одну школу ходили, только Леша младше на год. Ему двадцать два.

Значит Яблоневу двадцать три. То есть он старше меня на три года. Не так уж и много.

– А Варваре с Сашей по сколько?

– Кошкам двадцать один. Захаровой двадцать пять. А Катька с Мишей самые старшие, им по двадцать семь.

Ого. Не за что бы не дала целительнице столько. Выглядела она едва ли не младше меня. Маленькая собака до старости щенков, хах.

– Ладно, мне пора сваливать, у нас с Лешей тренировка, – засобиралась Ирка домой, глянув на экран телефона.

– Что еще за тренировка?

– Тебе они тоже в случае согласия предстоят, – сочувственно посмотрела Ругалова. – Прежде чем учиться пользоваться фамильярскими примочками, нужно подготовиться физически. Так что... Леша гоняет меня по стадиону, чтоб мои копыта были выносливей.

Я продержалась всего пару секунд, прежде чем с хохотом залегла на стол. Ирка, которая ненавидит физкультуру, почти добровольно бегаем по стадиону? Держите меня семеро!

– Очень смешно.

– Очень! – всхлипнула я.

– Ладно, я побежала, мне еще домой нужно заскочить, переодеться во что-то более удобное.

Это рассмешило меня еще больше.

– Давай-давай, галопом!

– Агата!

Проводив Ирку, я убрала на кухне все следы нашей шоколадной лихорадки и вернулась на диван, устраиваясь с комфортом. Снова открыв ноутбук, я погрузилась в изучение породы немецкого дога, не успев дочитать эту статью вчера.

По всему выходило, что немецкий дог – это идеальная караульная, конвойная и служебная собака, отличающаяся уверенностью в себе и бесстрашием. Чем дальше я читала, тем больше находила сходств между характером породы и своим. А уж словосочетание «царь собак» и вовсе польстило. Надо же, сию, читаю о собаке, и радуюсь каждому сходству с ней. Докатилась.

Потянувшись за телефоном, я застыла в нерешительности. Нужно увидеться с Владом еще раз, это понятно. Как и то, что теперь назначить встречу должна я. Только... что ему

сказать? Позвонить или написать? Может напечатать сразу все вопросы, отправить на почту и пусть пишет мне объяснительную, почему считает, что я его фамилляр? Хороший план, только я не знаю его электронки.

Посомневавшись еще минут пять, я, в конце концов, остановилась на эсмэске: «Привет. Есть время?». На третьей минуте моего нервного ожидания мобильник завибрировал, заиграл «Секрет» «Агаты Кристи» и экран телефона высветил: Влад Яблонев.

Нормальные люди отвечают на сообщение сообщением, а не звонят! Ну да, нормальные!

– Аллю, – сдавленно проговорила я, спрыгнув с дивана.

– Привет, Агата. Отвечая на твой вопрос: для тебя у меня всегда найдется время.

По телефону его голос звучал так же низко и красиво, как и в реальности. И эффект звучания моего имени тоже никуда не исчез. Вот черт.

– Что ж, это хорошо, – выпнула я из себя обомлевшую девицу из книжных романов. – Потому что я готова к новой порции информации.

Он засмеялся, и я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ, глядя в зеркальную дверцу шкафа в прихожей.

– Когда ты хочешь встретиться? – поинтересовался Влад, и я услышала на заднем фоне утробный лай.

– Сегодня. Это Кельт?

– Это Кельт, – подтвердил Яблонев. – Кельт, скажи Агате: «привет».

Я хихикнула, когда в ответ раздалось уверенное мощное «гав». Правда, оно больше напоминало требование законной вкуснятины, чем приветствие. Наверняка Влад чем-то дразнил пса. Бессовестный.

– Кельт хочет с тобой познакомиться, – тем временем продолжил Влад. – Правда сам еще об этом не знает. – Я всерьез задумалась о том, чтобы съесть что-нибудь кислое или горькое и убрать это глупое выражение довольства с лица. – Возвращаясь к теме разговора, так беспардонно прерванной этим мохнатым медведем, притворяющимся собакой: я понял, что сегодня. Во сколько конкретно?

– Как насчет часов в шесть? – выпалила я первое пришедшее в голову время.

– Хорошо. Помнишь скамейку в парке, на которой я сидел, когда ты подбежала к нам? Еще спрашивает. Конечно же, помню.

– Да.

– Буду ждать тебя там в шесть часов. – Мне послышалась улыбка в его голосе.

– Ладно.

– До встречи, Агата, – попрощался он, первым вешая трубку.

Нет, это просто невозможно! Нужно запретить ему называть меня по имени! Пожалуй, стоит придумать себе кличку, не зря Леша с Ирой вчера шутили. Анти норма, например. Анти, просто Анти, без нормы. Это больше похоже на правду.

Глава 7

В половине шестого я вышла из дома, и, покинув двор, решила идти к парку по короткому пути, через улицу Фридриха Энгельса, а не делать крюк по проспекту и Первомайской. Мама была предупреждена о прогулке, правда, думала, что променад у меня с Ругаловой. О Владе, по понятным причинам, я не рассказывала. Сама пока ничего не понимаю, так еще и мама будет сыпать шуточками, спрашивая, когда я от нее съеду. Знаем, плавали.

Поправив шапку, я поплотнее прижала наушники, надеясь, что скачок звука в правом мне почудился. Не хотелось отправлять эту пару на помойку спустя всего каких-то три месяца. Достав плеер из кармана пуховика, я прибавила громкости и переключила на «Дети любви» «Наутилуса». Качая головой в такт песне и тихо подпевая себе под нос, я маневрировала между

проходимыми, подмигнув одному притомившемуся в коляске карапузу в синем пуховике-комбинезоне.

Обойдя его родителей, обсуждавших в какой детский сад устроить свое чадо, и одну очень медленную девушку, вымеряющую каждый шаг в сапогах на внушительном каблуке, я вспрыгнула на бордюр. Спиной чувствуя ее завистливый взгляд, я вовремя обернулась. Этот кузнечик в сапогах-убийцах поскользнулась, умудрившись найти носком именно тот крохотный, не засыпанный песком, участок льда. Вскинув руку, я ухватила ее за воротник дубленки, в результате небольшой возни успешно выигрывая бой с силой тяжести и придавая ей устойчивое положение. Это было совсем не сложно, учитывая, что весила она не больше пятидесяти килограммов.

– С-спасибо, – заикнулась спасенная, часто моргая и прижимая к груди сумку.

– Нет проблем, – улыбнулась я. – Вы лучше по тому краю идите, там песка больше, – присоветовала я напоследок, отворачиваясь и двигаясь в сторону перехода.

И чего я влезла? Сейчас бы она шлепнулась, и больше в такую погоду на каблуках не выходила. Или под ноги смотрела бы чаще, чем по сторонам. С другой стороны, перелом таким падением на лед заработать несложно, так что моя помощь пришлась очень кстати.

Терпеть не могу вот такие споры с собой. Вроде сделала хорошее дело, так зачем думать, нужно было вмешиваться, или нет? Это слишком просто, а Агате сложности подавай. Их же вокруг так мало, особенно в последнюю неделю.

Свернув в сторону Толстовского сквера, напичканного детскими лесенками, качелями, лабиринтами, а также лавочками и уличными тренажерами до неприличия, вскоре я уже шла мимо него, к трамвайным путям. С неба посыпала мелкая белая крошка, то ли снег, то ли лед. Закинув голову, я поймала парочку на язык, тут же ловя себя на собачьем движении. Вот черт, неужели, это сущность проявляется в таких мелочах?

Миновав площадь Искусств, я наконец-то оказалась в парке, сходу заприметив спину Яблонева, сидевшего точно так же, как и при нашей первой встрече. Существование шапки парень, похоже, игнорировал, хотя из-под кожаной куртки на спину падал черный капюшон толстовки. Словно почувствовав мое приближение (скорее всего, так и было), он повернулся в мою сторону и улыбнулся.

– Привет, – чуть запыхавшись, выдала я, улыбнувшись в ответ.

– Привет, – кивнул он, спрыгивая со скамьи. – Не подскажешь, почему у меня в голове играют «Дети любви»?

Чего? Он слышал, что я слушала, идя сюда? Это... круто. Тряхнув головой, я напела, сдерживая наушники:

– У нее был муж! У него была жена! Их город был мал, они слышали, как...

– ... на другой стороне мешают ложечкой чай, – подхватил Влад, и мы понимающе улыбнулись друг другу.

– Я слушала эту песню, когда шла, – пояснила я то, что он вроде бы и так уже знал. – Несколько раз.

– Значит, я поймал твою волну.

– Неосознанно?

Яблонев красноречиво посмотрел на меня, как бы предлагая не молоть чепухи. Смутившись, я завозилась с плеером, отключая его до обратной дороги в одиночестве. Волну он мою поймал! Угу, эфирную. Я же как ходячая радиостанция.

– Итак, как я вижу, ты сегодня разговаривала с Иррой, – начал ведьмак, когда мы, не сговариваясь, пошли вперед по аллее.

– Ага. Она мне рассказала кое-что интересное.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул Влад, сунув руки в карманы.

– У тебя с ней какие-то проблемы? – резко спросила я.

– Скорее у нее со мной, – внимательно посмотрел парень, и бровью не поведя на мой тон. – Что же интересного тебе рассказала Лошадка?

– Что ты – ежик в тумане, – буркнула я, и, переглянувшись, мы приснули.

– Гнусная клевета. Я – ворон во мраке леса, – отшутился Влад, и, известная доля правды в этой шутке была.

– Хорошо, ворон во мраке леса. Тогда я... дог в просторах полей.

– Принимается, – благосклонно кивнул Влад, улыбнувшись краешком рта. – Как вчера доехала?

– Хорошо, только Ирка и Леша всю дорогу придумывали мне клички, – наябедничала я, переставая понимать, что делаю. Вроде бы намечался серьезный разговор, у меня и солидный список вопросов в голове вертелся, да и у него, наверное, тоже, тогда почему мы просто идем и дурачимся, как... старые знакомые?

– Мерзавцы, – протянул Влад, подмигнув мне.

– Вот-вот, – поддакнула я.

– «Альму» кто-нибудь предложил?

– Влад!

– Что, не предложили?

– Одной из первых!

– А. Вообще никакой фантазии у этих светленьких, – скорбно покачал головой Яблонев, и я, против воли, снова захихикала.

– Так, ладно. А ты бы что предложил, о, оригинальный темненький? – поинтересовалась я.

– Назови букву.

– «А».

– Тогда никакой клички. Мне слишком нравится твое имя, Агата, – улыбнулся парень. А мне нравится, как ты его произносишь. Хорошо, что удалось вовремя удержать это на языке.

– Тогда «В».

– Тут все просто, – поморщился Влад. – Сокращаем твою фамилию, и получается «Воля».

– Скучно, – оценила я. – Как насчет «Д»? Скажешь «душка», и я уйду, – предупредила я, припомнив этот вариант, озвученный Берёзиным.

– Что? Назвать тебя душкой? Это же надо быть бессмертным, – польстил мне практикующий.

– Поздравь Берёзина. Он бессмертный, – хмуро поделилась я, и Влад расхохотался.

– Ладно, если серьезно, я бы оттолкнулся от своей «клички» и назвал тебя Герцогиней.

Ого. А вообще звучит. Вспомнив статного черного немецкого дога на фото в статье, я даже приосанилась. Будь это девочка, такое имя ей бы точно подошло.

– Мне нравится, – удивленно признала я. – Раунд за темными, Князь.

– Рад стараться, Герцогиня, – коротко поклонился Яблонев.

– Князь и Герцогиня, почти как «Леди и Бродяга», – улыбнулась я, вспомнив мультик.

– Не смотрел, – пожал плечами Влад.

– Как это не смотрел? – округлила я глаза. – А «Все псы попадают в рай»?

– Не-а.

– Ну хоть «Болто» ты смотрел?

– Это да. Ты осознаешь, что только что назвала мне мультфильмы, где все действующие персонажи собаки или волки?

Я моргнула, понимая, что он прав. Интересно, никогда раньше об этом не задумывалась, но...

– Это тоже сущность, да?

– Тяга к собачьему племени? Да, определенно.

Я замолчала, думая, с чего начать, и к чему подступиться. Или сегодня мы продолжаем начатое вчера? Влад смахнул с волос снежинки, но так и не накинул капюшон. В отличие от меня он действительно гулял и был спокойным, как скала, или ворон, нашедший себе удобную ветку. Я же нервничала, то и дело оглядывалась по сторонам, неизвестно чего ожидая. Как будто Яблонев шел в своем мире, а я параллельно ему, по самой границе, любопытничая, набираясь смелости перешагнуть эту черту и в то же время сдерживаясь из-за нерешительности.

– Откуда ты знаешь, что я твой фамильяр?

Вряд ли это было написано у меня на лбу.

– В ночь перед встречей с тобой я провел один ритуал, – искоса взглянул на меня Влад. – Что-то вроде зова, на который должен был откликнуться фамильяр. И через день я увидел тебя. Поначалу мы не планировали заглядывать в парк, но ноги сами принесли меня к той скамейке. Так как «случайно» у нас ничего не бывает... – Он замолчал, давая мне додумать самой.

– Ты уверен, что я именно та, кто тебе нужен?

Фу, как пафосно это прозвучало.

– Абсолютно, – серьезно посмотрел на меня Влад, и все отголоски шутивого настроения, царившего в первые минуты нашей встречи, растаяли, не оставив и следа. – В моем роду, а я, как ты, надеюсь, помнишь, потомственный ведьмак, фамильяра отыскивают к восемнадцати годам. Максимум к двадцати. Мне же двадцать три. Я просрочил с образованием связи практикующего и фамильяра на пять лет. С восемнадцати, раз в год, я проводил ритуал поиска, суть которого – свести меня с предназначенным мне фамильяром в одно время и в одном месте в течение двух дней после него. Я уж думал, что мы с Лешкой в этом смысле неудачники, и вдруг он нашел Иру.

– И ты сразу же взялся за этот ритуал?

– Два дня, Агата, – закатил глаза Яблонев. – Нет, сначала я подумал, что Берёзину повезло наткнуться на своего фамильяра на улице, без какого-либо обращения к высшим силам. К тому времени я отказался от мысли о поиске фамильяра, решил, что мне не суждено из-за того, что я – нарушение преемственной линии.

– Это как понимать? – насторожилась я.

– Дар в моей семье передавался от матери к дочери, всегда рождались девочки, но моя мама сломала систему, – усмехнулся парень. – Это могло перечеркнуть многие традиции рода.

– Тогда что заставило тебя провести ритуал в этом году?

– Не что, а кто. Захарова с Праховой набросились с двух сторон, как с цепи сорвались. – Он снова закатил глаза, и я поймала себя на мысли, что сама так часто реагирую на нечто надоедливое или глупое. – Я провел ритуал, и, когда в первый день прогулок по городу с Настей чуда не произошло, на второй за меня взялась Варвара. Мы прошлись по моему району, заходили в магазины и скверы, в несколько торговых центров, пока не оказались на проспекте.

Мы с Владом остановились у неприметной лавочки в небольшом закутке между аллеями. Яблонев смахнул со скамьи снег и присел, кивая на место рядом с собой. Чуть посомневавшись, я, в конце концов, вспомнила, что никогда не боюсь, и опустила на деревянное сидение, с удовольствием вытягивая ноги. В воздухе запахло табачным дымом, и я осуждающе посмотрела на закурившего Князя.

– Не боишься, что оштрафуют? Общественное место вообще-то.

– Я мало чего боюсь, – лукаво посмотрел на меня Влад. – И уж точно в этот короткий список не входит малый процент вероятности быть оштрафованным зимним морозным вечером в пустынном парке за курение.

Настала моя очередь закатывать глаза. Самонадеянный до неприличия!

– Напомни мне сказать «я же говорила», когда этот малый процент вероятности произойдет, – проворчала я.

– Ты противник курения?

– Нет, просто... – Я замолчала, не совсем понимая, как собиралась продолжить фразу.

Я не могла причислить себя к борцам за здоровый образ жизни со своей тягой к поверхности дивана и жареной пище. Почти половина моей группы была никотинозависимой, выбегающая на каждой перемене за угол корпуса и на ходу доставая сигареты. Даже запах табака от рук и одежды одноклассников не раздражал меня, в отличие от их тупости, проявляющейся с завидным постоянством, но... Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь патруль обнаружил нас и испортил всю беседу штрафом за курение в неположенном месте, а еще самоуверенность и вальяжность Влада действовали на нервы. К тому же моя позиция спрашивающего заставляла чувствовать себя ребенком, донимающим взрослого.

– Лестно, что ты заботаешься обо мне, – тем временем улыбнулся Влад, затушив не скуренную и наполовину сигарету о кованный подлокотник лавочки и отправив ее в соседнюю урну.

– Вандал, – буркнула я, глядя на серое пятно пепла на черном металле.

– Очень приятно, я – Влад, – протянул он мне руку, криво улыбаясь.

– Как смешно, – оценила я.

Серые глаза ведьмака вспыхнули чем-то похожим на нетерпение и указали путь от моей руки к его.

– Ты думаешь об этом все время нашей прогулки. И думала весь день до нее. И наверняка вчера, перед сном. Так зачем сдерживать себя?

Сумбур, возникший в голове после этих слов, вряд ли поддавался описанию. Я понимала, о чем говорил Яблонев, но от легкости, с какой он это преподносил, становилось не по себе.

Да, глупо отрицать, что с тех пор, как вчера на лоджии квартиры Кати и Миши соприкоснулись наши руки, я не возвращалась в мыслях к этому моменту хотя бы раз в час. Уверена, что-то подобное снилось мне ночью, так что он и здесь был прав.

Волшебное ощущение уюта и осознание правильности своего места... с ним не хотелось расставаться. Беда в том, что возникало оно только при прикосновении темного ведьмака, прекрасно знающего об этой стороне воздействия на меня. Не просто знающего, но и понимающего, насколько оно успело стать желанным. Как я умудрилась вляпаться в лужу мистики, границы которой заприметила еще издали?

– Ты снова собрался отвлекать меня? – прищурилась я.

– Я снова собрался помочь тебе. Судя по тому, как тревожно замерцали твои цвета, тебя вот-вот расплыт на эмоции, – выдержал мой взгляд Яблонев.

– И что это должно значить?

– Что ты нервничаешь, растерянна и смущена. Небольшой перевес хотя бы в одну сторону, и ты вспыхнешь, используя гнев в качестве защитной реакции на обилие информации. Просто коснись моей руки, Агата, и это станет лучшим ответом на твой вопрос.

Движимая любопытством и нежеланием спорить или отрицать правду, тем более, глядя в эти серые глаза, я стянула с правой руки перчатку. Пальцы заколол мороз, но прежде, чем я успела почувствовать холод и влажность тающих снежинок на коже, наши руки оказались прижаты друг к другу совсем как вчера. Его указательный и безымянный нежно погладили мое запястье, словно приветствуя, и я снова погрузилась в этот сладкий домашний уют.

Появившиеся от прикосновения Влада мурашки по серпантину окружили руку, добираясь до предплечья, а оттуда перекидываясь на шею. Все равно что после долгого путешествия оказаться дома и плюхнуться на любимый продавленный диван.

Я забыла, что хотела сказать. Яблонев был прав. В наших соприкасающихся руках находился ответ на мой вопрос. Объяснение его уверенности. Утешение моей тревоги и узда волнения. Опора для веры в то, что я именно та, кого он так долго искал. Его фамильяр.

Нерешительно я погладила его запястье в ответ, пробравшись под узкий рукав толстовки. Влад вздрогнул, недоверчиво взглянув на меня из-под ресниц. Прежде чем я успела испугаться своего жеста, ведьмак улыбнулся.

– Все еще думаешь, что я ошибся, увидев в тебе своего фамильяра, Агата?

– Ты спрашиваешь не потому, что хочешь узнать ответ, – пробубнила я. – Просто тебе нужно, чтобы я признала твою правоту вслух.

– Блестящее наблюдение, а, главное, весьма точное, – хмыкнул Влад, не делая никакой попытки остановить мои пальцы или убрать руку. Вместо этого он возобновил свое движение, и, какое-то время, мы, как два идиота, продолжали гладить запястья друг друга, тесно прижимаясь ладонями. Я дрейфовала на теплых волнах спокойствия и удовольствия, вызванных тесным контактом с Яблоневым до тех пор, пока не почувствовала готовность вернуться к разговору.

– И что это будет значить для меня? Если я соглашусь стать твоим фамильяром?

– Силу. Спокойствие. Контроль над собой. Получение и развитие ряда способностей. И... близкого человека, – немного помолчав, взвешивая каждое слово, ответил Влад. – Если ты согласишься быть моим фамильяром... То обретешь лучшего друга, брата, наставника и защитника в одном лице, потому что я обещаю, что способен стать всем этим для тебя.

От меня не укрылось отсутствие в этом перечислении еще одной значимой роли. Как раз той, о которой у нас сегодня был разговор с Ругаловой. Друг и брат, даже защитник, но не парень. Интересно, Леша Ирке поначалу то же самое в уши капал, или у них у всех свой оригинальный подход? Как бы там ни было, уточнять этот нюанс я не собиралась. Скорее язык откушу, чем выдавлю из себя хотя бы намек на подобное.

Он вообще меня в этом смысле не интересует! Буду первой, кого миновал «стандартный косяк» новенькой с влюбленностью в темного ведьмака в их компании. Стоп. Я что, уже все решила? Сидеть, Агата, место.

– Это ты назвал только плюсы. А минусы где?

– Какие минусы? – приподнял бровь Влад, по-птичьи склонив голову на бок.

– Ну не знаю... Что-то вроде правил для фамильяров? Ирка меня немного просветила на этот счет.

– Правила – необходимая мера для результативности процесса нашего соглашения, а не минус. Это винтик, без которого машина не сможет работать.

– Соглашение подразумевает, что обе стороны что-то получают взамен. И если я получаю все, что ты перечислил, то что достается от меня тебе?

– Ровно все то же самое, что и тебе от меня, – подался вперед Влад, не отпуская моего взгляда. – С тобой я стану намного сильнее. Буду быстрее приходить в себя после отдачи, вызванной моей работой. И у меня наконец-то появится человек не из круга семьи, которому я смогу полностью доверять, что для меня очень важно.

– То есть, во мне ты обретешь лучшего друга, сестру, защитника?

Звучало сказочно. Настолько сказочно, что хотелось ущипнуть себя за щеки и подергать за мочки, чтобы проснуться и понять, что пора на учебу.

– И в чем-то наставника. По идее мы перейдем некоторые черты друг друга, – улыбнулся Яблонев краешком рта, и на щеке парня впервые за вечер появилась милая ямочка, в которую мне почему-то тут же захотелось ткнуть пальцем. Слишком милая для его темного рокового образа. Слишком правдоподобная и нормальная, что, в данной ситуации, и считалось странным.

– Где подвох? – прямо спросила я, мысленно разбивая розовые очки о серую стену цинизма. Симпатичный парень сваливается, как снег на голову, оказывается сведущим в магии (или как еще это обозначить), называет своим помощником и обещает самую крепкую дружбу

на свете. В этой бочке меда просто обязана быть ложка дегтя. Закон подлости не может дать осечки.

– А если я скажу, что его нет?

– Я тебе не поверю, стряхну с ушей лапшу и уйду, – передразнила я его милую плоскую улыбочку.

– Где гарантии, что ты не уйдешь, когда узнаешь, в чем подвох?

– То есть он все-таки есть. Смотри-ка, кое-что проясняется. – Я выжидающе посмотрела на ведьмака. – Seriously, Князь, как я могу согласиться, если точно, во всех деталях, не знаю на что соглашаюсь и какие возможны последствия? Это что-то вроде «всегда читайте мелкий шрифт», – пожала я плечами.

– Хорошо, Герцогиня. Каким мелким шрифтом забила тебе голову Ругалова?

Сощурившись на тон, в каком Влад задал последний вопрос, я убрала руку от его. Если дальше разговор превратится во что-то неприятное и раздражающее, лучше быть подальше от недавно обретенного волшебного успокоительного. Когда нужно, мой гнев работает и как молот, и как щит.

– Она сказала, что самые большие проблемы с доверием, временем и общением. Но я еще услышала про тренировки, вроде бега по стадиону... Проясни этот момент тоже.

– Светленькие, – закатил глаза Яблонев, откидываясь на спинку скамьи и снова пряча руки в карманы куртки. – То, что перечислила тебе Ругалова, не проблемы, а недостаток опыта и слаженности между ней и ее практикующим. Все эти сложности решаются банальной практикой. Чем больше фамилляр и практикующий узнают друг о друге, чем больше проводят вместе времени, тем проще им общаться и находить это время друг на друга. Из этого же растет взаимное доверие. – Согласна, в логике Владу не откажешь. – Что касается тренировок, то я так же не вижу в этом чего-то из ряда вон. Практикующие тренируются ментально постоянно, дар для нас – все равно что мышца внутреннего духовного мира. Так как сила фамилляра исходит от его сущности, то для начала он должен натренировать сосуд, в который эта сила поступает, то есть тело. Для того чтобы уметь применять все сильные стороны дога тогда, когда тебе этого захочется, нужно слиться с сущностью, стать такой же, как она. Ты распознаешь запахи, твое обоняние очень острое, но сможешь ли ты взять след? Да еще и не физический, а ментальный, след чьей-то энергетики, например, моей?

Конечно же, нет. Я вообще сомневаюсь, что это возможно. А если все-таки возможно, то какими тренировками этого добиться? Как учуять то, у чего нет запаха?

– Если все это тяжело только для светленьких, то что считают проблемами темненькие?

– Темненькие не видят сложностей в принципе. И уж точно не думают о них заранее. Как только ты начинаешь думать, что что-то не получится по той или иной причине, ты работаешь себе во вред. Это все равно что отказаться от интересного путешествия из-за того, что собираться долго. Едва появляется одна сложность, как за ней тут же потянутся другие: билеты дорогие, отель неподходящий, погода непонятная... Нет, лучше не ехать. Месяца через три попробую. И так каждый раз.

– То есть ты говоришь: соглашаться, не раздумывая, и сложностей не будет?

– Агата... – Влад покачал головой, вытягивая ноги.

– Что? У тебя тут явно личная заинтересованность!

– Скажешь, у Ругаловой ее нет? – проницательно посмотрел на меня Яблонев, и вся его расслабленность улетучилась.

В практикующем снова проступили та жесткость и сосредоточенность, какую я видела вчера, на лоджии. словно он был хищником, заключенным в человеческое тело, или... птицей, готовой вырваться из клетки, едва представится такая возможность. На что бы это ни было похоже, оно вызывало у меня чувство тревоги, даже заставляло присмиреть, но не пугало.

– Ты знаешь, что она не хочет, чтобы я была твоим фамилляром.

Я даже не спрашивала. Понимала, что он действительно в курсе отношения Ирки ко всей этой ситуации.

– Неважно, чего она хочет или не хочет. Думать об этом – забота Берёзина, как ее практикующего. Здесь дело исключительно твое и мое, остальные за бортом. Я не говорю, что сложностей не будет. Всего лишь указываю на то, что думать о них сейчас – пустая трата времени. Все это очень индивидуально. У каждого фамильяра и практикующего свои заморочки. Кто-то ревностно относится к своему личному пространству, кто-то настолько непунктуален и безалаберен, что это становится проблемой для практикующего, а кто-то капризничает каждый четверг. Ты сказала: «сложности с общением». Что ты в это вкладываешь?

– Ну... – Отлично, Ругалова заразила меня своим «нуканьем»! – Постоянные споры, трудности в нахождении компромисса...

– Мне нравится, когда со мной спорят, – огорошил Яблонев.

– Ты передумаешь, когда столкнешься со мной.

– Видишь? Это уже не проблема, – фыркнул Влад. – Думаю, это станет нашим видом спорта.

– Ты уверен, что я соглашусь.

– Я бы хотел, чтобы ты согласилась. Я чувствую, что ты – мой человек, – серьезно ответил парень, и тараканы в моей голове пустились в задорный пляс, жонглируя дамскими романчиками. – Дело не в энергетике, не в том, что мы чувствуем, когда соприкасаемся руками, хотя и это, безусловно, тоже. Мы во многом похожи. Даже наши сущности выражают одно и то же стремление к свободе и отсутствию границ. Заметила, как мы сейчас шли?

О, да, этого я, человек, которого вечно все просят идти помедленней и спрашивают, где пожар, просто не могла упустить. Мы шли в одном темпе. Даже, кажется, в ногу.

– Ирка постоянно просит меня ползти как улитка, – сморщилась я.

– Обычно, я хожу еще быстрее, – подмигнул мне Влад.

– Я тоже, – скромно улыбнулась я, умолчав о том, что иногда предпочитаю и вовсе переходить на бег.

Мы притихли, каждый думая о своем. У меня был еще один важный вопрос на сегодня, но я не знала, как к нему подступиться. Стянув перчатки, коснулась ладонями деревянного сидения, стараясь через руки остудить лихорадочно бегающие мысли. Яблонев ждет ответа.

Все это комично напоминало предложение руки и сердца, и я была совсем как типичная книжная простушка, половшая грядки у дома и увидевшая, как к нему подъезжает принц и просит стакан воды. И вот, я могу дать ему этот несчастный стакан воды и оказаться в сказке, а могу сделать вид, что обычная крестьянка и пускай идет, ищет себе воды у кого-то из своего круга.

– Есть что-то еще, верно? – прервал наше уютное молчание и снежную тишину парка Яблонев. С ним даже молчать было удобно!

– Да. Только я не знаю, как ты отнесешься к этому вопросу, – закусила я губу, убирая руки с лавки.

– И не узнаешь, если не спросишь, – отметил ведьмак. – Равно как и не встретишь сложностей, пока не шагнешь на дорогу.

– Не мог бы ты ненадолго прекратить свою агитацию? Я уже поняла, что это важно и нужно тебе, но оно напрямую касается меня, ясно? – огрызнулась я.

– Ясно-ясно, – поднял руки вверх Яблонев, не прекращая улыбаться.

– Что?

– Твой дог бегаёт за своим хвостом, – прыснул он, глядя на мое туловище. – Очень забавно.

Я застыла, ошарашенно моргая. В эту секунду я сожалела сразу о двух вещах: невозможности самой посмотреть на свою сущность и морозе, мешающем слепить снежок и одним броском стереть с его лица это самодовольное нахальное выражение!

– Рада, что в очередной раз удалось тебя повеселить, – процедила я.

– Верю, – кивнул Влад. – Ты так и излучаешь желание радовать меня дальше. Кстати, у тебя губы трясутся.

– Влад!

– Не надо так громко кричать мое имя, Герцогиня. Люди могут подумать что-нибудь не то, – приподнял он бровь.

– Какие люди, мы здесь одни! – возмутилась я, реагируя на его пошлый намек.

Парень кивнул куда-то мне за спину и, обернувшись, я увидела неподалеку компанию ребят, шедших в сторону Первомайской. Чертов Влад Яблонев!

Снова повернувшись к ведьмаку, едва не столкнулась с ним нос к носу. Короткого мгновения хватило, чтобы он успел скользнуть по сидению вплотную ко мне. Ноздрей коснулся его тонкий приятный и неизвестный аромат, и я немного потеряла голову, глядя в серые затягивающие глаза.

Кто-то из проходящей мимо компании присвистнул и бросил нам с Владом нецензурное напутствие на продолжение этого вечера дома в нескольких позах. Мои уши под шапкой заалели от смущения и раздражения, Яблонев же медленно повернул голову, глядя вслед весело гогочущей шайке.

– Никакого инстинкта самосохранения, – пренебрежительно высказал ведьмак.

Прежде чем я успела как-то замять досадный инцидент, со стороны компании послышались ругань и пара забористых реплик, из-за которых мамы зажимают детям уши. Тот самый «советчик» шлепнулся на задницу, попав на наледь, и не смог встать с первого раза даже при помощи друзей.

– Надо же, как неловко, – прищелкнул языком Влад, с усмешкой наблюдая за тем, как парня наконец-то поднимают.

– Это ты?

– Конечно.

– Из-за того, что он сказал?

– А так же что он подумал, – не отрицал Яблонев.

– И часто ты проворачиваешь такие штуки?

– Только когда обижают людей, которых я считаю своими.

– Прозвучало очень по-собственнически.

– От того, как это звучит, суть не меняется, – пожал плечами Князь.

– Ты причиняешь вред людям по просьбе других людей, да? – отчего-то шепотом спросила я, чувствуя, как внутри разливается нечто теплое, запоздало реагируя на заступничество Яблонева. Обычно, я сама могу за себя постоять, но знать, что на это способен кто-то еще... Приятно.

– Да, – честно ответил Влад, не попытавшись увильнуть от щекотливой темы.

– И те, кому ты делаешь плохо... Они этого заслуживают?

Пожалуйста, скажи «да».

– Я берусь не за все дела, а порчи и проклятья далеко не единственное мое занятие.

– Влад, – не сдалась я. – Они этого заслуживают?

– Ко мне приходят жертвы, Агата. Иногда их правота очевидна, и я сам вижу, что объект их страха или ненависти избежал наказания лишь по какой-то счастливой случайности. Тогда я просто восстанавливаю баланс. А порой мне приходится как следует потрудиться для того, чтобы понять напрасился ли человек на то, что меня просят сделать. Так что, отвечая на твой вопрос: я делаю плохо тем, кто этого заслуживает.

– Например?

– Вчера я проклял парня, избившего свою беременную девушку в состоянии сильного алкогольного опьянения. Не хотел он ребенка, понимаешь? На трезвую голову сказать это боялся, поэтому, как следует напился, набираясь смелости, а потом пустил в ход кулаки, когда она сказала, что справится и без него. Она больше никогда не сможет иметь детей, а ему ничто не помешает найти еще одну девушку и повторить все с ней. Заявление она писать на него отказалась, мама его ей в ноги упала «не губи сыночка, кровиночку», вот она и не стала.

С каждым словом, взгляд Влада становился все холоднее и злее, на скулах заиграли желваки, и на пару секунд мне стало понятно, отчего Ирка так пугалась его. Но эти секунды быстро истекли, Яблонев моргнул, встряхнул головой, и посмотрел на меня как ни в чем не бывало.

– Тогда, зачем же она пришла к тебе?

– Она и не приходила. Пришла ее заплаканная мама.

Этот ответ отбил у меня всякое желание спрашивать дальше. Влад поднялся, и я последовала за ним. Мы повернули в обратную сторону и неспешно пошли по правой стороне.

– Агата? – позвал Влад. – Я... напугал тебя?

– Думаю, ты знаешь, что нет, – покачала я головой.

– Знаю, но ты так долго молчишь, что я подумал, случилось что-то еще.

Я и не заметила, как мы дошли до выхода из парка.

– Я... Тебе в какую сторону? – растерянно посмотрела я на Влада, понятия не имея, где он живет.

– Я провожу тебя до дома, – поставил меня перед фактом Яблонев.

– Ах, да, ты же знаешь, где я живу, благодаря стае ворон, напугавшей меня до смерти!

– Я приблизительно представляю, где ты живешь, все-таки навигатор из вороньей стаи никудышный. Скажи, что ты швырнула в снег, когда увидела их?

Знать не хочу, как он это увидел. Хватит с меня пока потрясений.

– Монетки, – нехотя пробубнила я. – У меня звучали «Черные птицы», и я... сопоставила некоторые вещи, ну и...

Влад расхохотался, не дав мне договорить. Он все и так понял. Поджав губы, я пошла вперед, пока ведьмак смеялся, откинув голову и стряхивая снег с волос. Быстро догнав меня благодаря своим длинным ногам, Яблонев, все еще широко улыбаясь, пошел рядом.

– И ты снова меня развеселила.

– Я в восторге.

– Не особо жажду возвращаться к агитации, но ты явно уже что-то надумала, я вижу, как мерцает твоя аура.

– Я думала, что от любопытства кошка сдохла.

– Да? А на Варваре этот принцип почему-то не срабатывает, – деланно нахмурился Яблонев, и настала моя очередь смеяться.

Влад больше не пытался узнать, о чем я думала, и всю дорогу до дома мы болтали о музыке. Назвав парню свой топ-десять, я даже не удивилась, когда в шести композициях тот совпал с его. Немного поспорив, мы составили общий хит-парад, и за этим увлекательным занятием я сама не заметила, как мы оказались в моем дворе.

– Пришли. – Я указала на свой подъезд.

– Первый этаж и окна на ту сторону, верно? – приподнял бровь Влад.

– Верно. Слушай... – я запнулась, подбирая слова. – Я хочу быть уверенной в своем решении, каким бы оно ни было. Поэтому... можем мы пока просто узнать друг друга? Не знаю, погулять еще раз, или... посидеть где-нибудь...

– Агата, – спас меня ведьмак от позорного и бессвязного бормотания. – Я понимаю. Связь фамильяра и практикующего – это очень серьезно, и я не в праве настаивать на поспешном решении. Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться завтра со мной по проспекту?

Влад снова склонил голову на бок. Перекатившись с пятки на носок и обратно, я постаралась дышать через нос и не обращать внимания на эйфорию, охватившую меня из-за близости следующей встречи. Уж не знаю, чем там полыхала для него моя аура, но Яблонев сделал вид, что ничего не заметил. Хороший мальчик.

– Если не будет снегопада, то хорошо.

– Снегопада не будет, – утвердил Яблонев.

– Что ж, тогда... Я, пожалуй, пойду. Спасибо, что проводил.

Мне хотелось откусить себе язык, чтобы остановить эту непонятно откуда взявшуюся робость, лившуюся у меня изо рта, глаз и даже, кажется, излучаемую кожей. Почему он так действует на меня? Нет, не так. Почему я позволяю ему так действовать на меня?

– До завтра, Герцогиня, – улыбнулся Влад.

– До завтра, Князь, – ответила я тем же, кивнув ему, прежде чем припустить домой, где меня ждали мама, горячий чай и пара серий любимых сериалов. Капля обыденности сейчас точно не помешает.

Глава 8

Не помню, чтобы когда-нибудь мне хотелось спать так, как в этот вторник на четвертой паре ИСКа, то есть «историографии социокультурной коммуникатологии». Подперев голову рукой, я скользила ручкой по желтому листу своей блочной тетрадки, делая вид, что что-то записываю. На самом деле получались какие-то несуразные линии и загогулины, таинственным образом переплетающиеся и соединяющиеся друг с другом.

С трудом подавив зевок, я глянула, как с сонливостью борется Ирка. Подруга быстро печатала что-то в телефоне, изредка поглядывая на преподавательницу, за всю пару так и не поднявшуюся из-за стола. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чьим словам, высвечивающимся на экране, так глупо улыбалась Ругалова. Конечно же, ее общение с Берёзиным не могло полностью прекратиться даже на час.

– Скоро телефон тебе в руку вратет, – пробормотала я.

– Кто бы говорил, – не отрываясь, цокнула Ругалова. – Ты всю экономику так же просидела. Точно не маме эсэмэски строчила. Мамам так в экран не лбыются.

Зараза. Удержавшись от показывания языка, я как бы незаметно проверила телефон. Сообщений от Яблонева не было, да и с чего бы, когда три часа назад ведьмак написал, что в чат зайдет не раньше шести из-за работы. Что не мешало мне надеяться на массовую неявку его клиентов из-за погодных условий или магнитных бурь.

С нашей прогулки в парке наедине прошла неделя, и за это время мы виделись еще четыре раза. Каждая встреча длилась порядка трех часов, представляла собой прогулку по моему району и не обходилась без шуточных перепалок, хотя по большей части мы говорили о вещах серьезных и далеко не забавных. Например, о таинственном мире, частью которого Влад являлся, о связи фамильяра и практикующего, или же о моих и его возможностях, но... У меня все еще не было ответа, а Влад не давил. Вскоре наше общение из личного перетекло в онлайн, и последние пять дней я не ложилась спать, пока не поболтаю с ведьмаком минут двадцать. Это превратилось в своего рода ритуал.

Яблонев не был зарегистрирован ни в одной социальной сети, и, услышав об этом в первый раз, я едва успела поймать свою челюсть до падения той в сугроб. Князь оказался ярким противником этой «плоской обнаженки и притворства», и вообще не хотел иметь ничего общего с «добровольной выдачей собственных данных». Позже Ирка объяснила, что такой политики придерживаются все практикующие. Подобная скрытность помогала им избежать различных сумасшедших, сталкеров и прочих троллей, не говоря уже о излишней известности.

В нашем двухчасовом споре о веке компьютерных технологий и необходимости идти в ногу со временем я обозвала Влада параноиком-неандертальцем, а в ответ темный заявил, что от интернета и всех гаджетов вместе взятых больше проблем, чем благ. Наша дискуссия была прервана звонком мамы и вопросом, где это меня носит в пол-одиннадцатого ночи, так что пришлось остановиться на ничьей. Вру. Он и это свел в свою пользу, сказав: «Видишь? Не будь телефона, твоя мама не оборвала бы нашу прогулку». Говоря, что спор станет нашим спортом, Влад конечно же был прав, в чем я не спешила ему признаваться. Еще чего.

Закатив глаза и подавив очередной зевок, я лениво скользнула взглядом по аудитории, без труда выявляя занятия одноклассников. КуКурятник погряз в разговоре в сети, изредка прыскавая от смеха и оборачиваясь друг к другу. Наверняка рассматривают и обсуждают чьи-то фотки. Еще пара девчонок слушала музыку, прикрыв волосами наушники, но мой острый слух все равно улавливал ритм композиций, хотя слов не различал. Несколько ребят читали электронные книги, кто-то громко бил по клавишам ноутбука то ли печатая лекцию, то ли во что-то играя.

Позади нас с Ирккой Маришка Богатырева и Нинка Алферова играли в морской бой, то и дело хихикая и используя «кодовые» шуточки, известные им одним. Разок обернувшись на них и наткнувшись на озорные улыбочки, я сама ухмыльнулась, понимая, что слово «пенис», явственно прошептанное пару мгновений назад, мне не послышалось. Сообразив, что их разговор не настолько тихий, как могло казаться, девчонки залегли на стол в беззвучном приступе хохота, толкая друг друга локтями. Покачав головой, я отвернулась от них, наткаясь на взгляд Ярославы Самойловой.

Девушка смотрела куда-то мимо меня. Скорее всего, в окно, на метель, идущую уже второй час. Помотав головой из стороны в сторону, я привлекла ее внимание и взглядом спросила, все ли в порядке. «Несмеяна» кивнула в ответ и отвернулась, уткнувшись в тетрадку.

– Тебе не кажется, что Самойлова стала еще мрачнее? – тихо спросила я у Ругаловой.

– Кажется, – согласилась подруга. – Меня вообще от нее холод пробирает.

– Это как?

– Просто рядом с ней мне неуютно, – поморщилась Ирка.

Чуть подумав над ее словами, я рассудила, что это вполне закономерная реакция на человека, который никогда не улыбается. Людям нравится видеть эмоциональную отдачу, а со стороны Самойловой ее почти не бывает, а уж в положительном ключе и вовсе никогда.

– А мне нормально, ничего такого, – пожалала я плечами.

– Это потому что я чувствительней к эмоциям окружающих, – не преминула Ирка указать на свою светленькую способность.

– Ты же знаешь, я еще ничего ему не ответила.

– Я знаю, что он уже впился в тебя своими вороньими когтями, – отрезала подруга.

– Иди к черту, – беззлобно отмахнулась я на ее уже ставшее привычным бурчание.

– Меня к нему не пустят, – хмыкнула Ругалова и, переглянувшись, мы прыснули, прикрыв рты руками.

– Ты сейчас к Леше? – спросила я, когда пытка под названием «четвертая пара» наконец-то подошла к концу и нас отпустили.

– Нет, пойдем погуляем как нормальные подруги, а?

Ушам своим не верю! Удивленно глянув на Ирку, я встретила понимающую усмешку, и мы дали друг другу «пять». Быстро собравшись и одевшись, поспешили покинуть корпус, опережая многих одноклассников. На лестнице я едва не налетела на внезапно затормозивших Наташу Запатову и ее покровительницу, а, по совместительству, главу КуКурятника, Ингу Марьянову.

– Вольская, ты смотри, куда летишь, – противно протянула Инга, не отрываясь от поиска чего-то в своей сумке.

– Марьянова, ты следи, где стоишь. Тут светофоров нет, собьют и разбираться не будут, – фыркнула я.

– Деревня, мы вообще-то в здании. Тут в принципе светофоров быть не может, – томно объяснила мне Наташа.

Мы с Ругаловой едва не покатались со смеху. Хохоча и оставляя Инге объяснять своей «подружке на веки» в чем причина нашего веселья, мы вырвались на улицу, попадая под большие снежные хлопья и безветрие. Какая романтическая погода... Жаль, Влад сегодня не сможет приехать... Зато у Ирки неожиданно освободилось «окно»!

– Поняла? Ты – деревня! – все еще не отпустило подругу, и она, взяв меня под руку, заржала совсем как лошадь. Уверена, специально.

– Да куда уж нам, холопам необразованным, до светлой блондинистой мысли, – важно закивала я, на середине не выдерживая и снова срываясь в смех. Последнее время стала замечать, что он у меня какой-то лающий... Или он был таким всегда, или деформировался на фоне осознания собственной собачьей сущности. Такое же может быть? Если человек способен психологически убедить организм, что тот болен, вызвав температуру и тошноту, то здесь, наверное, работает тот же принцип?

Обогнув родной гуманитарный корпус, мы начали спуск по Смидович. Проходя мимо пяточка, где, обычно, собирались курильщики, я вспомнила, что именно здесь состоялся тот странный разговор между Варварой и Иркой.

– Ир, помнишь, я увидела тебя здесь с ПрахМиром? Чего они тогда от тебя хотели-то?

– Ну как... Леша договорился с Варей, что она предоставит нам своего идеального, – Ирка скривилась, – фамильера для моей тренировки. Оказалось, что практикующие не все вещи могут показать на практике, а разьяснить только теорию. Иногда со мной занимается Миша, иногда Саша.

Вот оно как. Значит, если я соглашусь быть помощником Яблонева, в один прекрасный и не такой уж далекий день, он щелкнет пальцами и велит мне бежать, тренироваться с Сашей? Скопировав Иркино выражение лица, я подумала, что этому точно не бывать.

Не позволю я Мирковой изображать из себя наставника и указывать мне на ошибки. Одно дело Влад, его я еще стерплю, но уж точно не пантеру. Это, конечно, если я вообще скажу «да».

– Ир, а вы между собой как-то обсуждаете нашу с Владом ситуацию? – не удержала я язык за зубами, внимательно вглядываясь в лицо подруги.

– Ну...

– Даже не думай, – предостерегла я ее от попытки вранья.

– В общем, она, конечно, обсуждается, все надеются, что ты осчастливишь Яблонева заветным «да». Прахова и Захарова вроде даже поспорили с какими-то заоблачными ставками.

Очаровательно. Интересно, что это за ставки и каковы границы спора. Одна говорит, что я соглашусь, а вторая нет? Или они обе уверены в согласии и спорят на конкретную дату? Клацнув зубами, я снова покосилась на бодро вышагивающую Ругалову. В последнее время она тоже стала быстро ходить, видимо, тренировки сказывались.

– А Влад?

– А что Влад? Влад у нас как всегда выше этих пререканий, чопорный му...

– Ира!

– Что думаю, то и говорю!

– То есть жизнь тебя ничему не учит, да? Последний раз, когда ты сказала то, что думала, тебе пришлось пересдавать основы теории коммуникации раз шесть!

– Семь, – хмуро поправила Ирка, вероятно вспомнив, сколько нервов потратила на этом предмете. А не нужно было говорить преподу-разведенке за тридцать, что та придирается к ней исключительно из зависти к успеху у противоположного пола и советовать больше краситься и меньше хмуриться.

– Тем более! Ладно, все, хватит о практикующих, Яблоне и так далее... Сегодня эти темы под запретом! – ввела я правило на этот вечер.

– Согласна. У нас прогулка подруг, – быстро переключилась Ирка. – И, согласно традиции, мы просто обязаны сопрячь ее с шопингом! Мне очень нужен новый браслет! – добавила Лошадка, прежде чем сделать большие глаза и трогательно захлопать ресницами.

– Хорошо, – кисло посмотрела я в ответ. – Браслет так браслет.

В небольшом магазинчике на проспекте, где продавались различные побрякушки, свечки, нашивки и прочие милые вещички, мы проторчали полчаса. Вовсе не потому, что здесь была толпа народа или длинные очереди, как в супермаркетах в неделю скидок, а из-за нерешительности Ругаловой. Ей понравились сразу три браслета, и она не успокоилась, пока не перемерила каждый из них по пять раз. Нам с молодой продавщицей оставалось только понимающе переглядываться.

В конце концов, Ирка купила тот, что я посоветовала ей практически сразу, как увидела. Пока она расплачивалась за покупку, меня привлек стеллаж со свечками. По-моему, здесь были всевозможные цвета и формы, а узоры не оставляли никакого пространства для воображения. Волны, снежинки, лебеди, языки пламени, розочки, звезды...

Удивительно, но раньше я не замечала этого уголка. Одна свечка особо притянула мое внимание. Фиолетовая с черными крапинами, толстая и высокая. Удар такой легко обеспечит шишкой. Интересно, почему, размышляя о каком-то предмете, я рефлекторно задумываюсь, какой вред он может нанести? Это проделки сущности, или паранойя? Учитывая осторожность собак, скорее всего, первое.

Увидев ценник приглянувшейся свечи, я только что не присвистнула. Стоила она больше, чем моя шапка, перчатки и месячная оплата за интернет вместе взятые. Ничего себе цены!

– Цена удивляет? Это потому что она полностью прокрашена, вся фиолетовая с черным, а не облита краской снаружи. Ну и, конечно же, размер имеет значение, – подмигнула мне продавщица.

– А в чем разница? – не особо поняла я. Все равно же видно, что она фиолетовая, и задумка ясна.

– Считается, что такие свечи идут в ход у разных фриков, – понизила голос девушка, опершись локтями на прилавок. – Для разных ритуалов, жертвоприношений, и что там еще им в голову приходит.

– Типа для экстрасенсов?

– Вот-вот, – активно закивала она. – Гадалок, шаманов, тут иногда такая публика заходит, что хоть стой, хоть падай. Однажды зашли и спрашивали, не продаем ли мы органы животных, – скривилась продавщица. – Сумасшедших вокруг, как грязи.

Только тут до меня дошло, что все вещички в магазине были с налетом сверхъестественного. Кулоны в виде разных символов, когтей и клыков, кожаные напульсники с вытесненными знаками, подковы с надписями к новоселью, кольца с черепами и серьги в виде скелетов... На стене за спиной Ирки вообще висели ножи и кинжалы с узорами и словами на непонятном языке... Книжные полки с брошюрками на тему, как познать себя... Мрак.

– Почему я раньше не замечала, что это оккультный магазин, а не сборище милых подростковых вещичек? – выпалила я, едва мы с Ругаловой вышли на улицу.

– Заценила, да? – довольно ухмыльнулась Ирка. – Сколько мы здесь были, никогда в глаза не бросалось, а сейчас просто режет, верно?

– Да уж.

– Это потому что мы теперь «в теме». Знаешь, это как с ходу узнавать симптомы болезни, которой переболел.

– Блестящее сравнение, Берёзин подкинул? – хитро посмотрела я на подругу, припоминая, что ее обновка – это цепочка коричневых деревянных шариков на черном кожаном шнурке. Надо думать, браслет Ирке нужен не только в качестве аксессуара.

– Да, – насупилась Ругалова. – Стоп, мы же договорились ни слова о практикующих!

– Ага, и ты первым делом потащила меня в кладовку сверхъестественного антуража.

– Ну... Осечка, признаю, – развела руками Ирка. – Тогда начинай ты.

– Хорошо... Как думаешь, мне пойдет фиолетовая прядь на челку? – ляпнула я первое пришедшее на ум.

– Купи мелок для волос и проверь, – хмыкнула Ругалова. – Я вот хочу закупить себе разных цветов и раскрашивать пряди по настроению.

– Уверена, что ты лошадь, а не жар-птица? – не сдержалась я, и мы захихикали. – Нет, серьезно, что, если покрасить?

– Ну нет, я точно против. У тебя шикарные волосы, и нечего их портить, – замотала головой Ирка.

– Да уж, шикарные, как же. Ты эти сеченые концы видела? – в доказательство я помахала ей кончиком своего хвоста, весь вид которого намекал немедленно идти в парикмахерскую.

– Не прибедайся, – строго цыкнула на меня Ругалова. – Кстати, раз уж мы заговорили о волосах... Ты не поверишь, но я тут попробовала шампунь для лошадей...

Я захохотала прежде, чем она успела договорить. Согнувшись посреди улицы, я уперлась руками в колени, чувствуя, как к глазам подкатывают слезы. О, Боже... Шампунь для лошадей, кто-нибудь, держите меня!

Телефон во внутреннем кармане пуховика завибрировал, и я услышала звуковой сигнал сообщения.

– Хватит смеяться! Серьезно говорю: эффект потрясающий! И блеск, и объем...

– Заткнись, Ир, – всхлипнула я, доставая телефон.

Князь: «Поделишься?»

Кажется, кто-то уловил мое веселье и не смог удержаться от вопроса! Усмехнувшись его любопытству, я быстро набрала в ответ: «Ирка моет голову шампунем для лошадей!», не скупившись на хохочущие смайлы. Не прошло и полминуты, как он среагировал: «Ради тебя могу обокрасть Кельта», вместо точки поставив смайл-дьявол.

Хихикая, я убрала мобильник обратно в карман, решив продолжить беседу вечером и не отвлекать ведьмака от дел своим трепом. Кто бы мог подумать, что даже такая мелочь, как смех, не останется без внимания?

– Это диагноз, – оценила Ругалова, глядя на мое, должно быть, абсолютно глупое выражение лица.

– Думаешь, я влипла?

– Знаю, подруга, знаю, – покачала она головой, но быстро встряхнулась, заболтав о фильмах, на которые хочет сходить. Благодарная ее сегодняшней сдержанности, я подхватила беседу, пустившись в рассуждения об актерах-любимчиках и ожидаемых картинах с их участием.

Споря о секс-символе нашего поколения из актеров, где я руками и ногами была за представителей Соединенного Королевства (ох уж этот их пробирающий до мурашек акцент!), мы как раз подходили к арке, ведущей в уютный дворик, затесавшийся между девятиэтажками. Это было одно из наших мест, где мы часто сидели в теплое время года.

– Не хочешь на качели? – приподняла я бровь, уверенная, что она думает о том же самом.

– Догоняй! – крикнула Ирка, побежав к арке.

Я бросилась следом, жульничая и срезая угол прыжком через бордюр. Нагнав Ирку, я удивилась, когда не получилось ее оббежать, а потом Ругалова и вовсе совершила ранее невозможное для нее. Обогнала меня.

Плюхнувшись на качели, не потрудившись смахнуть с деревянного сидения снег, подруга запрыгала на них, раз за разом очерчивая согнутыми в локтях руками победный круг перед собой:

– Кто сделал Агату на прямой дистанции метров в двести? Ира сделала Агату!

– То же мне, победа, – безразлично пожалала я плечами, глядя в темнеющее небо. – Я просто уступила.

Черт, как она меня обошла? Это же Ирка! Человек, которого на бег может сподвигнуть только прямая угроза жизни! Ну да. А еще фамилляр с сущностью лошади, за последний месяц с кем только не тренирующийся.

– Хорошо, что у тебя нос от вранья не растет, – фыркнула Ругалова, и мы снова прыснули.

Поставив сумку на соседствующую с качелями лавочку, я плюхнулась на сидение напротив, схватилась за столбы и оттолкнулась от них, раскачивая нас. Ирка подалась навстречу, и какое-то время мы просто качались, ни о чем не говоря и даже вряд ли думая. Мне нравилось это чувство подвешенности, особый ритм и реакция тела. Словно побег от собственной тяжести. Секундный, но такой ощутимый.

– Тормози, – внезапно выпрямилась на сидении Ирка, стараясь ухватиться за столбы и замедлить качели со своей стороны. – Скорее, тормози.

Всякое веселье и непринужденность исчезли с лица подруги. В считанные мгновения Ирка превратилась в серьезную и сосредоточенную девушку, что-то напряженно высматривающую за моей спиной. Волнение Ругаловой передалось и мне. Еще не понимая в чем дело, я уже знала, что это нечто опасное и касается мира практикующих. Видимо, сбежать от этого надолго невозможно. Особенно, если являешься его частью.

– Что случилось?

– Кто-то приближается, – встряхнула головой Ирка. – Кто-то очень агрессивный.

– Кто?

Она спрыгнула с качелей, не спуская глаз с арки, через которую мы вошли. Наблюдая за входом, Ругалова потянулась к своей сумке, достала из наружного кармана два коричневых напульсника с синим тиснением и, стянув перчатки, нацепила их себе на запястья, задирая рукав пуховика и водолазки. В свете зажегшихся фонарей на ее пальце сверкнул лазурит.

– Агат, иди домой. Я вечером позвоню, – покосилась на меня подруга, когда я точно так же спрыгнула с качелей и подошла к ней.

– Да вот еще. Никуда я отсюда не пойду! – взъерепенилась я, не понимая, как Ирке это вообще могло в голову прийти.

– Тогда особо не лезь, просто стой в стороне и скрести ноги или руки, а лучше и то, и другое... Говорю просто на всякий случай, надеюсь, до такого не дойдет: не позволяй дотронуться до голой кожи.

Такая Ирка была мне незнакома. Передо мной стоял боец, и я решительно не понимала, как такое возможно. Да, Ругалова говорила, что это как совмещать два режима, но я не представляла, какой это пугающий контраст, и как легко получается переключиться с первого на второй. А ведь рядом даже Берёзина нет!

Из арки появилась высокая девушка в черных джинсах, зеленой дутой куртке и черной меховой приплюснутой на один бок кепке. У нее были настолько широкие плечи, что я интуитивно приплюсовала ей занятие плаваньем на профессиональном уровне. В нашу сторону девушка практически маршировала, не сводя глаз с Ирки. Неудивительно, что подруга почувствовала ее приближение. Я бы тоже наверняка уловила такой негатив издалека.

– Кто это?

– Алена. Фамилляр того темного ведьмака, которого я толкнула в сугроб на Первомайской.

– А по сущности кто?

- Крокодил. Она очень мощная. Мощнее, чем кажется.
- Вы уже сталкивались?
- Нет, но я видела ее стычку с Мирковой. Впечатляюще.
- Она хочет тебе врезать?
- Определенно, – спокойно кивнула Ирка, скрестив руки на груди.

Девушка дошагала до площадки, на которой мы стояли, и остановилась шагах в десяти от нас. Я прикинула, что если она сделает рывок, и Ругалова не успеет увернуться, обе полетят через лавочку и покатаются по снегу на дорогу.

– Здорова, Пони, – начала Алена, скользнув по мне цепким взглядом, чем-то напомнившим въедливое изучение Саши, когда та находилась рядом с Праховой. Девушка выявляла угрозу. Что бы она во мне ни увидела, это ее не впечатлило, раз она так скоро вернула все внимание Ирке. Ну и зря. У меня есть опыт, а у Ирки – нет.

– Чего здесь забыла, большая Крокодила? – процедила Ругалова, и я отчего-то легко представила, как ее лошадь лягнула задними копытами воздух.

- Лишних убери, – кивнула на меня Алена.

Внешности она была, прямо сказать, не самой приятной. Особо в глаза бросались тяжелая квадратная челюсть и близко посаженные голубые глаза. Из-под кепки торчали короткие светлые волосы.

Все же что-то в ней было. То ли чувствовалась сила, то ли какая-то особая харизма, излучаемая всеми темными. Та самая крупница понимания, что никто из них не побоится дать отпор. Вспомнив, как быстро Влад наказал того скабрезного парня в парке, я поняла, в чем именно выражается эта опасность. Темные мгновенно схватывали ситуацию и действовали. Решительно и основательно.

- Вот и уберись, – услышала я себя. – Ты тут как раз лишняя.

Голубые глаза чужого фамильяра снова остановились на мне, и на этот раз я заслужила более пристальное внимание.

- Ты чья?

- Она своя собственная, – отрезала Ирка. – Говори зачем пришла и проваливай.

– Тпру, – усмехнулась Алена. – За тобой должок, Пони. Я предупреждала не распускать свои копыта на моего ведьмака.

– А я предупреждала твоего ведьмака свалить с дороги. Его глухота не моя проблема. Води его тогда за ручку и смотри, кому он проход загораживает.

Чувствуя уверенность, с которой говорила Ирка, я поняла, что виноватой она себя не считает. И вновь меня удивила произошедшая с ней перемена. Откуда взялись эти стальные нотки в голосе?

Статус фамильяра менял человека больше, чем я могла себе представить. Очевидно, я так и не нашла правильных вопросов, чтобы получить все проясняющие ответы. Возможно, Яблонев в очередной раз был прав, говоря, что нужно шагнуть на дорогу и прочувствовать ее самому, а не сидеть дома и перебирать все, что может или не может случиться.

– Я была на соревнованиях, – обнажила Алена крепкие и ровные белоснежные зубы. Надеюсь, она не предпримет попытки покусать Ирку. Я слышала, что захват челюсти крокодила – железный, и, догадываясь, как много совпадений между физическими способностями сущности и тела, не сомневалась, что палец Алене лучше в рот не класть. Во всех смыслах.

– Значит, таскай его с собой, – выдвинулась вперед Ирка. – В любом случае, ваши трудности – не мои проблемы. Я защищала своего практикующего от назойливости и идиотизма твоего.

– Ты только что назвала моего практикующего идиотом? – тихо переспросила Алена, и ее глаза нехорошо сверкнули.

– Каждый услышал то, что хотел, – вывернулась Ругалова. Оправдываться она точно не собиралась, и я почувствовала прилив гордости за подругу. Пожалуй, такой Ирка нравилась мне даже больше.

Я не поняла, в какой момент Алена начала движение, уловила только зеленое надвигающееся полотно ее куртки. Оттолкнув Ирку в сторону, потащив за капюшон, я нелепо упала на одно колено, получив локтем в бок от нашей противницы. Шапка съехала на глаза, холод обжег ногу, еще один тычок повалил меня на бок, и, при падении, я умудрилась прикусить язык.

Зашипев от острой боли, я сглотнула кровь, поднимаясь на руках. Стащив шапку на затылок, увидела, чем на самом деле была возня, слышащаяся из-за лавки. Ирка и Алена катались по площадке, вцепившись в воротники и высказывая все, что думают друг о друге. На моих глазах Ругалова втиснула колено между собой и нападающей, стараясь скинуть ту. Крокодил занимала ведущее положение, перехватив руки Ирки и сидя верхом на ней.

Из моего рта вырвался какой-то нечеловеческий звук, напоминающий рычание и приятно щекотавший горло. Вскочив на ноги, я перемахнула через лавку, сбивая Алену с Ирки, и показала с ней дальше. Она и впрямь была мощной, ее руки умудрились пощекотать мои ребра даже через пуховик, но фамилляр допустила ошибку. Недоценила степень моего бешенства.

Не чураясь грязной игры, я сбила с нее кепку, зарылась рукой в перчатке в короткие волосы и макнула головой в сугроб. Заорав, она заворочалась всем телом, пытаясь сбросить меня с себя, и, каким-то непонятным образом, у нее это получилось. Ударившись спиной обо что-то похожее на бордюр, я вскрикнула, и тогда ее руки сомкнулись на моей шее:

– Не лезь в разборки старших, дитенок, они тебя не касаются, – прошипела она, в то время как мне переставало хватать воздуха на вздох. Ее пальцы с короткими ногтями вжимались в мое горло с такой силой, что наверняка останутся синяки. Зарывшись рукой в снег, я кинула его в лицо Алене, и давящая сила исчезла, как и ее тяжесть.

Она начала подниматься, когда я, кашляя, схватила ее под колено и потянула на себя, заставляя упасть. Подбежавшая Ирка прижала ее за плечи, упершись коленом куда-то в грудь. Вдвоем нам все-таки удалось пригвоздить Алену.

– Проваливай отсюда, Крокодила, катись к своему ведьмаку!

– Одна ты бы меня не победила, Пони. Подруженька не всегда будет рядом.

– Ты меня недооцениваешь, – сдавленно ответила я, все еще пытаясь откашляться.

– Ты не знаешь куда влезла, – хмыкнула Алена.

Она еще умудрялась угрожать! И это в положении побежденного! Стиснув зубы, я снова сглотнула выступившую кровь, сейчас просто ненавижу свои острые зубы. Нормальные люди прокусывают до крови язык при сильнейшем ударе в челюсть, а мне хватает легкого касания. Несправедливо!

Не сговариваясь, мы с Иркой поднялись и отошли от Алены, давая ей подняться. Ругалова снова стояла, скрестив руки и ноги, и я заторможено последовала ее примеру. Противница поднялась, подхватила и отряхнула свою кепку, и как раз в этот момент где-то наверху отворилось окно, и какая-то старушка крикнула:

– А ну уходите, хулиганье! Я полицию вызвала!

Алена покинула двор прежде, чем мы добрались до своих сумок. Сильно сомневаясь, что старушка разглядела наши лица черти с какого этажа, да и вообще поняла, что мы девочки, а не поддатые парни, решившие выяснить отношения, мы все же в темпе покинули дворик, скрываемые усилившейся метелью. Дворами и смежными улочками мы оказались в моем дворе, и только тут нас прорвало.

– Ты зачем полезла? – накинулась Ругалова. – Кто тебя просил?

– А что, мне нужно было стоять и смотреть, как она тебя в землю вминает!?

– У меня все было под контролем!

– Ни черта подобного! Контролем там и не пахло! Не сбей я ее, Крокодила тыпнула бы тебя за нос!

– Эта сумасшедшая чуть не придушила тебя! Я до смерти перепугалась!

Ирка крепко обняла меня, и я ответила тем же, зарываясь носом в уголок между воротником и капюшоном.

– Спасибо, что помогла, – чуть позже признала Ирка, когда мы устало опустились на лавочку у моего подъезда.

– Да без проблем, – махнула я рукой, все еще ощущая, как тело сотрясает внутренняя дрожь. – Что скажешь Леше?

– Дай-ка я гляну твою шею, – пропустила она вопрос мимо ушей, жестом указывая мне задрать голову. – Ого. Тут точно будет синяк с пятирублевую монету. Советую врать про засос, если мама увидит, а лучше замазывать его тональником.

– Так что ты скажешь Берёзину? И что мне говорить Владу? – настояла я, приняв ее совет к сведению. Только объяснений с мамой мне еще не хватало ко всему прочему.

– Ничего. Мы ничего им не скажем. У Яблонева с виденьем ауры лучше, так что воздержись от личной встречи с ним дня три, тогда он вряд ли заметит, что ты с кем-то дралась. А Леше я придумаю что сказать.

– Почему не правду?

– Потому что тогда Леша решит пойти и надрать задницу этой парочке отверженных! – взмахнула рукой Ругалова. – Я не могу поставить его под угрозу ментальной драки, понимаешь? Практикующий Алёны, он... мерзкий, подлый манипулятор! Может ему именно это и нужно!

– Зачем?

Я честно старалась понять, но пока не получалось. Влад говорил, что между фамиллярром и практикующим должно царить полное доверие, а Ирка... Признавалась, что у нее с этим проблемы, точно.

– Доказать свою крутость, ткнуть их всех носом в то, какого сильного практикующего они выгнали... Да мало ли что творится в его голове? Я на участие в этом маразме не подписывалась и Лешу туда не потяну!

– Все-все, остынь. Ничего никому не скажем, – примиряюще выставила я ладони вперед, видя, как она заводит себя на пустом месте. – Только еще кое-что мне проясни, и давай по домам.

– Что?

– Почему было так важно, чтобы она не коснулась голой кожи? – Я указала на шею, намекая, что это у Алёны все-таки вышло.

– Потому что она могла перебить тебе энергетические каналы. Я-то сразу же напялила защиту, прикрывая запястья. – Ирка кивнула на торчащие напульсники. – Их заговаривал сам Леша, так что это все равно что две ментальные боксерские перчатки, и еще кольцо-оберег. Не думаю, что за те несколько секунд она что-то успела сделать. Даже не поняла, кто ты. Ну... или кем можешь стать.

– Вообще-то этот вопрос «ты чья?» прозвучал очень по-дурачки! Как будто я чья-то вещь! – возмутилась я.

– Или приблудившаяся собака, – заржала Ругалова, и я сделала вид, что ищу, чем бы в нее бросить. – Ладно, если бы ты ответила, что фамилляр Яблонева, было бы еще хуже.

Мой красноречивый взгляд даже не требовал вербальной речи. Терпеливо вздохнув, Ирка пояснила:

– Ведьмак Алёны и наш Князь на дух не переносят друг друга. Да она плюнула бы на меня и основной целью выбрала тебя, лишь бы порадовать своего практикующего!

– Ты не скажешь мне его имени, да?

– Это дело Яблонева, и я пообещала Леше.

– Еще подругой называешься, – обиженно пробурчала я.

– Мы только что уделали фамильяра с двухлетним опытом на чистом энтузиазме, – указала мне Ругалова. – Да мы супер подруги!

Я дала ей «пять» и, пообещав написать, если плохо себя почувствую, зашла в подъезд. Лампочка снова не горела, пришлось разбираться с ключом и замком в темноте, стоя на трясущихся ногах. Не знаю, была ли это усталость или накрыл откат, но, переступив порог дома, я стекла по двери на пол, зная, что мама придет с работы только через час. Времени, чтобы прийти в себя, – вагон.

Достав телефон, я обнаружила несколько сообщений от Влада. Похоже, у него и впрямь «слетел» один клиент, раз он оказался свободен. Руки чесались выложить ему все о стычке с Аленой, но, вняв предостережению Ирки, я ответила на предложение встретиться завтра: «Извини, я в полном завале до конца недели».

Пусть Яблонев не был моим практикующим, я все равно не хотела, чтобы ведьмак вступал в противоборство со своим неприятелем. Что-то подсказывало, что я этому самому неприятелю, сделай он что с Владом, уши откручу. Или откушу.

Глава 9

Шел второй день моей непонятной болезни, напоминающей летаргическую спячку, сопряженную с тотальной слабостью и периодической дрожью. Сидя на диване, закутанная в плед по самую шею, я пялилась на телефон, мигающий зеленым. Сложно вести два чата одновременно, когда одному собеседнику в панике рассказываешь правду, а второму врешь напропалую. Не дай Бог не туда сообщение отправить...

Разговаривала я с Владом, настаивающим на встрече и начинающим что-то подозревать, и Иркой, сегодня так и не дождавшей меня на учебе, хотя вчера я клятвенно обещала присутствовать. Уверена, во всем виновата Алена. Не знаю, что и как она успела сделать, сжимая мою шею каких-то двадцать секунд, но именно с того дня все и началось.

В полночь после стычки с этой... дрянью, меня одолела такая слабость, такая, что лежа на кровати захотелось прилечь. Ощущение, будто я стою и стараюсь удержать на плечах тонну железа, с тех пор так и не прошло. Взглянув на меня утром, мама заявила, что с таким бледным болезненным видом в универе делать нечего. Стоило только зарыться обратно под одеяло, как она настигла меня нотацией о сидении в интернете ночами, видя в этом источник всех проблем. Ну да, конечно.

Ирка: «Опиши, что точно с тобой происходит. Температуру мерила?».

Я: «У меня всегда температура 37 с хвостиком, и это нормально».

Ирка: «Померяй сейчас же! Это важно!!!».

Закатив глаза, я все же выпуталась из пледа-кокона, прошлепала на кухню к домашней аптечке, представляющей собой коробку из-под обуви, заваленную разными таблетками, и вытащила из ее недр пластиковый чехол с градусником. Закутавшись обратно в плед и сунув подмышку градусник, я открыла чат с Владом.

Князь: «Я чем-то тебя обидел?».

Закусив губу, нерешительно постучала пальцами по экрану. Свалить все на идиотов-одногруппников? Мол, достали, нет настроения, нужно просто побыть одной? Нет, он умный, поймет, что это отговорка. Если ощутил мой смех на расстоянии, то и увиливания и нежелание встречи тоже распознает.

Вернее, видеть-то я его хочу, даже очень, только вот нельзя, потому что ведьмак сразу раскусит что к чему и как было. А врать ему так не хочется... Я запуталась.

Я: «Не говори глупостей. Ты ничем меня не обидел. Просто я немного потерялась в происходящем. Хочу поразмышлять над всем без сторонних влияний».

Князь: «Понял. Можно позвонить тебе вечером?».

Я очень хочу, чтобы ты позвонил мне вечером, а еще лучше прямо сейчас! Вот только ты наверняка и по голосу что-нибудь сообразишь. И еще я жутко соскучилась. Захныкав, я съехала по дивану и накрыла лицо подушкой, параллельно вспоминая о градуснике. Достав сие чудо медицины, едва не вывихнула челюсть, раскрыв рот от удивления. Привычных 37 и 2 не было и в помине. Не нагрелось даже на 36 градусов. Полоска ртути уверенно остановилась на 35 и 4.

– Да быть этого не может, – вслух пробормотала я, стряхивая градусник и снова ставя его. Скорее всего, плохо держала. Позабыв про то и дело вибрирующий телефон, я выждала десять минут для верности и снова вытащила градусник на свет. Тот же результат.

Тем временем мобильный мигал конвертиками двух чатов.

Князь: «Герцогиня?»

Ирка: «Ну что?»

Ирка: «Ты меряешь температуру?»

Ирка: «Агата!»

Остановившись на переписке с Ругаловой, я быстро напечатала: «35 и 4. Чувствую себя отвратительно. Снова начало трясти, а еще клонит в сон. Полный упадок сил». Чуть подумав, отправила следом еще одно: «И меня убивает то, что я вру Владу».

Ирка: «Через полчаса буду у тебя. Не вздумай засыпать!»

Отправив ей на это «ОК», я снова зашла в чат с Яблоневым.

Я: «Может, лучше я сама тебе позвоню?»

Князь: «Хорошо. В любое время дня и ночи».

Князь: «Серьезно».

Я: «Спасибо».

Облегченно выдохнув, я отложила телефон и понесла градусник на законное место. В голову как свинца налили, и опуститься на стул показалось самым лучшим решением, чтобы удержать эту тяжесть. Локти уперлись в столешницу, подбородок лег на сложенные руки, и я прикрыла глаза. Вот так лучше... Еще бы подушку... Стоп. Ирка велела не спать! С каких это пор я слушаюсь Ругалову?

Встряхнув головой, я отправилась напрямик в ванну и включила холодную воду. Освежив лицо и подержав под ней руки, вернулась в зал, на ходу тряся пальцами. Телефон снова мигал, и, глянув на сообщение от Ирки, я мысленно застонала. Подруга тащила ко мне Берёзина и велела одеться во что-то приличное. Мне плохо, а она еще указывает, в чем болеть!

Покорно потопав к шкафу, я вытянула первые попавшиеся джинсы и бирюзовую майку с изображением волка. Сойдет. Переодевание выпило все оставшиеся силы, и я в изнеможении вернулась в объятия пледа и диванный плен. Кажется, даже ноги не успела вытянуть, как заунывно запел домофон. Ненавижу этот звук.

Дотащившись до прихожей, хватаясь за дверные косяки, я нажала кнопку на трубке, догадываясь, что это кавалерия примчалась на помощь. Понятно, почему Ругалова так быстро. Берёзин, наверное, подхватил ее от универа на машине.

Ирка стремительно рванула на себя входную дверь, и я едва не вылетала на лестничную площадку к ней с Лешей. Берёзин вовремя выставил руки, поддерживая меня, и по лицам парочки я как-то сразу поняла, что прогнозы неутешительные.

– Привет, – поздоровался целитель без улыбки, недовольно покосившись на разубающуюся Ирку.

– Привет, – выдавила я ухмылку. – Как жизнь?

– Жалею, что некоторые не краснеют, когда врут, – сдержанно ответил Леша.

Ругалова, в чей огород камень и прилетел, поникла, жалобно посмотрев на него снизу вверх. Похоже, целитель уже в курсе нашего драчливого приключения. Придав мне устойчивое положение, он принялся расшнуровывать ботинки, а я по стеночке вернулась к родному дивану. Когда вопрос с вешалками, верхней одеждой и вещами был решен, светленькие зашли в зал.

– Ну? Что со мной? – поторопила я их переглядывания.

– Если коротко: она тебя жрет, – выдал Берёзин, уставившись на меня так, как иногда это проворачивал Влад. – Как тебе только в голову это пришло? Совершенно безответственно! – обернулся Леша на Ирку, севшую прямо на полу по-турецки. Подруга опустила глаза, делая вид, что все ее внимание захвачено узором ковра. Я бы ее пожалела, но мне было как-то слишком плохо для любых действий. – Ты хотя бы понимаешь, во что превратилась ее аура из-за каждого часа, что вы не говорили правду? Влад знает?

– Н-нет, – запнулась я, не подозревая ранее, что светлый целитель с сущностью дельфина может быть таким сердитым и выглядеть настолько грозно. – И что значит, она меня жрет? Как это?

– Она подключилась к твоим каналам и пьет силу дистанционно с помощью какого-то маячка, увидеть который я не в состоянии, – глубоко вздохнув, объяснил Леша. – Ир, поставь чайник, возьми из моей сумки ромашку и чабрец.

Ругалова встала, но, прежде чем уйти на кухню, спросила:

– Чай же не поможет стопроцентно?

– Чай придаст ей сил на определенный срок. Помочь ей сможет только Яблонев, потому что за это больше никто не возьмется. И я очень надеюсь, что он не объявит мне войну из-за действий моего непутевого фамильяра. Я не хочу терять друга.

– Да я сама влезла в драку, Ирка не причем. И почему только Влад? – словно очнулась я, отмечая, как это странно – видеть Берёзина в своей квартире.

– Потому что ты потенциально его фамильяр. Неважно, согласилась ты или нет, прежде чем как-то вмешаться в твою энергетику, я обязан спросить разрешение у него, – смягчился светлый, но мне показалось, что это не вся правда. – И я даже думать не хочу, что он решит сделать, когда увидит то, что вижу я. Милосердными темную часть нашего круга назвать трудно.

На кухне Ругалова завозилась с чайником, я поморщилась, когда она слишком сильно опустила его на решетку газовой плиты.

– А моего разрешения недостаточно?

– Для Захаровой и Праховой было бы достаточно, но мы с ними работаем по-разному и обращаемся к различным по своей природе силам. Это все равно что делать тебе переливание крови группой, которая подходит всем, а они могут сделать конкретно твоей-редкой, – Леша сел на корточки передо мной. – Позвони ему. Лучше, если Влад узнает от тебя, чем от нас с Ирой.

Тут он, конечно, прав. Мне было бы неприятно, если кто-нибудь чужой позвонил и сообщил, что Владу требуется моя помощь. Почему тогда сам не связался, раз я так нужна?

– Мне так стыдно, – закусила я губу, смутившись. – Я ему вру последние два дня, что просто занята и не могу с ним встретиться.

– Понятно, кто тебя этому научил, – взъерошил свои светлые волосы целитель, глянув на стену, за которой находилась Ругалова. Вернее, пряталась Ругалова, потому что поставить чайник – дело одной минуты. – Ничего, Влад тебя поймет, поверь. Я его очень давно знаю.

От искренней улыбки Берёзина немного полегчало на душе, и я взялась за телефон. Проявляя верх тактичности, Леша вышел из комнаты, и они о чем-то заговорили на кухне с Ирой. Глубоко вздохнув, набираясь смелости, я выбрала «Князь» в списке контактов и нажала на кнопку вызова.

– Привет, Герцогиня, – ответил он с улыбкой в голосе, заставившей почувствовать меня себя еще ужаснее, чем до этого.

– Привет, – робко уронила я, соображая, как и что сказать. – Ты... можешь пообещать мне не злиться, что бы я тебе сейчас ни сказала?

– Интригующе... Очень интригующе, но я не могу дать тебе такого обещания, поскольку не берусь утверждать, что останусь спокоен.

Жаль. Не получилось.

– Агата, – мягко позвал он. – Скажи мне, что случилось.

Скривившись, я подобрала под себя ноги и решила рассказать с самого начала, чтобы, если он решит приехать, то успел немного остыть в дороге. Я достаточно узнала Влада для того, чтобы понимать, как именно он встретит эту новость. Яблонев не терпит, когда людей, которых он считает своими – обижают.

– Два дня назад мы с Иррой гуляли после пар и зашли посидеть в один дворик. И там... нас нашла Алена, которая фамилляр с сущностью крокодила. Она набросилась на Ирку, и я...

– Что она тебе сделала? – ровно спросил Влад, и все, что в моем организме отвечало за инстинкт самосохранения, встало по стойке смирно.

– Она немного придушила меня, а теперь Леша говорит, что «она меня жрет», – пробормотала я, теряясь в звучании бреда, который говорю. Со стороны так точно полный идиотизм.

– Берёзин сейчас в твоей квартире? – еще тише переспросил Яблонев.

– Да, его притащила Ирка, когда я написала ей, что у меня температура ниже 36 градусов.

– Значит, ты написала Ирке, позволила ей привести к тебе своего практикующего, и только сейчас говоришь обо всем мне?

– Прости, – пискнула я. – Я просто не хотела тебя волновать...

– Буду через пятнадцать минут, – перебил меня Яблонев и повесил трубку.

Остается загадкой, как он это сделал, но в квартире ведьмак появился даже раньше указанного срока. Как раз тогда, когда я допивала чай. Открыл ему Берёзин, и то, о чем они переговаривались, звучало слишком тихо, чтобы я могла даже попытаться различить отдельные слова.

Слыша, как Влад снимает куртку и разувается, я про себя поблагодарила предусмотрительность Ругаловой, заставившей меня переодеться во что-то более приличное и видное, чем потертые тренировочные штаны и растянутая майка, заляпанная кетчупом. Встретить Яблонева впервые у себя дома в таком поношенном ансамбле... Моя девичья психика не вынесла бы подобного позора.

Влад ступил в комнату, мельком осматриваясь, после чего его взгляд прочно зафиксировался на мне. Неизменные черные джинсы сегодня сочетались с темно-синим свитером с полукруглым вырезом, и на этом фоне глаза ведьмака казались еще темнее, словно наполненные густым туманом. С плеча парня свешивался черный рюкзак, который я раньше не видела, и весь вид Влада выражал собой собранность и готовность действовать.

– Привет, – начала я, оставив кружку.

– Привет, – кивнул он, глядя на мое туловище, туда, где, как я уже успела выучить, обитал дог. – Понятно, – пробормотал он, чему-то кивнув. – Голова уже болит?

– Н-нет пока, только слабость и тяжесть... Влад, я...

Он выставил руку, обрывая меня, и опустил рюкзак на ковер. Не сказав ни слова, Яблонев вышел из комнаты, и я услышала, как в ванной зашумела вода. В зал скользнула бледная Ирка с покрасневшими глазами.

– Ты что, плакала? – удивилась я.

– Конечно, я плакала! Я, знаешь, как перепугалась? Еще Леша со своей лекцией, а теперь Яблонев на меня посмотрел, как на врага народа... Я правда думала, что все в порядке...

– Ир, успокойся, ну откуда ты могла знать...

– Да, Ир, успокойся, – бесшумно вернулся в комнату Влад. – Не засоряй мне пространство для работы своими пустыми, никчемными и лишними сожалениями. Толку от них, как от дохлого таракана.

– Влад, не надо так с ней!

– Ты права, – прямо посмотрел на меня Яблонев. – С ней надо еще похлеще, и поверь мне, Агата, я сейчас изрядно себя сдерживаю. Мне в страшном сне не могло привидеться, что светлый фамилляр-новичок с сущностью травоядного решит потягаться силами с темным фамилляром-хищником, и во все это втравит человека, не знающего о подобных стычках ровным счетом ничего. Ты в каком мире видела, чтобы лошадь ела крокодила? – Глаза Влада нехорошо сверкнули, и Ирка отступила к стене.

В комнату стремительно вошел Алексей с еще одной кружкой пахучего травяного чая. Протянув ее мне, он встал рядом с Ругаловой, спокойно встречая взгляд Влада, но не загорая от него Ирку. Не знаю, что сейчас действовало за правило, но оба практикующих напоминали родителей, отчитывающих детей за неподобающее поведение. Самое страшное то, что я действительно чувствовала себя несмышленьшем, которого вот-вот поставят в угол.

– Я думала... – слабо начала Ругалова, опустившись на диван рядом со мной.

– Ты НЕ думала, – отчеканил Влад. – В том и проблема. Одним решением ты подставила под удар Агату, что косвенно относится ко мне, и утаила важную информацию от своего практикующего, что опять-таки косвенно могло поспособствовать его конфликту со мной, а, значит, и с Праховой.

Косвенно? Потому что я не дала согласие... Тогда было бы напрямую. Как Влад может говорить так спокойно и ровно, когда всем очевидно, что он зол? Я тоже хочу такую суперспособность!

– Я просто хотела уберечь Лешу от схватки с этим козлом, – пробормотала Ирка, краснея.

Сомневаюсь, что козел – сущность практикующего Алены, но, вполне возможно, что характеризует его даже лучше.

– Влад, пожалуйста, – позвала я ведьмака, видя, как он открыл рот, чтобы развеять Иркино «просто» по ветру. – Не надо. Ты можешь мне помочь?

– Я помогаю тебе с той секунды, как пришел, – ответил Яблонев, и взгляд его чуть смягчился. – Леш, я думаю, тебе есть, о чем поговорить со своим фамилляром подальше отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.